

ISSN 3034-6339

№ 2 (2024)

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 3.

История.

Политика. Право.

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**ISSN 3034-6339****Серия 3. ИСТОРИЯ. ПОЛИТИКА. ПРАВО.****2024 № 2***Научный журнал*

основан в августе 2022 г.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

г. Калуга

Журнал включён в систему Российского индекса научного цитирования (<http://elibrary.ru/>), дополнительное соглашение № 2 от 11.03.2025 г. к договору № 342-09/2019 от 03.09.2019 г.

Журнал принимает оригинальные, ранее не опубликованные статьи по следующим направлениям:

РУБРИКИ ГРНТИ:

030100. Общие вопросы исторических наук; 030900. Всеобщая история; 032300. История России; 032900. История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности; 103100. Гражданско-процессуальное право (гражданский процесс); 107900 Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс); 100700. Теория государства и права; 100900. История государства и права; 110100. Общие вопросы политических наук; 110900. История политических учений; 111500. Теория политических систем. Внутренняя политика; 112500. Теория международных отношений. Внешняя политика и дипломатия

РУБРИКИ OECD

505. Law; 506. Political science; 601. History and archaeology

Номенклатура научных специальностей ВАК:**5.1 – Право**

- 5.1.1 - Теоретико-исторические правовые науки;
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки;
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки;
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки;
- 5.1.5 – Международно-правовые наук

5.5 – Политические науки

- 5.5.1 – История и теория политики;
- 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии;
- 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики;
- 5.5.4 – Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6 – Исторические науки

- 5.6.1 - Отечественная история;
- 5.6.2 – Всеобщая история;
- 5.6.3 – Археология;
- 5.6.4 – Этнология, антропология и этнография

Журнал индексируется в следующих каталогах: РИНЦ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Казак Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, ректор КГУ им. К.Э. Циолковского (главный редактор)

Доможир Владимир Викторович, кандидат экономических наук, доцент, первый проректор КГУ им. К.Э. Циолковского (заместитель главного редактора)

Полякова Мария Александровна, доктор педагогических наук, доцент, директор Института истории и права

Аксенова Галина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета

Александров Андрей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Белова Ирина Борисовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права

Васильева Татьяна Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Дроздов Денис Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Иванов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Ильяш Алексей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Кархалев Денис Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции КГУ (профессор кафедры гражданского права Башкирского государственного университета)

Кометчиков Игорь Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Курков Владимир Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Старостенко Константин Викторович, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой общей и прикладной политологии Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Степанов Вячеслав Петрович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Отдела современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы Института славяноведения РАН

Тарасова Любовь Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права

Федоров Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права

Коненкова Наталия Викторовна (технический редактор)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права

Адрес редакции:

248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, д. 22/48, комн. 606

Тел.: (4842) 50-30-21; + 7 953 332 24 53; + 7 901 635 97 64

E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Адрес типографии: Отпечатано «Наша Полиграфия», 248600, г. Калуга, ул. Грабцевское шоссе, 126

УЧРЕДИТЕЛЬ: Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского

Распространяется бесплатно

© КГУ, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

<i>Власов А.Е.</i> ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КАЛУГЕ 1900 ГОДА.....	5
<i>Дорохина М. Н.</i> СБОР РОЖДЕСТВЕНСКИХ И ПАСХАЛЬНЫХ ПОДАРКОВ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ КАЛУЖСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО КОМИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914 – 1918 ГГ.	10
<i>Гольцов А.Н.</i> ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	21
<i>Запальская А.И., Штена А.В.</i> ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ – ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ ЦЕНТРОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ	30
<i>Иевлева О.И., Майорова Н.О.</i> ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КОМСОМОЛЬЦЕВ КАЛУЖСКОГО ОКРУГА В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ. 1 ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА – 15 МАРТА 1930 ГОДА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)	38
<i>Корнелиук В.Г.</i> КАЛУЖСКИЙ КРАЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ БЫВШИХ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЗ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ	42
<i>Кочаловская Н.А.</i> ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ (НА ПРИМЕРЕ ДОМА С.Т. РИХТЕРА В ТАРУСЕ): ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	49
<i>Лисакова В.И.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ТЕМЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ С УЧЁТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)	53
<i>Полякова М.А.</i> РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКОНЕ КАЗАТИ	57
<i>Сапожников М.В., Штена А.В.</i> К ВОПРОСУ О МЕТОДИКАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ ВОИНОВ, ПАВШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ. НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ НА (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И СУДЬБЫ МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА И.Д. НЕСТЕРЕНКО)	63
<i>Тарасова Л.В., Митина А.А.</i> ДОСУГ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I–II ВЕКОВ Н.Э. (ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО)	67
<i>Ульянов И. А.</i> ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕКТОРОВ И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СОСТАВА КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ. .	73

Филимонов Н.А.

CONDITA COLONIA DACICA: ПЕРВЫЕ НАМЕСТНИКИ РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ
ДАКИИ – ЮЛИЙ САБИН И ДЕЦИМ ТЕРЕНЦИЙ СКАВРИАН 80

ПОЛИТИКА

Ворожун А.А., Курков В.В.

ООН – ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА 84

Дедиу Е.И., Гаврилюк Н.П.

ОТ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ К ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИИ:
ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ 90

Демина Т. В., Курков В.В.

МАХАТМА ГАНДИ И МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ: К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ
АНАЛИЗЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И СТИЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА..... 100

Панков А.С.

ВЛИЯНИЕ ХАРИЗМЫ ЧЕЛОВЕКА НА ЕГО ПРОДВИЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРЬЕРЕ НА ПРИМЕРЕ В. В. ЖИРИНОВСКОГО 108

ПРАВО

Антонова М.А., Федоров А.Г.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ
В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ 115

Иванников И.А.

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ 120

Ленкова Ю.А.

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 123

Маркина А.А., Ильяш А.В.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ 126

Маркитанов Б.И., Федоров А. Г.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА 132

Паршенков Д.Ю., Федоров А. Г.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ В ДОГОВОРАХ
ТОВАРНОГО И КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ 136

Соболева А.А.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО
ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ФОРМЕ
БЕЗДЕЙСТВИЯ 141

Соломянова М.И.

ПОНЯТИЕ ВМЕНЯЕМОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ 145

Храмцов А.А., Федоров А.Г.

ВЗЫСКАНИЕ ДОЛГА ЗА СЧЁТ НАСЛЕДСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 149

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 152

ИСТОРИЯ

УДК 93; 94(47).083

А. Е. Власов

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В КАЛУГЕ 1900 ГОДА

Используемые в статье архивные материалы, извлечённые из фонда № 783 «Калужский городской полицмейстер» Государственного архива Калужской области (опись 1, дело № 231), представляют собой бесценный источник для изучения повседневной жизни и функционирования Калужской городской полиции в 1900 году. Эти документы открывают уникальную возможность не только увидеть изнутри работу сотрудников полицейского ведомства, но и проанализировать их взаимодействие с местным населением, другими государственными институтами, а также исследовать внутренние механизмы и социальные проблемы того времени. Исторические детализированные сюжеты, описанные в статье, позволяют получить достаточно полное и многогранное представление о деятельности калужской полиции на рубеже XIX–XX веков.

Ключевые слова: бюрократия; дисциплина; жалоба; Калуга; контроль; надзор; полиция; правопорядок; социальная ответственность; финансы.

A.E. Vlasov

EVERYDAY POLICING IN KALUGA IN 1900

The archival materials used in the article, extracted from the fund No. 783 "Kaluga City Police Chief" of the State Archive of the Kaluga Region (inventory 1, case No. 231), are an invaluable source for studying the daily life and functioning of the Kaluga City Police in 1900. These documents provide a unique opportunity not only to see the work of police officers from the inside, but also to analyze their interaction with the local population and other government institutions, as well as to explore the internal mechanisms and social problems of that time. The historical detailed plots described in the article allow us to get a fairly complete and multifaceted picture of the activities of the Kaluga police at the beginning of the 19th–20th centuries.

Keywords: bureaucracy; discipline; complaint; Kaluga; control; supervision; police; law and order; social responsibility; finance.

Рубеж XIX–XX веков для Российской империи это период относительной политической стабильности, сопровождаемый экономическим ростом и некоторыми социальными изменениями. Реформы, проведённые в эпоху императора Александра II, затронули и ряд правительственных институтов, коснувшись министерств внутренних дел и юстиции. Но, несмотря на это, реформы носили половинчатый характер, а государственная система, по-прежнему, была иерархической, и на местах во многом зависела от воли губернатора. Рост городов, увеличение населения, усложнение социальной структуры требовало более эффективной работы полиции. Полицейские управления часто испытывали финансовые трудности, что отражалось на заработной плате и мотивации служащих. Некоторые аспекты деятельности калужского полицейского управления уже затрагивались нами в более ранних публикациях.

В частности, в сборнике материалов международной научно-практической конференции молодых учёных «История России с древнейших времён до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды» (24–25 ноября 2020 г.) была опубликована статья А.Е. Власова в которой, опираясь на широкий спектр документальных источников, автор анализирует отдельные аспекты профессиональной деятельности сотрудников сыскной полиции и жандармских подразделений города Калуги в начале XX века [3]. А.Е. Власов также уделяет внимание изучению жандармерии и полиции в рамках региональной истории, рассматривая правоохранительные органы как неотъемлемую часть социокультурного пространства Калужской губернии. Интересные факты о зарождении и развитии кинологической службы в калужской полиции помещены в сборнике материалов 13-й городской краеведческой конференции [5]. Значительный интерес представляют работы, посвящённые анализу

делопроизводственной практики и форм контроля за деятельностью правоохранительных органов. В статье «Форма контроля за деятельностью уездной полиции Калужской губернии в 1870-е гг. (по материалам Калужского уезда)» А.Е. Власов и А.В. Штепа исследуют особенности полицейского делопроизводства в 1870-е гг., акцентируя внимание на механизмах контроля за деятельностью уездных полицейских учреждений [4]. Анализ начального этапа реформирования общей полиции в Калужской губернии представлен в статье «Заметки о службе полицейских урядников Калужского уезда в 1878 г.», в которой А.Е. Власов рассматривает реализацию реформы на примере Калужского уезда [2].

По мнению автора данной статьи, объективной оценке деятельности общей полиции города Калуги может способствовать подробный разбор 6 вопросов, а именно:

1. Кадровая политика и дисциплинарные практики: от текучки до социальной защиты.

Отметим, что кадровая политика и дисциплина были важнейшими аспектами функционирования полицейского ведомства.

Рапорт калужского полицмейстера Е. И. Трояновского калужскому губернатору А. А. Офросимову, датированный январём 1900 г., сообщает о наличии вакантной должности околоточного надзирателя в течение предыдущего 1899 г. [6, лл. 1–1об.] Сам рапорт как официальная форма обращения полицмейстера к губернатору подчёркивает иерархическую структуру управления, соблюдение формальностей, необходимых для принятия решений. Этот факт указывает на наличие проблемы с кадровым обеспечением в полиции. В качестве возможных причин отсутствия кандидатов можно указать низкую заработную плату, тяжёлые условия службы, недостаточную престижность профессии. Вакансия, с одной стороны, могла создавать дополнительную нагрузку на других полицейских, работавших на смежных участках, а с другой, служить определённой мерой для поощрения наиболее добросовестных сотрудников. На балансе бюджета городского полицейского управления г. Калуги «висели» 84 руб. 13 коп., предназначенные для выплаты жалования будущему штатному работнику калужской полиции. Поскольку за весь год не удалось найти подходящего кандидата на должность околоточного, полицмейстер предложил в рапорте губернатору распределить указанные средства в качестве награды оставшимся в штате околоточным надзирателям. Этот шаг

свидетельствует о практическом подходе полицмейстера к решению проблемы и его рационализме, что заметно наблюдается в предложении полицмейстера перераспределить невостребованные средства для поощрения служащих. Само распределение денег указывает на дифференцированный подход к оплате труда. Существование фонда на вакантную должность говорит о формализованном процессе бюджетирования [6, лл. 1–1об.]. Губернатор дал утвердительный ответ на рапорт полицмейстера. Примечателен следующий факт. С одной стороны, реакция губернатора и получение его одобрения на предложение полицмейстера свидетельствует о соблюдении бюрократических процедур, а с другой, необходимо отметить довольно оперативный ответ из канцелярии губернатора – 12 января, получение полицмейстером 14 января, при подаче рапорта в начале января. Это может говорить, по нашему мнению, об отлаженной системе управления [6, л. 2]. К рапорту Е. И. Трояновского приложен список на 11 человек – околоточных надзирателей с указанием частей города, где они работали и размером вознаграждения, который варьировался от 6 руб. 13 коп. до 9 руб. Неравномерное распределение наградных денег, вероятно, зависело от выслуги лет, или особых заслуг [6, лл. 1–1об.].

Представленные документы показывают, что в полиции существовала серьёзная проблема текучки кадров, особенно среди нижних чинов. Дело младшего городского Валецкого является ярким тому подтверждением. В начале сентября 1900 г. в 1-ю полицейскую часть обратилась прислуга землемера Виноградова с заявлением о краже имущества, принадлежавшего её хозяину. По словам прислуги, именно городского Валецкого она застала на месте преступления и подняла крик, на который откликнулся другой городской, коллега Валецкого. Валецкий пытался подстраховаться, уверяя напарника, что прибежал на шум, поднятой прислугой, но это не помогло [6, лл. 127–127 об., 128–128об.]. В ходе служебного расследования были раскрыты и другие преступные деяния Валецкого – систематические кражи кур и крестьянских возов. Краденое имущество Валецкий проматывал, играя в бильярд [6, лл. 125–125 об., 126]. Его путь от надзирателя тюрьмы к нескольким периодам службы в полиции, увольнения по собственному желанию и, наконец, увольнения за «предосудительные поступки», демонстрирует, что многие служащие не задерживались надолго. Его отчаянные попытки

восстановиться в должности и отклонение прошения губернатором указывают на серьёзность нарушений и отсутствие доверия к нему со стороны руководства. Этот случай раскрывает также и бюрократическую процедуру обжалования увольнений, которая, впрочем, не всегда оказывалась успешной [6, лл. 129, 131].

Однако, не все сотрудники полиции были ненадёжными. Пример младшего городского Аньшина, прослужившего в полиции 21,5 года и уволенного по состоянию здоровья, контрастирует с делом Вилецкого. Хода тайство полицмейстера о выплате Аньшину пособия из-за невозможности продолжения службы показывает, что добросовестные работники пользовались уважением и поддержкой со стороны руководства. Этот эпизод подчёркивает и социальную функцию ведомства, которая заботилась о своих служащих в тяжёлой жизненной ситуации [6, л. 135].

Система наказаний также была неотъемлемой частью полицейской дисциплины. Случай с околоточным надзирателем Вилькером, арестованным на 3 дня за плохой надзор в районе железнодорожного вокзала и Московских ворот, демонстрирует суровость и быстроту реакции руководства на неисполнение обязанностей. Тот факт, что охрана арестованного была поручена офицерскому караулу Староингерманландского полка, подчёркивает, что проступок Вилькера был воспринят как серьёзное нарушение служебной дисциплины, и полиция не имела собственных ресурсов для содержания провинившихся сотрудников [6, лл. 160–160 об., 161, 162].

2. Финансовые механизмы и хозяйственная деятельность: контроль, расходы, и депозитные фонды.

Финансовые механизмы и хозяйственная деятельность полиции в Калуге в 1900 г. были строго регламентированы, как показывают архивные документы. Старший ревизор Контрольной палаты, обратив внимание на выплату 5 руб. 60 коп. одному из городских без указания периода, продемонстрировал наличие системы финансового контроля за деятельностью полиции. Требование к полицмейстеру предоставить разъяснения по поводу этой выплаты, а также счёта по ассигнованиям на пошив мундиров, подчёркивает внимательное отношение к бюджетным расходам и стремление избежать финансовых злоупотреблений. Расходы полиции не ограничивались только выплатами жалованья [6, лл. 136–136 об., 137]. Тот факт, что Московская глазная больница прислала счёт на 6 руб. 60 коп.

за лечение полицейского, говорит о том, что ведомство покрывало расходы своих сотрудников за оказанные медицинские услуги. Это также свидетельствует о взаимодействии полиции с медицинскими учреждениями и заботе о здоровье своих служащих [6, л. 171 об.].

Интересной особенностью финансовой деятельности полиции был механизм формирования депозитных сумм, как показали архивные материалы. Эти средства формировались из залогов, которые вносили поступающие на службу городские и которые не возвращались в случае увольнения до истечения годового срока. Накопленные таким образом деньги шли на выплату пособий, в частности, вдове умершего старшего городского Михаила Макарова. Рапорт полицмейстера губернатору с просьбой о выплате 55 руб. на похороны вдовы Макарова из депозитных средств демонстрирует наличие некой системы социальной защиты и, в частности, финансовой помощи семьям служащих в случае трагедии [6, лл. 157–157 об., 158–158 об., 159]. Также просматривается и система учёта расходов на командировки. Выделение денег на билеты и провизию для городских, направленных в Козельский уезд, и покупка билетов и провизии через частного пристава показывает детализацию организации служебных поездок и их финансового обеспечения. Рапорт полицмейстера о получении расписок с городских подтверждает строгое отношение к отчётности о расходах [6, лл. 149–149 об.].

3. Взаимодействие полиции с населением: от жалоб до обвинений и попыток оправданий.

Взаимодействие калужской полиции с населением было многогранным и включало как оказание помощи, так и контроль, а порой и конфликтные ситуации. С одной стороны, мы видим, что горожане имели право обжаловать действия полицейских. Жалоба запасного унтер-офицера Комарова на околоточного надзирателя Вышинского, направленная губернатору, является ярким тому примером [6, лл. 138–138 об.]. С другой стороны, полиция, в свою очередь, могла предъявлять обвинения жителям за нарушение общественного порядка, как в случае с врачом Васильевым, обвинённым в неудовлетворительном состоянии улицы возле его дома. В указанной ситуации мы видим попытку Васильева оспорить обвинение и жалобу на действия полиции, что, однако, не привело к отмене обвинения [6, лл. 140–140 об.].

Случай с трактирщиком Поповым также показывает неоднозначность отношений между полицией и населением. Губернатор, основываясь на слухах о пьянстве новобранцев, приказал закрыть трактир Попова. Однако полицмейстер, проведя собственное расследование, пришёл к выводу, что в заведении Попова не было массовых нарушений, и в своём рапорте губернатору фактически оправдал его, чем показал стремление к объективности. Эта ситуация показывает, что полиция не всегда была просто исполнительным органом, но имела собственное мнение и стремилась к справедливости [6, лл. 142–142 об., 143–143 об.].

4. Взаимодействие полиции с другими ведомствами: Судебная и транспортная кооперация.

Помимо взаимодействия с населением, калужская полиция активно взаимодействовала и с другими государственными ведомствами. Письмо товарища прокурора Калужского окружного суда к полицмейстеру с просьбой соблюдать сроки подачи документов демонстрирует, что полиция должна была чётко следовать установленным процедурам при взаимодействии с судебными органами. Подача исков за 3 дня до окончания срока, а в случае поздней подачи побуждение делать пометку «срочное, весьма нужное» – это пример того, как работа полиции влияла на судебный процесс [6, лл. 147–147 об., 148].

Также было налажено взаимодействие с транспортными структурами. Извещение от Калужского отделения Самаро-Златоустовской железной дороги о предоставлении сведений в определённые сроки показывает, что полиция сотрудничала с железной дорогой для получения необходимой информации. Это взаимодействие было связано с необходимостью отслеживать передвижение людей и грузов, а также организовывать перевозки [6, лл. 119–119 об.].

5. Социальные проблемы и полицейские меры: от пьянства до крестьянских волнений.

Документы свидетельствуют, что калужская полиция сталкивалась с различными социальными проблемами, требующими её непосредственного вмешательства. Проблема пьянства среди призывников в период призыва, из-за которой губернатор приказал закрыть трактир Попова, а затем его решение было скорректировано расследованием, проведённым полицмейстером, говорит о том, что эта социальная проблема требовала

повышенного внимания со стороны полиции [6, лл. 142–142 об., 143–143 об.].

Полиция занималась также контролем за извозчиками. Распоряжение губернатора о необходимости усиления надзора за извозным промыслом, вызванное жалобами на их неумелую езду, показывает, что полиция не только следила за правопорядком, но и за деятельностью частного предпринимателя. Угроза лишения лицензии для держателей извозчиков, не следивших за своими работниками, также демонстрирует, что полиция использовала широкий арсенал средств для поддержания порядка [6, л. 163].

Ситуация с командированием городских в Козельский уезд для умирения крестьян свидетельствует о наличии социальных волнений в сельской местности и необходимости вмешательства полиции для восстановления порядка. Это показывает, что полиция должна была реагировать на проблемы не только в городе, но и в сельской округе [6, лл. 149–149 об.].

6. Гуманность и забота: Социальная ответственность и помощь в тяжелых ситуациях.

Несмотря на все проблемы и конфликты, документы демонстрируют, что полиция также стремилась проявлять гуманность и социальную ответственность. Выплата пособия вдове умершего городского Михаила Макарова и оплата лечения сотрудников показывают, что ведомство заботилось о своих служащих и их семьях [6, лл. 157–157 об., 158–158 об., 159]. Предоставление отпусков по болезни, как это было в случае со старшим городским Сергеем Гречишниковым, говорит о наличии механизмов защиты и поддержки сотрудников, нуждающихся в лечении [6, л. 139]. Также и прошение от дворянина Дрогошевского о зачислении на службу демонстрирует, что полиция предоставляла возможности для трудоустройства, что свидетельствует о её роли не только как органа правопорядка, но и в социальном контексте [6, л. 172].

7. Борьба с нелегальными формами бизнеса (подпольными борделями).

15 сентября 1900 г. владелец Ярославского подворья К.И. Гаранин на Садовой улице (ныне ул. Кирова) подал жалобу пристава 3-й части на действия околоточного надзирателя 11-го околотка В. В. Данишевского. Полицейстер поручил приставу провести проверку по существу жалобы. Жалоба оказалась не заслуживающей доверия. Выяснилось, что околоточный надзиратель

Данишевский посещал подворье и номера Гаранина для проверки паспортов постояльцев. Гаранин отказался предоставлять околоточному такие сведения и не пускал внутрь гостиницы. Тогда околоточный надзиратель Данишевский взял себе в помощь 2 городских. С их помощью надзиратель выявил наличие в гостинице подпольного борделя, а отказ впустить Данишевского объясняется намерением Гаранина дать возможность проституткам скрыться, тем самым заметая следы преступления [6, лл. 113–113об., 114–114об.]. По приказу полицмейстера от 19 сентября 1900 г. жалобу Гаранина решено было оставить без последствий. Е. И. Трояновский ходатайствовал перед Городской управой Калуги о запрете выдавать Гаранину разрешение на содержание гостиницы или постоялого двора в связи с непредоставлением сведений о постояльцах и содержанием подпольного публичного дома [6, лл. 115, 116]. Данный эпизод показывает, что полиция боролась не только с явными нарушениями порядка, но и с нелегальными формами бизнеса (подпольными публичными домами). Полиция осуществляла контроль за гостиничным бизнесом и за перемещением

людей, проживающих в гостиницах. Скрытие незаконной деятельности со стороны владельца заведения рассматривалась как серьёзное нарушение закона, влекущее за собой серьёзные последствия. Полиция не только фиксировала факты нарушений, но и принимала меры для их пресечения, в том числе путём лишения лицензий и разрешений, использовала как проверки документов, так и личное наблюдение, прибегая к помощи младших городских.

Изученные архивные выписки позволяют воссоздать картину повседневной жизни калужской полиции в 1900 году. Мы увидели, как полиция выполняла свои функции, как взаимодействовала с населением и другими структурами, какие проблемы решала и с какими вызовами сталкивалась. На основе изученного материала можно утверждать, что калужская полиция была не просто органом подавления, но и активным участником социальной жизни, решающим многие проблемы города и губернии. Это понимание прошлого позволяет нам лучше оценить настоящее и извлечь уроки из истории.

Список литературы:

1. Власов, А.Е. Жандармерия и полиция губернского города в начале XX века / А.Е. Власов // Калуга и калужане в истории и повседневности / Ред. совет: П.В. Самылов (председатель), В.М. Быченков (отв. редактор), О.Ю. Хомутова, А.В. Ковалёв. – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2021. – С. 154–167.
2. Власов, А.Е. Заметки о службе полицейских урядников Калужского уезда в 1878 г. / А.Е. Власов // Калуга в шести веках: материалы 15-й городской краеведческой конференции. – Калуга: ООО «Научно-издательский центр «Моя Калуга», 2024. – С. 408–417.
3. Власов А.Е. К вопросу об организации сыскной деятельности и агентурной работы служащими калужской полиции и жандармерии в начале XX в. / А.Е. Власов // История России с древнейших времён до начала XXI века: дискуссии, проблемы, новые взгляды: материалы международной краеведческой конференции молодых учёных (24–25 ноября 2020 г.). – М.: Издательский центр Института Российской истории РАН, 2020. – С. 247–253.
4. Власов, А.Е., Штепа А.В. Форма контроля за деятельностью уездной полиции Калужской губернии в 1870-е гг. (на материалах Калужского уезда / А.Е. Власов, А.В. Штепа // Учёные записки Орловского государственного университета. – 2023. – № 4 (101). – С. 25–30.
5. Власов, А.Е. Школа служебного собаководства калужской губернской полиции в 10-е гг. XX века / А.Е. Власов // Калуга в шести веках: материалы 13-й краеведческой конференции. – Калуга: ООО «Научно-издательский центр «Моя Калуга», 2021. – С. 160–171.
6. Государственный архив Калужской области. Ф. 783. Оп. 1. Д. 231.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94/47 + 2.463+ 929.2 Романовы + 908(470)

М. Н. Дорохина

*Научный руководитель – доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории И. Б. Белова*

**СБОР РОЖДЕСТВЕНСКИХ И ПАСХАЛЬНЫХ ПОДАРКОВ, ОРГАНИЗОВАННЫЙ
КАЛУЖСКИМ ОТДЕЛЕНИЕМ ЕЛИЗАВЕТИНСКОГО КОМИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.**

В статье автором на примере Калужской губернии рассмотрено одно из направлений благотворительной деятельности, которое было широко распространено в Российской империи, особенно в годы Первой мировой войны – это сбор Рождественских и Пасхальных подарков для воинов действующей армии. Калужское губернское отделение Елизаветинского комитета являлось одной из крупных благотворительных структур, занимавшихся сбором Рождественских и Пасхальных подарков, который организовывался два раза в год. Автор отмечает, что в благотворительных сборах, а также в благотворительной акции «Красное яичко» принимали участие служащие местных государственных, земских и частных учреждений и предприятий, преподаватели и учащиеся учебных заведений, представители духовенства, члены сословных корпораций, от крестьянских сельских обществ до высшей знати. Елизаветинским комитетом практиковались такие формы благотворительности, как кружечные сборы, кинематографические сеансы и спектакли. Результатами сборов являлось отправление в действующую армию, а также в местные госпитали и лазареты поздравительных открыток с праздниками Рождества Христова и Пасхи, сладких подарков, нательной и тёплой одежды, вязаных вещей, табака, средств гигиены, письменных принадлежностей и других нужных вещей.

Ключевые слова: Великая княгиня Елизавета Фёдоровна; Калужское губернское отделение комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц; призванных на войну (Елизаветинский комитет); Калужская губерния; губернатор Н.С. Ченыкаев; Рождественские и Пасхальные подарки; благотворительная акция «Красное яичко»; Первая мировая война.

M. N. Dorokhina

*Scientific supervisor – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of History I. B. Belova*

**COLLECTION OF CHRISTMAS AND EASTER GIFTS ORGANIZED BY THE KALUGA
BRANCH OF THE ELIZABETHAN COMMITTEE DURING
THE FIRST WORLD WAR 1914–1918.**

In the article, the author uses the example of the Kaluga province to consider one of the areas of charitable activity that was widespread in the Russian Empire, especially during the First World War – the collection of Christmas and Easter gifts for soldiers of the active army. The Kaluga provincial branch of the Elizabethan Committee was one of the large charitable structures involved in collecting Christmas and Easter gifts, which was organized twice a year. The author notes that employees of local state, zemstvo and private institutions and enterprises, teachers and students of educational institutions, representatives of the clergy, estate corporations, from peasant rural societies to the highest nobility took part in charity collections. The Elizabethan Committee practiced such forms of charitable collections as mug collections, cinematographic sessions and performances. The results of the training were sending greeting cards on Christmas and Easter holidays, sweet gifts, underwear and warm clothes, knitted things, footcloths, tobacco, pencils, soap and other necessary things to the active army, as well as to local hospitals and infirmaries.

Keywords: Grand Duchess Elizabeth Feodorovna; Kaluga provincial branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Feodorovna for charitable assistance to families of persons called up for war (Elizabethan Committee); Kaluga province; Governor N.S. Chenykaev; Christmas and Easter gifts; charity event "Red Egg"; The First World War.

Благотворительная деятельность являлась неотъемлемой частью и традицией среди Царствующего Дома Романовых. В связи с тем, что XVIII в., на протяжении которого женщины четыре раза занимали российский престол, ушёл в прошлое, к началу XIX в. окончательно определился род занятий женской половины императорской фамилии – благотворительная деятельность, началу которой положила супруга императора Павла I императрица Мария Фёдоровна [28]. Надо отметить, что в Российской империи до Первой мировой войны получило развитие множество видов благотворительной помощи. Крупнейшими из благотворительных учреждений являлись Ведомство учреждений Императрицы Марии (далее – ВУИМ), Императорское Человеколюбивое общество, Российское общество Красного Креста (далее – РОКК) и др. Начиная с императрицы Марии Фёдоровны, должность председательницы ВУИМ, а также покровительницы РОКК занимали её преемницы – последующие императрицы.

Возникшие в связи с началом Первой мировой войны всероссийские благотворительные организации, наряду с РОКК, взяли на себя помощь пострадавшим от военных бедствий. Основным источником их финансовых доходов стали государственные ассигнования. Надо отметить, что само понятие «благотворительность» – это оказание частными лицами бескорыстной помощи иным частным лицам – достаточно редкое явление. Но нередко государственный бюджет выступал одним из источников финансирования благотворительной деятельности. Верховный совет по призрению семейств воинских чинов, призванных на войну, возглавила императрица Александра Фёдоровна. Практически все представители Романовых возглавили благотворительные организации военного времени: Комитет по оказанию временной помощи пострадавшим от военных и бедствий – Великая княжна Татьяна Николаевна; Комитет по снабжению одеждой солдат, отправляемых из лечебных учреждений на родину – Великая княгиня Мария Павловна; Комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на военную службу, возглавила сестра императрицы Великая княгиня Елизавета Фёдоровна. Последняя из вышеперечисленных благотворительных организаций имела отделения и осуществляла свою деятельность во многих губерниях, в том числе и Калужской, [2, с. 199–200; 1, с. 86–87].

Однако надо отметить, что императоры также участвовали в благотворительной деятельности. Например, император Николай II, помимо принятия на себя в годы Первой мировой войны звания Верховного Главнокомандующего в августе 1915 г., считал своим долгом перед Родиной оказывать личную благотворительную помощь и поддержку русской армии и страдающему от военных действий народу. Государь помогал Обществу повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. За годы войны расходы императора согласно документам его личной канцелярии «пособия богоугодным, лечебным и разным общепольным учреждениям» возросли. За 1916–1917 гг. на эти цели Николай израсходовал около 1 млн руб. Из собственного бюджета император Николай II пожертвовал 100 000 руб. в Международный комитет Красного Креста для помощи русским военнопленным, находившимся во вражеских лагерях. Под личным покровительством Государя находились: Императорское Человеколюбивое Общество, занимавшееся призрением бедных, больных и детей-сирот, Александровский о раненых комитет, заботившийся об оставших военных и их семьях, Скобелевский комитет для помощи увечным воинам (инвалидам). При попечении Императора Николая II Алексеевский и Романовский Комитеты призвали детей погибших воинов [5]. Надо также отметить, что два раза в год: на Рождество Христово и Пасху, представители Царствующего Дома Романовых, включая самого императора, поздравляли своих подданных, даря им памятные подарки. Так, Николай II собственноручно вручал на праздник Светлого Христова Воскресения пасхальное яичко офицерам и нижним чинам «своей роте Преображенского полка». А в 1916 г., в разгар Первой мировой войны, уже приняв на себя обязанность Верховного Главнокомандующего русской армией, император сделал запись в своём дневнике: «Около полковой церкви в берёзовой роще я христосовался с казаками и нижними чинами всех частей, стоящих в Могилеве – всего 860 человек» [32].

Целью данной статьи является рассмотрение такого направления благотворительной деятельности, как сбор Рождественских и Пасхальных подарков для армии и воинских частей, стоявших в Калуге и на территории губернии. Организацию по сбору подарков взяло на себя Калужское губернское отделение комитета Её Императорского Высочества

Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну (далее – Елизаветинский комитет), взаимодействуя с Особым комитетом по сбору Рождественских подарков и с Дамским комитетом г. Калуги.

Структуру и принцип работы Елизаветинского комитета и его отделений в настоящее время изучают такие историки как С.В. Букалова (Орёл), Е.Ю. Ковальская (Москва) и др. Если С.В. Букаловой Елизаветинский комитет рассматривается как отдельная структура для оказания помощи в системе общественного призрения в период Первой мировой войны [4, с. 92], то Е.Ю. Ковальская считает Елизаветинский комитет одной из составных частей всей обширной благотворительной деятельности, которой занималась Великая княгиня Елизавета Фёдоровна [17, с. 124–127].

Основным источником при написании статьи стали делопроизводственные материалы, которые хранятся в Государственном архиве Калужской области (далее – ГАКО), где сформирован специальный фонд № 73 «Калужское губернское отделение комитета Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну». Среди них можно выделить циркуляры, отчёты и журналы заседаний Калужского губернского отделения и уездных комиссий Елизаветинского комитета, а также ходатайства семей лиц, призванных на войну, о выплате материальной помощи в связи с мобилизацией главы семьи на войну. Кроме этого источниками при написании работы стали личные письма Елизаветы Фёдоровны, касающиеся благотворительной деятельности, и периодические издания, выходявшие в свет в годы Первой мировой войны: «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», «Ежемесячник комитета Её Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну», периодическое книжное издание Верховного совета «Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», журнал «Трудовая помощь», издававшийся в 1897–1918 гг. под покровительством императрицы Александры Фёдоровны.

Первая мировая война стала одним из самых мощнейших и страшных вооружённых конфликтов в истории человечества. В неё

были вовлечены множество стран, в том числе и Россия. Продолжительность войны составила более четырёх лет, начавшись 28 июля 1914 г. и закончившись 11 ноября 1918 г. Только за первый год войны в ней приняло участие 70 млн человек, из них 60 млн в Европе. За годы Первой мировой войны погибло от 9 до 10 млн военнослужащих. Потери среди мирного населения составили от 7 до 12 млн, а 55 млн человек пострадали [26]. Уже 18 июля 1914 г. началась всеобщая мобилизация в Российской империи. Российская армия к началу войны насчитывала 1 млн 423 тыс. человек. Количество человек в результате первого призыва нижних запасных чинов составило 3 млн 115 тыс. человек. Следующий призыв состоялся 22 июля и составил 400 тыс. человек за счёт пополнения ратниками ополчения I разряда, призванных из запаса, а также ратников, не проходивших военную службу [2, с. 232].

К 22 июля 1914 г. в Калужской губернии на учёт встало 13 825 ратников ополчения I разряда, не проходивших до этого военную службу. Новобранцев, призванных 1 октября 1914 г., насчитывалось 715 тыс. человек, а ратников ополчения II разряда, первый призыв которых состоялся 5 сентября 1916 г. – 925 тыс. человек. К 1914 г. в Калужской губернии на ежегодный воинский призыв было выделено почти 3 тысячи руб. С началом мобилизации в 1914 г. реальные расходы превысили запланированные в два раза [2, с. 29, 32].

По всей стране, в том числе и в Калужской губернии, возникла необходимость в организации широкомасштабной помощи как находящимся на фронте солдатам и офицерам, так и их семьям. Это стало новым этапом для более активной деятельности как уже существовавших, так и недавно открывшихся всероссийских благотворительных организаций [1, с. 89]. Уже 11 августа 1914 г. был создан Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (далее – Верховный совет). Председательницей Совета стала сама императрица Александра Фёдоровна, а вице-председательницами – Великая княжна Ольга Николаевна и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна [6].

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна являлась известной фигурой среди Царствующего Дома Романовых на рубеже конца XIX – начала XX вв., приходясь родной сестрой последней русской императрице и внучкой английской королевы Виктории. Она была

супругой Великого князя Сергея Александровича, занимавшего пост Московского генерал-губернатора. Он, как известно, был убит террористами на территории Кремля 4 февраля 1905 г. [3, с. 8]. После смерти горячо любимого супруга Великая княгиня Елизавета Фёдоровна решила полностью посвятить себя Богу и благотворительной деятельности, отойдя от светских мероприятий и принимая участие только в обязательных церемониях как представительница Царствующего Дома Романовых, например, в праздновании 300-летия Дома Романовых в 1913 г.

В годы Первой мировой войны помимо того, что Елизавета Фёдоровна занимала должность вице-председательницы Верховного совета, она также являлась покровительницей и председательницей многих благотворительных организаций, включая Елизаветинский комитет, который был открыт благодаря её инициативе и усилиям. К началу Первой мировой войны у Великой княгини Елизаветы Фёдоровны уже имелись навыки работы в сфере благотворительной деятельности, в том числе и в военных условиях, поскольку ещё в годы русско-японской войны она приобрела для себя опыт в осуществлении масштабной деятельности, собственноручно возглавив Особый комитет для объединения в Москве благотворительной деятельности, вызванный войной на Дальнем Востоке, и склад по сбору пожертвований на помощь раненым и нуждающимся вследствие войны на Дальнем Востоке [17, с. 119]. В связи с этим, уже с первых дней Первой мировой войны Елизавета Фёдоровна активно включилась в дела, тесно связанные с оказанием помощи нуждающимся семьям призванных на войну солдат. Так, в одном из писем, адресованных императору Николаю II, она писала: «Прошу тебя, благослови меня устроить комитет помощи семьям твоих храбрых воинов. Надеюсь, таким образом принести лепту нашей дорогой Родине. Пожалуйста, ответь мне, находишь ли мою мысль целесообразной. Да поможет и укрепит тебя Господь. Молитвенно с тобой. Элла» [18, с. 255].

В тот же день, 11 августа 1914 г., наряду с возникновением Верховного совета состоялось утверждение «Высочайшею Властью положения о комитете Великой княгини», на который возлагалась чрезвычайно ответственная и сложная задача. Следует отметить, что, с одной стороны, Елизаветинский комитет являлся важным звеном в масштабной структуре Верховного совета, координируя и активизируя деятельность различных субъектов в

сфере помощи семьям лиц, призванных на войну. С другой стороны, Елизаветинский комитет являлся самостоятельной структурной единицей. Следуя предписанию «Положения о комитете», Елизавета Фёдоровна открыла местные отделения по всей Европейской и Азиатской частях России в каждой губернии, исключая Петроград, где осуществлял свою деятельность Особый Петроградский комитет под председательством Великой княжны Ольги Николаевны. Согласно ст. 8 «Положения о комитете», обязанности местного отделения в Москве и Московской губернии исполнял комитет Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, на заседаниях которого Великая княгиня присутствовала лично. Губернаторы возглавляли региональные отделения на местах. Согласно ст. 10, местные отделения действовали самостоятельно, но под общим руководством Центрального отделения Елизаветинского комитета. Этот принцип действовал и на территории Калужской губернии, где также осуществляло свою деятельность местное отделение [12, с. 31–34; 14, с. 161–163; 21, с. 267; 29, с. 132–135].

После открытия местного отделения, которое начало свою деятельность 19 октября 1914 г., его председателем был назначен князь Сергей Дмитриевич Горчаков, занимавший на тот момент должность Калужского губернатора. Немало хлопот принесла Калужскому губернатору Первая мировая война. Высочайшим указом от 26 июля 1914 г. Калужская губерния была переведена на чрезвычайное положение. В связи со сложившейся ситуацией Главноначальствующий губернии оповестил в печати население о том, что виновные в распространении «неправильных и неточных сведений, касающихся военных действий» будут привлекаться к строгой ответственности. Были запрещены всякого рода различные массовые скопления людей. С.Д. Горчаков также подчеркнул, что каждый понесёт ответственность в случае «искусственного и недобросовестного повышения цен на все жизненные припасы и предметы потребления». Благодаря его супруге княгине Анне Евграфовне Горчаковой в Калуге был построен Народный дом, где с началом Первой мировой войны был образован «Комитет по оказанию помощи воинам и их семьям» (сейчас на этом месте находится здание Калужской областной филармонии). По её инициативе также был поднят на рассмотрение вопрос «об отводе в губернаторском доме помещения с оборудованием и содержанием коек для десяти человек». Но уже

16 февраля 1915 г. С.Д. Горчаков сложил полномочия калужского губернатора по собственному прошению по болезни с «оставлением его церемониймейстером» [24, с. 23–26; 27, с. 118–121].

Спустя некоторое время С.Д. Горчакова на посту губернатора и председателя губернского отделения Елизаветинского комитета сменил Николай Сергеевич Ченькаев, прибывший в Калугу из г. Минска, где с 1912 г. по 1915 г. занимал должность вице-губернатора. А уже 9 марта 1915 г. согласно Высочайшему приказу, Н.С. Ченькаев был назначен исполняющим обязанности калужского губернатора с оставлением придворного звания камер-юнкера двора Его Императорского Величества [7, лл. 13 об, 22, 23, 25]. Своё назначение на пост председателя губернского отделения

Н.С. Ченькаев, как и его предшественник, получил от самой Великой княгини. В статье 9 «Положения о комитете» сказано, что местные отделения комитета состоят под председательством лица, назначаемого Вел. кн. Елизаветой Фёдоровной – местного губернатора или градоначальника [14, с. 162–163]. Официально Н.С. Ченькаев приступил к обязанностям председателя Калужского губернского отделения 4 апреля 1915 г., о чём свидетельствует рескрипт № 20940 Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. В том же году ему была объявлена благодарность и пожалован жетон с драгоценными камнями от самой Елизаветы Фёдоровны «за развитие и оживление деятельности Калужского губернского отделения комитета» [7, л. 17 об.; 8, л. 131].

Рисунок 1. Структура и принцип осуществления деятельности Елизаветинского комитета на примере Калужской губернии

В состав Калужского отделения входили 23 члена, в том числе: неперменный член губернской землеустроительной комиссии С.Ф. Трухачев (он же и казначей отделения), калужский городской глава Г.А. Разумовский, представитель духовного ведомства по назначению епископа Калужского и Боровского – о. Иоанн Сперанский, губернский предводитель дворянства Н.Н. Булычев, председатель губернской земской управы К.П. Шумовский, управляющий казённой палатой А.А. Мейнгард, а также представители делового мира и общественности: купцы П.С. Раков и Н.В. Теренин, П.А. Муромцев, М.Д. Кашкина, управляющий делами отделения С.А. Кучеров (избран на заседании губернского отделения комитета 9 июня 1915 г.) [8, лл: 48, 131, 131 об., 137; 22, с. 97, 99; 25, с. 51].

Одним из направлений деятельности комитета в период Первой мировой войны стал сбор Рождественских и Пасхальных подарков, организованный Калужским губернским отделением комитета для контингента частей, размещавшихся в Калуге, а также для воинов действующей армии, ушедших на фронт из Калужской губернии. Так, Калужское губернское отделение Елизаветинского комитета на одном из заседаний в октябре 1915 г. организовало в г. Калуге Особый комитет для производства сбора Рождественских подарков для воинских чинов, призванных на войну и находящихся в действующей армии. Председателем Объединённого комитета по сбору Рождественских подарков стал Главноначальствующий губернии Н.С. Ченькаев, а в состав вошли: супруга губернатора Надежда

Михайловна Ченыкаева, Е.Н. Добрынина, супруга калужского полицмейстера М.Б. Трояновская, С.Т. Тархова, Е.И. Мейнгард, Е.П. Газенцер, княгиня М.М. Вяземская, княгиня Л.А. Голицына, Е.С. Любимова, К.И. Касперович,

А.Э. Овчинникова, А.Т. Флерова, М.Д. Кашкина, Е.В. Ростовская, Т.И. Кормилицына, оперная певица И.Я. Коншина. Количество материальных и денежных приходов Объединённого комитета отображено в таблице 1.

Таблица 1.

Список приходов Калужского Объединённого комитета по сбору Рождественских подарков в действующую армию для воинов частей, стоявших в г. Калуге, за период с 28 октября 1915 г. по 20 февраля 1916 г. Составлено по: [9, л. 140–140 об; 16, с. 2].

Имена жертвователей	Сумма
Деньги поступили от П.И. Погорелова, собранные среди нижних чинов.	97 руб. 25 коп.
От него же пожертвования, поступившие в кружки при бараках.	43 руб. 80 коп.
От служащих в казённой палате	50 руб.
От А.М. Желябужскаго	2 руб.
От служащих в отделениях крестьянского и дворянского банков	150 руб.
От С.А. Фалеевой	1 руб.
От Н.М. Боборыкина	1 руб.
От Шарова, Левита, Абрамовича, Альтшуллера, Иванцова, Сухова и Липштейна	100 руб.
От игуменьи Ангелины	25 руб.
От А.М. Фон-Кох	1 руб.
От его преосвященства преосвященнейшего епископа Георгия из средств Епархиального комитета	200 руб.
От г-жи Овчинниковой и комитета дам пожертвование 10-му пехотному Новоингерманландскому полку	100 руб.
от Н.Н. Протасова: собранные учениками духовного училища	31 руб.
собранные учителями духовного училища	25 руб. 70 коп.
От г-жи Бахтеяровой	10 руб.
от Никитина	1 руб.
от Предтеченского	10 руб.
от Савина	50 руб.
от г-жи Ридман	15 руб.
от г-жи М.Н. Голицынской	4 руб.
от г-жи В.П. Ерохиной	10 руб.
от Калужского Благородного собрания	100 руб.
от правления Калужского общества «Вестник знания»	29 руб. 12 коп.
от А.С. Поповой собранные учениками Фоминичского земского училища	3 руб.
от А. Демидовой собранные учениками Спас-Суходревского училища	10 руб.
от священника Соколова собранные учениками Игнатовской и Шипеловской школ	5 руб. 60 коп.
от Азаровой собранные учениками Новоселковского и Больше-Заборовского училищ	3 руб. 85 коп.
от А. Химины собранные учениками 4 класса высшего начального Малютинского училища.	2 руб. 45 коп.
от А. В. Смирнова собранные учителями Поченской земской школы	5 руб.
от М.Н. Байковской	5 руб. 22 коп.
от А.М. Субботиной	2 руб.
от учителя Барановской земской школы	5 руб.
от земского начальника 2-го участка Мещовского уезда	1 руб. 85 коп.
от Общества по борьбе с удушливыми газами	1 400 руб. 03 коп.
от П.С. Ракова, полученные им от разных лиц и школ	67 руб. 20 коп.
Итого: 2 568 руб. 07 коп.	
2. Выручка со сборов:	Сумма

от кружечного сбора 8 ноября 1915 г.	1 142 руб. 27 коп.
от кинематографического сеанса 19 ноября 1915 г.	250 руб. 57 коп.
от спектакля в городском театре 10 декабря 1915 г.	604 руб. 76 коп.
собрано с 71 подписных листов	3 269 руб. 99 коп.
Итого: 5 267 руб. 59 коп.	
Всего в бюджете Объединённого комитета по сбору Рождественских подарков за данный период собрано 7 835 руб. 66 коп.	

Бюджет комитета по сбору подарков зависел не только от самих денежных пожертвований, но и от выручек с кружечного, кинематографических сборов и от спектаклей, проходивших в городском театре. Отчёт о сборе подарков был опубликован в одном из декабрьских номеров газеты «Калужские губернские ведомости» за 1915 г. Собранные деньги шли на подарки воинам 9-го пехотного Ингерманландского императора Петра Великого полка, 10-го пехотного Новоингерманландского полка, 225-го пехотного Ливенского и 226-го пехотного Землянского полков, а также 3-й артиллерийской бригады. За данный период из собранных 7 835 руб. 66 коп. Объединённый комитет по сбору Рождественских подарков для воинов израсходовал денег на сумму 4 793 руб. 85 коп., которая включала себя следующие расходы: закупку ниток и иголок для вязания перчаток для воинов, материала для пошива жилеток, само шитьё жилеток, закупку портянок, открыток – 2000 шт. для отправки поздравлений воинам к Рождеству Христову, а также плата кинотеатру «Унион» в размере 123 руб. 90 коп. за проведённый благотворительный сбор и сеанс 19 ноября 1915 г. Оставшиеся 3 041 руб. 81 коп. Калужское

губернское отделение на заседании от 26 февраля 1916 г. по предложению председателя комитета решило передать в Дамский городской комитет г. Калуги. К тому же Дамский городской комитет одобрил идею губернатора Н.С. Ченыкаева и дал своё согласие на помощь в закупке и заготовке подарков для воинов к Пасхе. В связи с этим председательнице Дамского городского комитета уже 19 февраля 1916 г. было выдано авансом 300 руб. [9, л. 140 об–144 об].

Ещё в 1913 г. Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной был организован ежегодный благотворительный сбор «Красное яичко», приуроченный к празднованию Светлого Христова Воскресения. Данная акция проходила с 1913 г. по 1916 г. Суммы пожертвований были внушительными. По итогам первой акции 1913 г. общий сбор «на трудовое призрение детей улицы» составил 50 372 руб. 18 коп. [19; 20; 23]. Для распространения акции по просьбе самой Великой княгини некоторыми художниками и издателями типографий того времени были нарисованы плакаты, содержавшие призыв помочь несчастным детям (см. Рис. 2).

Рисунок 2. Плакаты, приуроченные к благотворительной акции «Красное яичко» [30, 31].

Следует отметить, что акция «Красное яичко» проводилась не только Центральным отделением Елизаветинского комитета, находящимся в Москве, но и другими губернскими отделениями, в том числе и Калужским. Например, в фонде ГАКО в архивном деле по

сбору Пасхальных подарков находится список пожертвований деньгами на «Красное яичко» воинам, служивших в частях на территории Калужской губернии, а также вещевых Пасхальных подарков для них.

Таблица 2.

Список поступивших пожертвований деньгами на «Красное яичко» воинам, стоявшим в г. Калуге частей, а также Пасхальных подарков для них вещами за период с 24 марта по 3 апреля 1916 г. Составлено по: [10, с. 137–138; 25, с. 42–43].

Имена жертвователей	Пожертвования
Тарусского земского уездного комитета по оказанию помощи семьям призванных, раненых и больных воинов	300 руб.
От Медынского уездного исправника	440 руб. и вещами в 3-х ящиках
Боровского городского головы	238 руб.
Перемышльского городского общественного упрощённого управления и Перемышльского городского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам	вещи в 8 ящиках
Сухиничского городского старосты	133 руб. 25 коп.
Жиздринского городского головы	976 руб. 43 коп. и вещи в 5 ящиках
Малоярославецкого городского головы	130 руб. 50 коп.
Медынского городского головы	228 руб. 40 коп.
Мещовского городского головы	13 руб.
Тарусского городского головы/Тарусского женского училища	48 руб. 68 коп. и 1 ящик вещей
Председателя Мосальской уездной земской управы	299 руб. 30 коп.
Председателя Перемышльской уездной земской управы	438 руб. 41 коп.
Лихвинского городского старосты	15 руб.
Троицко-Кондровских писчебумажных фабрик В. Говарда	100 руб.
Мосальского городского старосты	20 руб.
Козельского уездного предводителя дворянства	300 руб.
Земского начальника 7-го участка Жиздринского уезда	100 руб.
Воротынского городского старосты	3 руб. 23 коп.
Председателя Лихвинской уездной земской управы	63 руб. 25 коп.
Малоярославецкого вольнопожарного общества	57 руб. 17 коп.
Итого: 3 904 руб. 62 коп. и 17 ящиков вещей	

Из таблицы 2 видно, что с 24 марта по 3 апреля 1916 г., почти все уезды старались внести денежную лепту, или сделать пожертвование вещами для воинов. В основном денежные средства поступали от председателей земских управ, городских глав, либо от городских старост. Кроме того, пожертвования поступали от других людей, например, от земского начальника 7-го участка Жиздринского уезда поступило 100 руб., а также от Перемышльского городского общественного управления и Перемышльского городского комитета по оказанию помощи больным и раненым воинам поступило 8 ящиков вещей. Но больше всех в акции «Красное яичко» проявил себя Жиздринский городской голова. Он лично поручил отправить 976 руб. 43 коп. и 5 ящиков вещей.

Всего за данный период Калужским губернским отделением комитета Елизаветинского комитета было собрано 3 904 руб. 62 коп. и 17 ящиков вещей для воинских частей, находившихся в Калужской губернии. Курировала денежный сбор и отправку вещей со всех уездов Марья Ивановна Разумовская, являвшаяся на 1916 г. одним из действительных членов женского благотворительного общества, находящегося по адресу: г. Калуга, Сорокинский переулок (ныне улица Чебышева), д. № 94 [24, с. 163]. Данное благотворительное учреждение принадлежало к Императорскому человеколюбивому обществу, являвшемуся также масштабной Всероссийской структурой, как и Елизаветинский комитет

Рисунок 3. Подписной лист жертвующих и принимающих участие в благотворительной акции «Красное яичко» Сухиничского городского управления Калужской губернии, приуроченной к празднованию Светлого Христова Воскресения [10, л. 16].

Таким образом, благотворительная деятельность Елизаветинского комитета в годы Первой мировой войны сыграла существенную роль в оказании помощи семьям лиц, призванных на войну, а также увечным и раненым воинам. Благодаря активной деятельности Великой княгини Елизаветы Фёдоровны комитет показал себя как масштабная структура, способная оказывать помощь семьям призванных по всей стране. Калужское губернское отделение, начав свою работу в октябре 1914 г. продолжило её до февраля 1917 г. За это военное время оно организовало сборы Рождественских и Пасхальных подарков в 1915–1916 гг., которые включали в себя денежные, а также материальные средства в виде ящиков с подарками для воинских частей, стоявших в г. Калуге и на территории всей губернии. В основном это были народные пожертвования. В благотворительной деятельности принимали участие все местные государственные учреждения, земства, сословные общества. Например, сумма пожертвований с 28 октября 1915 г. по 20 февраля 1916 г. составила 2 568 руб. 07 коп. Помимо этого, за данный период времени была осуществлена выручка на сбор подарков к празднику Рождества Христова в размере 5 267 руб. 59 коп., которая пополнила бюджет Объединённого комитета за счёт кружечного сбора от 8 ноября 1915 г., кинематографического сеанса от 19 ноября 1915 г., спектакля, проходившего в городском парке 10 декабря 1915 г. В итоге, из собранных 7 835 руб. 66 коп. Объединённый комитет по сбору

Рождественских подарков для воинов затратил 4 793 руб. 85 коп. Оставшиеся 3 041 руб. 81 коп. по предложению губернатора Н.С. Ченныкаева было решено передать в Дамский городской комитет на Пасхальные подарки воинским частям, стоявшим в г. Калуге и на территории всей губернии.

Следует отметить, что помимо сбора Пасхальных подарков для воинов, к празднику Светлого Христова Воскресенья ежегодно с 1913 г. действовала благотворительная акция «Красное яичко», которая была организована Великой княгиней Елизаветой Фёдоровной изначально для помощи в призрении детей, но с начала Первой мировой войны вырученные средства направлялись и на Пасхальные подарки для солдат. Акция сразу же распространилась по всей территории России, в том числе и в Калужской губернии. Так, на «Красное яичко» воинам, стоявшим в г. Калуге частей, а также на Пасхальные подарки для них вещами, за период с 24 марта по 3 апреля 1916 г. со всех уездов Калужской губернии было собрано 3 904 руб. 62 коп. и 17 ящиков вещей. Из вышесказанного можно сделать вывод, что сбор подарков для воинов действующей армии в Калужской губернии при поддержке местного отделения Елизаветинского комитета, проходивший два раза в год к праздникам Рождества Христова и к Светлому Христову Воскресению, находил поддержку у разных слоёв населения и демонстрировал веру в победу Русской императорской армии.

Список литературы:

1. Белова, И.Б. Благотворительность в Российской провинции в период Первой мировой войны: региональный аспект / И.Б. Белова // У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых). Исследования. Материалы. СПб.: Юридический центр – Пресс, 2012. С. 86–101.
2. Белова, И.Б. Первая мировая война и российская провинция 1914 – февраль 1917 г. / И.Б. Белова. – М.: АИРО–XXI, 2011. – 288 с.
3. Белова, И.Б., Дорохина, М.Н. Великая княгиня Елизавета Фёдоровна и Калужский край / И.Б. Белова, М.Н. Дорохина // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2023. – № 1. – С. 8–18.
4. Букалова, С.В. Комитет Великой княгини Елизаветы Фёдоровны в системе общественного призрения в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова // Вестник ПСТГУ. Серия 2. История. История РПЦ. – 2023. – Вып. 110. – С. 90–100.
5. В Екатеринбурге и Алапаевске откроется передвижная стендовая выставка Фонда ЕСПО «Милосердное служение представителей Императорского Дома Романовых в Великой войне». URL: https://espo-fond.ru/news/v-ekaterinburge-i-alapaevske-otkroetsya-peredvizhnaya-stendovaya-vystavka-fonda-espo-miloserdnoe-sluzhenie-predstaviteley-imperatorskogo-doma-romanovykh-v-velikoy-voynе/?sphrase_id=5353 (Дата обращения: 23.10.2024).
6. Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненных и павших воинов. URL: https://russiahistory.ru/verhovnyiy_sovet_po_prizreniyu_semey_lits_prizvannykh_na_voynu_a_takzhe_semey_ranenykh_i_pavshih_voinov/ (Дата обращения: 28.09.2024).
7. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 32. Оп. 2. Т. 4. Д. 1846. Дело об увольнении Калужского губернатора князя Горчакова и о назначении Минского вице-губернатора камер-юнкера Ченькаева Калужским губернатором.
8. ГАКО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 1. Циркуляры комитета княгини Елизаветы Фёдоровны об образовании Калужского губернского отделения, учреждённого под покровительством императрицы Александры Фёдоровны, Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну.
9. ГАКО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 48. Переписка с председателем объединённого комитета по сбору подарков для воинов, командирами полков и др. о сборе воинам подарков.
10. ГАКО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 75. Дело по сбору пасхальных подарков и денег чинам действующей армии стоявших в Калужской губернии воинских частей.
11. Ежемесячник Комитета великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. – 1915. – № 1. – 1 августа. – М.: Типография А.Н. Иванова, 1915. – 102 с.
12. Ежемесячник Комитета великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. – 1915 – № 2. – 1 сентября. – М.: Типография А.Н. Иванова, 1915. – 82 с.
13. Ежемесячник Комитета Великой княгини Елисаветы Феодоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. – 1916. – № 11–12. – 15 июля. – Ч. II. – М.: Типография А.Н. Иванова, 1916. – 95 с.
14. Законы и правительственные распоряжения по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненных и павших воинов. – Пг.: Гос. тип., 1915. – XVI, 285 с.
15. Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненных и павших воинов. Вып. 9. Декабрь 1915 года. – Пг.: Гос. тип., 1916. – 278 с.
16. Калужские Губернские ведомости (далее – КГВ). – 1916. – № 25. – 30 декабря.
17. Ковальская, Е.Ю. Николай II и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна: взаимодействие в сфере благотворительности / Е.Ю. Ковальская // Российская история. – 2019. – № 2. – С. 118–129.
18. Коршунова, Т.В., Понкратова, Е.Н., Трофимова, О.С. / Т.В. Коршунова, Е.Н. Понкратова, О.С. Трофимова. Письма преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. – М.: Православное Сестричество во имя Преподобномученицы Елизаветы, 2019. – 488 с.
19. «Красное яичко»: благотворительное движение Великой княгини на Пасху. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/news/novosti-obiteli/krasnoe-yaichko-blagotvoritelnoe-dvizhenie-velikoy-knyagini-na-paskhu.html> (Дата обращения: 27.09.2024).

20. «Красное яичко»: как Великая княгиня Елизавета Фёдоровна помогала беспризорным детям. URL: <https://www.mmom.ru/mmom/news/novosti-obiteli/krasnoe-yaichko-kak-velikaya-knyaginya-elizaveta-feodorovna-pomogala-besprizornym-detyam.html> (Дата обращения: 28.09.2024).
21. Кучмаева, И.К. «Когда жизнь истинствует... Культура благотворения Великой княгини Елисаветы Феодоровны» / И.К. Кучмаева. – М.: Индрик, 2008. – 364 с.
22. Лебедев, А.Г. Благотворительная деятельность калужского губернатора Н.С. Ченькаева в годы Первой мировой войны // Научные труды Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского: Мат.-лы докладов гуманитарных секций регион. университет. научно-практич. конф., Калуга, 01–31 февраля 2018 г. – Калуга: КГУ им. К. Э. Циолковского, 2018. – С. 97–105.
23. Марфо-Мариинская обитель приглашает к возрождению. URL: <https://foma.ru/marfo-mariinskaja-obitel-priglashaet-k-uchastiju-v-vozhrozhdennoj-akcii-krasnoe-jaichko.html> (Дата обращения: 28.09.2024).
24. Морозова, Г.М. Прогулки по старой Калуге / Г.М. Морозова. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 260 с.
25. Памятная книжка и адрес-календарь Калужской губернии на 1916 г. XXVII год издания. – Калуга: Типография губернского правления, 1916. – XXXII, 199, 133 с.
26. Первая мировая война. URL: <https://www.pravmir.ru/pervaja-mirovaja-vojna/> (Дата обращения: 28.09.2024).
27. Правители земли Калужской / авт.-сост. В.А. Скрипкин, В.А. Боев. Калуга: Издатель Захаров С.И. («СерНа»), 2019. – 256 с.
28. Соколов, А.Р., Зимин, И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора / А.Р. Соколов, И.В. Зимин. – М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015. – 107 с.
29. Трудовая помощь. – 1914 г. – XVII-й год. – № 7. – Сентябрь. – 116 с.
30. ФГБУ РГБ. Печатные издания. Отдел изоизданий. Книжный памятник № 1618. Помогите несчастным детям... [Изоматериал]: [плакат] / Худож. Архипов А.Е. – М.: Типография императорских Московских театров, 1913. – 1 л.
31. ФГБУ РГБ. Печатные издания. Отдел изоизданий. Книжный памятник № 1414 от 25.12.2019. Помогите несчастным детям купите красное яичко 28 марта [Изоматериал] в пользу детских трудовых артелей и детских ночлежных домов...: [плакат] / [худож.] С. В. – М.: Т-во скоропечатни А.А. Левенсон, 1914. – 1 л.
32. Харпалева, Н.Е. Как Николай II за несколько дней поцеловал 1730 человек и другие поразительные факты о Пасхе и русских царях / Н.Е. Харпалева. URL: <https://foma.ru/kak-nikolaj-ii-zaneskolko-dnej-poceloval-1730-chelovek-i-drugie-porazitelnye-fakty-o-pashe-i-russkih-carjah.html> (Дата обращения: 15.10.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94

*А.Н. Гольцов***ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Статья посвящена анализу финансовой политики Великобритании в годы Первой мировой войны. В работе рассматриваются ключевые аспекты государственного управления финансами страны в условиях военного времени, включая изменения в налогово-бюджетной системе, политику заимствований, а также меры по регулированию инфляции и стабилизации национальной валюты. Особое внимание уделено влиянию военных расходов на экономику страны и изменениям в структуре государственных доходов и расходов. Также исследуются последствия финансовых решений правительства для послевоенного восстановления экономики Великобритании.

Ключевые слова: Великобритания; Первая мировая война; финансовая политика; военная экономика; налоговая система; инфляция; кредитование; международные займы; казначейство; финансовая мобилизация.

*A.N. Goltsov***FINANCIAL POLICY OF GREAT BRITAIN IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR**

The article analyses the financial policy of Great Britain during the First World War. The paper considers key aspects of the state management of the country's finances in wartime conditions, including changes in the fiscal system, borrowing policy, as well as measures to regulate inflation and stabilise the national currency. Particular attention is paid to the impact of military expenditures on the country's economy and changes in the structure of government revenues and expenditures. The implications of the government's financial decisions for the post-war recovery of the UK economy are also explored.

Keywords: Great Britain; World War I; financial policy; war economy; tax system; inflation; lending; international loans; Treasury; financial mobilisation.

С момента перехода Великобритании к свободной торговле в 1846 г. британское налогообложение характеризовалось борьбой между двумя основными группами налогов: косвенными, или налогами на потребление, с одной стороны, и прямыми – с другой, включавшими подоходный налог, налог на наследство и ряд второстепенных прямых налогов (поземельная пошлина, налог на дом, налог на оценку земли), к которым в официальной классификации добавились пошлины на сделки (гербовый сбор). В 1849 г. на долю косвенных налогов приходилось 67% всех налоговых поступлений, но к 1913 г. их доля постепенно снизилась до 42% [13, р. 58–59]. Этот сдвиг в сторону более прямого налогообложения был в основном делом рук либеральных правительств, которые были очень привязаны к свободной торговле.

Преддверие войны ознаменовалось серьёзным конфликтом между Консервативной и Либеральной партиями по вопросу налогообложения после выборов 1905 г., в результате которых к власти вернулась Либеральная партия. Продолжение политики свободной торговли означало, что социальные реформы

(социальное страхование и пенсии для пожилых людей) и увеличение расходов на военноморской флот должны были финансироваться за счёт повышения прямых налогов. В бюджете 1907 г. канцлер казначейства Герберт Асквит ввёл дифференцированный подход к доходам от трудовой деятельности и доходам от капитала. Его преемник, Ллойд Джордж, ввёл прогрессивный подоходный налог в Народном бюджете 1909 г., создав сверхналог на годовой доход свыше 5 тыс. фунтов стерлингов. Доходы землевладельцев облагались очень высоким налогом, что заставило Палату лордов отказаться принять финансовый законопроект. Это привело к конституционному кризису, в результате которого произошли два роспуска, а либералы остались у власти в 1910 г. В следующем году либералы приняли закон, лишавший Палату лордов права вето на финансовые законопроекты и ограничивавший двумя годами её право приостанавливать действие других законов, принятых Палатой общин.

Объявление Австро-Венгрией войны Сербии 28 июля 1914 г. после обстрела Сараево имело значительные последствия для

Лондонского Сити, находившемся в центре системы международных платежей. Британскому правительству и Банку Англии пришлось прийти на помощь финансовым институтам, прежде чем Великобритания, сделавшая всё, чтобы избежать конфликта, смирилась и объявила войну Германии 4 августа, после того как та вторглась в Бельгию. Затем нужно было организовать финансовую мобилизацию, необходимую для финансирования военных действий и помощи союзникам.

Когда началась война, премьер-министр Герберт Асквит возглавлял либеральное правительство. Однако после кризиса «Шелл» и фиаско высадки экспедиционных сил в проливе Дарданеллы 25 апреля 1915 г. он решил в мае 1915 г. сформировать коалиционное правительство с Консервативной партией. Обиженный на собственную партию и обвинённый в отсутствии лидерства в ведении войны, он подал в отставку 5 декабря 1916 г., и во главе нового коалиционного правительства его сменил Ллойд Джордж, последовательно занимавший посты канцлера казначейства и министра по делам боеприпасов.

Продолжительность конфликта требовала от правительства возможности перенаправить значительную часть расходов с мирного производства на военное. Для финансирования военных действий оно могло прибегнуть к налогообложению и кредитам. В первом случае необходимо было получить согласие на введение налогов в то время, когда поколение, уходящее на фронт, приносило огромные жертвы, отправляясь на войну; во втором – переложить бремя финансирования войны на будущие поколения, а значит, и на будущих налогоплательщиков, которым предстояло выплачивать долги, возникшие в ходе конфликта. Чтобы ограничить инфляционные последствия, необходимо было сократить потребление частного сектора, чтобы передать значительную часть покупательной способности государству.

Финансовая политика была поставлена на службу министерствам, связанным с войной: Военному министерству, Адмиралтейству и Министерству боеприпасов, созданному в мае 1915 г. после снарядного кризиса. Уже в августе 1914 г. парламент разрешил Министерству финансов занимать деньги сверх налоговых поступлений. Впервые Министерство финансов было вовлечено в международные финансы, то есть в заимствования у США и управление валютным курсом, что до этого было прерогативой Банка Англии; но на время

войны предложения по расходам представлялись в Военный кабинет без предварительного рассмотрения высокопоставленным чиновником Министерства финансов, которое сохраняло контроль над расходами только гражданских министерств [14, р. 76]. Другими словами, расходы Адмиралтейства, Военного министерства и Министерства боеприпасов были полностью неподконтрольны ему на протяжении всего конфликта.

Назначение Хартли Уизерса на должность директора по финансовым запросам [14, р. 78] в апреле 1915 г. расширило деятельность Казначейства, включив в неё сбор информации о движении иностранной валюты и капитала, а также составление торговой и финансовой статистики на основе данных, предоставляемых Советом торговли и Министерством иностранных дел.

Во время подготовки бюджета на ноябрь 1914 г. Бэзил Блэкетт и Джон Брэдбери ещё в августе 1914 г. рекомендовали собрать как можно больше налогов для финансирования военных действий. В своей записке Б. Блэкетт напомнил, что с 1793 по 1815 год 47% военных расходов финансировалось за счёт налогов в то время, как только 28% расходов на Бурскую войну (октябрь 1899 – май 1902 гг.) было профинансировано за счёт налогов, что было подвергнуто серьёзной критике современниками того времени. В то время Джон Брэдбери считал, что система золотого стандарта позволит сдерживать инфляционное давление, а рост безработицы приведёт к сокращению потребления таких товаров, как пиво и чай, которые были объектом косвенного налогообложения. Поскольку доходы рабочих были ниже минимального уровня налогообложения, он предполагал ввести систему прямого налогообложения, которая позволила бы работодателям вычитать налог у источника через систему Национального страхования. Национальная комиссия по медицинскому страхованию отметила, что такая система была бы несправедливой, поскольку сельщики и работники, занятые неполный рабочий день, не пользовались системой медицинского страхования, поэтому его предложение не было реализовано.

Важным нововведением в этом первом военном бюджете была попытка впервые рассчитать платежеспособность страны на основе оценки национального дохода, сделанной Альфредом Флюксом (Совет торговли), который оценил национальный доход на 1907 г. в 2 млрд. фунтов стерлингов с погрешностью

±10%. Используя эту оценку с поправкой на изменения в численности населения и ценах, Брэдбери оценил национальный доход в 1914 г. в 2 млрд 200 млн фунтов стерлингов. Канцлер казначейства Ллойд Джордж в своей речи в Палате общин 17 ноября 1914 г. назвал цифру в 2 млрд 300 млн фунтов стерлингов. Учитывая, что расходы на 1914–1915 гг. оценивались в 535 млн фунтов стерлингов, из которых 328 млн фунтов предназначались для финансирования войны, а дефицит бюджета составлял 340 млн фунтов, при существующей налоговой системе необходимо было значительно увеличить налоговое бремя, если Великобритания хотела пойти по стопам премьер-министра Уильяма Питт-младший, который в 1799 г. ввёл подоходный налог, что позволило финансировать 47% британских расходов за счёт налогов во время наполеоновских войн, как сказал Ллойд Джордж членам парламента. Однако он сделал другой выбор, и налоговые поступления от новых мер (удвоение налога на пиво, увеличение налога на чай на 60%; удвоение подоходного налога и суперналога на доходы, полученные в последние четыре месяца финансового года) были оценены всего в 15,5 млн фунтов стерлингов [7, р. 17].

Было очевидно, что этот бюджет не учитывал рекомендации Д. Брэдбери и Б. Блэкетта, сделанные в августе, относительно доли налогов, необходимых для финансирования военных действий, и пришлось прибегнуть к займам. Первый крупный заём на 350 млн фунтов был начат в ноябре 1914 г., ценные бумаги были выпущены сроком на четырнадцать лет по цене 95% от номинальной стоимости, процентная ставка составляла 3,5%. Крупнейшие депозитные банки обязались подписаться на 100 млн фунтов стерлингов.

В марте 1915 г. Д. Брэдбери распространил среди членов кабинета министров меморандум, в котором объяснил, как он собирается финансировать войну. Исходя из того, что Великобритания располагала тремя видами ресурсов (запасы сырья и боеприпасов по состоянию на август 1914 г., производственные предприятия и возможности импорта), проблема сводилась к тому, как скорректировать производство и потребление, чтобы иметь достаточно товаров первой необходимости для гражданского населения и высвободить максимум ресурсов для войны. По мнению Д. Брэдбери, рост цен в июле 1914 г. был вызван сокращением предложения товаров при росте заработной платы, и возврат к равновесию между спросом и предложением

невозможен до тех пор, пока повышение заработной платы компенсирует рост цен. Поэтому необходимо было: 1) сократить потребление британских домохозяйств, что означало бы лишения для рабочего класса; 2) принести аналогичную жертву классам собственников; 3) предотвратить получение чрезмерных прибылей по контрактам на поставку боеприпасов. Д. Брэдбери также объяснил, что правительство может получить источники финансирования либо за счёт налогов, либо за счёт привлечения займов. Если оно будет брать займы путем выпуска долгосрочных ценных бумаг, которые будут размещаться среди населения, то денежно-творческая сила банков будет ограничена, но если оно будет брать краткосрочные займы или у Банка Англии, то это приведет к созданию денег, а передача ресурсов правительству будет иметь инфляционный характер. В этой записке Д. Брэдбери не сказал прямо, как он это сделал при подготовке предыдущего бюджета, что правительство должно как можно больше использовать налоги для финансирования военных действий. Можно ли из этого сделать вывод, что он, по сути, рассматривал возможность нового долгосрочного займа, чтобы обеспечить правительство необходимыми средствами?

В то же время Ллойд Джордж и президент Торгового совета Уолтер Ренсимен встретились с профсоюзами, которые по итогам переговоров согласились отказаться от права на забастовку и разрешить полуквалифицированным рабочим и женщинам занимать квалифицированные должности, в обмен на что правительство обязалось установить очень строгий контроль над прибылью от контрактов на поставку вооружений.

К 31 марта 1915 г. стоимость войны выросла до 360 млн фунтов стерлингов (включая займы союзникам и доминионам) по сравнению с оценкой в 328 млн фунтов, сделанной в ноябре 1914 года. Другими словами, фактические расходы не сильно отличались от расчетных. В своей речи в Палате общин Ллойд Джордж объяснил, что невозможно знать, когда закончится война, хотя он надеялся, что она закончится в течение пяти месяцев. Это заставило его дать две оценки стоимости войны: 638 млн фунтов стерлингов (включая 100 млн фунтов для союзников и доминионов), если война закончится в октябре, и 978 млн фунтов (включая 200 млн фунтов для союзников и доминионов) за полный год, что привело бы к дефициту бюджета в размере 516 млн фунтов и 862 млн фунтов стерлингов соответственно.

При подготовке бюджета на май 1915 г. Джордж Пейш оценил годовой национальный доход в 2 млрд 400 млн фунтов стерлингов, общие годовые сбережения Британии – в 400 – 500 млн фунтов, а сумму необходимых государственных инвестиций – в 75 млн фунтов, оставив 375 млн фунтов стерлингов для военных займов (из них 75 млн фунтов для союзников и доминионов). Он оценил максимальную сумму, которую можно было собрать, продав ценные бумаги за рубежом, в 300 млн фунтов стерлингов. Если добавить к этой сумме сумму, доступную для военных займов, то общая сумма составит 675 млн фунтов, что значительно ниже предполагаемого дефицита бюджета в 862 млн фунтов стерлингов. Д. Пейш посоветовал Ллойд Джорджу собрать 300 млн фунтов за счёт таможенных пошлин, косвенных налогов и принудительных займов, поскольку необходимо было заставить гражданское население сократить потребление, чтобы высвободить ресурсы для вооружённых сил. По его мнению, домохозяйства, не платящие подоходный налог, должны участвовать в принудительном заимствовании, что обеспечит им сбережения после войны, когда безработица будет высокой. Но эта идея не была сохранена в майском бюджете 1915 г., как и идея взимания налога с низких доходов, предложенная Брэдбери для бюджета 1914 г. Точно так же канцлер Ллойд Джордж не объявил о повышении налогов для финансирования военных действий в тех же пропорциях, как это было сделано во время наполеоновских войн. Увеличение налогового бремени ограничилось повышением налогов на алкоголь.

Потребовался второй заём. Он был запущен в июне 1915 г., вскоре после прихода Реджинальда Маккенна на пост главы Министерства финансов, и включал в себя выпуск мелких номиналов для привлечения мелких держателей. Позиция Брэдбери несколько изменилась, и теперь он надеялся, что поощрение мелких инвесторов к получению займа приведёт к сокращению их потребления, в то время как ранее Казначейство придерживалось рекомендаций Национального долгового управления о том, что покупка долговых бумаг мелкими инвесторами – это просто перевод сбережений, размещённых на сберегательных счетах Почтового отделения, в другой тип продукта. Второй заём, выпущенный по номиналу по ставке 4,5%, подлежал погашению с 1925 г. и не позднее 1945 года. Было предусмотрено, что старые государственные ценные бумаги будут конвертированы в

новый выпуск. Было выпущено 900 млн облигаций, две трети из которых принесли правительству новые деньги. Этот выпуск был более популярен среди частных инвесторов, чем его предшественник: почти 550 тыс. чел. подписались на него через банки (номиналом 100 фунтов) и 47 тыс. – через почту (номиналом 5 и 25 фунтов), а депозитные банки вложили 200 млрд фунтов стерлингов. Однако ставка была сочтена чрезмерной. Ллойд Джордж в своих мемуарах [10, р. 121–123] подверг резкой критике решение Маккенны, которое, с одной стороны, было очень непродуманным по соображениям справедливости, а с другой стороны, – вредным по экономическим причинам, давая основания полагать, что государство должно «влезть» в долги по рыночной ставке, (что и было сделано), обернувшись значительными издержками для всей нации. Против аргументов Л. Джорджа можно возразить, что Маккенна, вероятно, лучше Л. Джорджа понимал, насколько важно поощрять сбережения, чтобы сократить потребление частного сектора.

Первая смета бюджета на май 1915 г., основанная на ежедневных расходах Адмиралтейства, Военного министерства и Министерства боеприпасов, составляла 2 млн фунтов стерлингов. Однако к августу 1915 г. эта сумма уже выросла до 2,5 млн фунтов в день, не считая помощи союзникам, которая составляла 1 млн фунтов стерлингов в день. Общие расходы (военные и гражданские) в 1915/1916 финансовом году должны были составить около 1 млрд 590 млн фунтов, однако пересмотренная оценка составила всего 272 млн фунтов стерлингов.

К сентябрю 1915 г. стало ясно, что конфликт не закончится. Требовался дополнительный бюджет. Уитерс рекомендовал, чтобы по крайней мере треть расходов военного времени составляли налоговые поступления, заявив, что самый простой способ добиться этого – удвоить существующие налоги, пытаясь получить больше налогов с одиноких мужчин и женщин и бездетных пар.

Новый канцлер казначейства Маккенна не прислушался к его совету, хотя его первый бюджет, принятый 21 сентября 1915 г., утвердил резкое увеличение прямого налогообложения. Ставки подоходного налога были увеличены на 40 %, был создан новый сверхналоговый диапазон для доходов от 7 тыс. до 10 тыс. фунтов, которые облагались налогом по ставке 17,5%, а налоговый порог был снижен с 160 до 130 фунтов стерлингов. Поскольку

заработная плата росла, многие представители рабочего класса и нижнего слоя среднего класса впервые попали под действие подоходного налога. Маккенна также ввёл пошлину на сверхприбыль. Однако самой спорной налоговой мерой, учитывая приверженность Либеральной партии свободной торговле (Маккенна также был ярким сторонником свободной торговли), стало введение адвалорного налога в размере 33,33% на предметы роскоши. Эти меры, принятые в надежде, что они улучшат обменный курс за счёт ограничения импорта, разожгли полемику между консерваторами, которые хотели бы видеть большее увеличение косвенного налогообложения, и либералами, которые обвинили канцлера в предательстве доктрины свободной торговли своей партией. Они не принесли больших налоговых поступлений; дефицит бюджета сократился всего на 65 млн фунтов – до 1 млрд 253 млн фунтов стерлингов [7, р. 21].

В ноябре 1915 г. Брэдбери все ещё надеялся, что если Банк Англии сможет ограничить создание денег, то это уменьшит инфляционное давление, но к январю 1916 г. финансовое положение Великобритании было таково, что Маккенна и Брэдбери были вынуждены предупредить Комитет кабинета министров по военным финансам о том, что контролировать инфляцию больше не представляется возможным. Ожидаемый дефицит за последние три месяца финансового года составлял 740 млн фунтов стерлингов [7, р. 22].

Становилось всё более очевидным, что правительство потеряло всякий контроль над ростом военных расходов. Исходя из оптимистичного предположения, что военные расходы не будут расти быстрее, чем в предыдущие годы, они оценивались в 1 млрд 800 млн фунтов стерлингов на 1916/1917 финансовый год, в то время как доходы оценивались не более чем в 400 млн фунтов, что привело к прогнозируемому дефициту бюджета в 1 млрд 400 млн фунтов или потребности в финансировании в 2 млрд фунтов стерлингов на период с 1 января 1916 г. по 31 марта 1917 г., которые должны были финансироваться за счёт заимствований и/или новых налогов. По мнению Брэдбери, повышение налогов не принесло бы значительных результатов, поскольку любое увеличение подоходного налога будет компенсировано почти эквивалентным снижением суммы, которую можно будет собрать за счёт займов. Что касается поступлений от различных предусмотренных дополнительных налогов (на билеты в театр,

на собак и т.д.), то они мало повлияли бы на сокращение дефицита. Наконец, инфляция, снижающая доходы в реальном выражении, была лучшим способом сокращения потребления домохозяйств, но для того, чтобы с этим снижением реальной заработной платы можно было согласиться, во имя справедливости необходимо было обложить налогом военные прибыли. Он ограничился тем, что рекомендовал министрам серию займов, сопровождаемых краткосрочными кредитами, в надежде, что удастся избежать финансовой катастрофы и очень резкого падения обменного курса. Позиция Брэдбери не была лишена недостатков, поскольку означала, что правительству пришлось платить всё больше и больше за необходимые товары из-за роста цен, и обостряла проблему управления государственным долгом по окончании конфликта. Со своей стороны, Пейш и Кейнс продолжали выступать за использование налогов и принудительных долгосрочных сбережений для снижения потребления домохозяйств и инфляции. Кейнс считал, что рост депозитов в крупнейших банках является лучшим показателем для измерения инфляции. В декабре 1915 г. депозиты были почти на том же уровне, что и до выпуска второго займа.

Введение воинской повинности в январе 1916 г. должно было иметь серьёзные последствия для налогообложения. Профсоюзы рабочих через Конгресс профсоюзов немедленно потребовали «призыва накопленного богатства». Более удивительно, что с аналогичным требованием выступил журнал «The Economist», до этого выступавший против значительного увеличения подоходного налога. Хотя «The Economist», по-прежнему, выступал против налога на капитал, он полностью поддержал анализ гарвардского экономиста О.М.В. Спрэга, опубликовавшего в «Экономическом журнале» статью под названием «Призыв доходов» [7, р. 24].

В бюджете, представленном в апреле 1916 г., Маккенна ввел правило, согласно которому правительству разрешалось брать займы только в том случае, если налоговые меры принесут достаточно доходов для покрытия расходов государства в мирное время, процентного бремени по долгу и достаточного резервного фонда. Это правило, признанное «...одним из самых странных принципов, когда-либо применявшихся в истории государственных финансов» [12, р. 92–93], означало, что военные расходы будут финансироваться за счёт заимствований, что канцлер

казначейства подтвердил в своей речи в парламенте, подчеркнув, что вклад налогов в финансирование войны будет ограничен специальными налогами, в частности налогом на сверхприбыли. По его мнению, платежеспособность страны достигла максимальной отметки, и правительству было крайне важно заручиться поддержкой британского народа для продолжения войны. Однако он надеялся, что его правление позволит Великобритании хотя бы сохранить доверие иностранных инвесторов, чтобы они покупали государственные облигации с доходностью 5–6% при росте цен более чем на 20% в то время.

Было введено или увеличено прогрессивное налогообложение в зависимости от размера получаемого дохода; ставка в 5 шиллингов (25%) применялась с дохода в 2 500 фунтов стерлингов и более, а для более низких категорий доходов система стала очень сложной. Ставка налога на сверхприбыль была увеличена с 50% до 60%.

Третий заём на сумму 1 млрд фунтов стерлингов был выпущен по номиналу в январе 1917 г. по ставке 5% со сроком погашения в период с 1927 г. по 1949 год или по необлагаемой налогом ставке 4% со сроком погашения в период с 1927 г. по 1942 год. Те, кто приобрёл ценные бумаги предыдущего займа, могли обменять их на ценные бумаги третьего займа, чтобы воспользоваться ставкой 5%. То же самое могли сделать держатели казначейских векселей и сертификатов военных расходов, так что в итоге сумма новых денег, привлечённых в рамках этого третьего займа, составила 845 млн фунтов, тогда как в рамках предыдущего займа было привлечено 2 млрд 800 тыс. фунтов стерлингов. Кроме того, Великобритания заняла у Соединённых Штатов примерно 1 млрд 400 млн фунтов стерлингов для финансирования закупок продовольствия и военного оборудования у американских компаний. Это единственный бюджет, по которому сохранились записи обсуждений министров в военном кабинете. Из них видно, что основное внимание канцлера казначейства и министров было сосредоточено на последствиях увеличения налога на сверхприбыль.

При подготовке бюджета Брэдбери предполагал, что для выполнения правила Маккенны потребуется дополнительно 90 млн фунтов, и выступал за увеличение налога на сверхприбыль, а также за увеличение налога на наследство на 50 %, если это будет политически возможно. Новый канцлер казначейства Эндрю Бонар Лоу отклонил оба предложения,

но увеличил ставку налога на сверхприбыль с 60% до 80 %, что принесло в казну 60 млн фунтов стерлингов. Других существенных изменений по сравнению с бюджетом предыдущего года не было, если не считать изменений в налогах на билеты в театр и на матчи. Однако повышение налога на сверхприбыль вызвало множество протестов, поскольку это было источником большой неэффективности.

Только в бюджете 1918 г. Эндрю Бонар Лоу, столкнувшись со значительным ростом государственного долга, увеличил стандартную ставку подоходного налога до 6 шиллингов (30 пенсов) и самую высокую ставку суперналога до 4 шиллингов 6 пенсов (22,5 пенса), оставив при этом налог на наследство без изменений.

Государственные расходы в текущих ценах выросли примерно в 13 раз в период с 1913–1914 по 1917–1918 гг., что было связано с увеличением численности армии, ростом необходимого количества боеприпасов и строительством новых кораблей [5, р. 228].

Бюджетный дефицит, составлявший в 1915–1916 гг. треть национального дохода, в 1916–1917 гг. достиг 47,9% ВВП, что стало его наивысшим показателем, а в 1917 – 1918 гг. вновь снизился примерно до 40% [12, р. 105].

Дефицит такого масштаба должен был стать причиной роста цен, начиная с 1915 года. С начала и до конца войны индекс розничных цен вырос почти вдвое. Главной причиной роста цен весной 1915 г. было повышение цен на импорт; затем, с осени 1915 г. до лета 1917 г., в основе инфляции лежало давление, оказываемое государственным спросом, сначала непосредственно на оружейную промышленность и всё необходимое сырьё, а затем косвенно на другие отрасли, которые также нуждались в этом сырьё. Третьей причиной инфляции было повышение издержек производства, которые передавались в цены; с лета 1917 г. и до конца войны рост цен замедлился, и, похоже, что за ростом цен стояло в основном повышение заработной платы [12, р. 372].

Чуть более 28% военных расходов финансировалось за счёт налогов [4]. Относительная значимость налоговых поступлений во время войны возросла, причём в большей степени увеличилось прямое налогообложение и уменьшилось косвенное. Подоходный налог и налог на имущество выросли более чем в шесть раз в номинальном выражении, а их доля в общих налоговых поступлениях увеличилась с чуть менее 25% в начале войны до

более чем трети в конце [5, р. 229]. Стандартная ставка подоходного налога, составлявшая в 1914 г. 6%, была повышена до 12% в ноябрьском бюджете 1914 г., а затем поэтапно увеличивалась и достигла 30 % в 1917–1918 гг., в то время как высшая ставка подоходного налога, которая распространялась лишь на 0,1% налоговых домохозяйств, выросла с 8,33% в 1914 г. до 60 % к концу войны. Порог налогообложения был снижен в 1915 г. с 160 до 130 фунтов, что в сочетании с эффектом роста заработной платы и инфляции означало, что число людей, подлежащих налогообложению, выросло с 1,1 млн в начале войны до 3,5 млн к её концу.

Что касается косвенных налогов, то, хотя они росли каждый год, увеличившись с 69 млн фунтов в 1913–1914 гг. до 161 млн фунтов в 1918–1919 гг., в 1918–1919 гг. они составляли лишь 20,5% налоговых поступлений по сравнению с 42,5% в 1913–1914 гг., поскольку большинство косвенных налогов были связаны с количеством и не реагировали на колебания цен [14, р. 93]. Другими словами, инфляция оказывала негативное влияние на налоговые поступления.

В итоге двумя основными источниками налоговых поступлений стали подоходный налог, включая сверхналог, и налог на сверхприбыль, на долю которых в 1917/1918 налоговом году приходилось 37% и 36% соответственно [11, р. 390]. Уклонение от уплаты налогов, несомненно, было весьма значительным в случае налога на сверхприбыль [16], который имел обратный эффект, поскольку обычно переносился на цены продаж; косвенно он способствовал разжиганию инфляции, но тем не менее являлся важным источником поступлений в государственный бюджет.

Вторым источником финансирования был государственный долг, который имел несколько форм: долгосрочные займы, выпущенные в 1915, 1916 и 1917 гг.; краткосрочный долг (плавающий долг) в виде казначейских векселей сроком от 3 до 12 месяцев, который позволял правительству получать средства между двумя долгосрочными займами и объём которого вырос с 15,5 млн на 1 августа 1914 г. до 973,4 млн на 31 марта 1918 г. и 957 млн на 31 марта 1919 г. [9, р. 125]. Облигации Казначейства под 5% на сумму двести пятьдесят шесть триллионов пятьсот шестьдесят три миллиарда шестьсот десять миллионов фунтов стерлингов, облигации Казначейства под 6% на сумму сто шестьдесят один триллион четыреста семьдесят пять миллионов фунтов

стерлингов, Военные сберегательные сертификаты на сумму семьдесят три триллиона девять миллиардов восемьсот двадцать пять миллионов фунтов стерлингов [9, р. 135] и Национальные военные облигации, выпускавшиеся непрерывно с октября 1917 г. до начала займа Победы 31 мая 1919 года.

Третьим источником финансирования стали заимствования за рубежом, в частности в США. Четыре займа были размещены среди американского населения: один в 1915 г. (англо-французский заём на 500 млн долларов), два в 1916 г. (250 млн долларов в сентябре по ставке 5 % и 300 млн долларов в ноябре по ставке 5,5 %) и четвёртый заём в январе 1917 г. (300 млн долларов по ставке 5,5%). После того как Соединённые Штаты вступили в войну, Великобритания заняла денежные средства напрямую у Казначейства США. Заём в размере 50 млн долларов был также привлечён в Японии в декабре 1916 года.

Наконец, правительство финансировало часть своих расходов, приостановив действие Закона о банковском уставе 1844 г. [6], что привело к увеличению денежной базы, поскольку Казначейство получило право выпускать банкноты – Валютные ноты / Брэдбериноты, которые были законным платёжным средством и представляли собой прямой аванс от Казначейства банкам. Хотя это было необходимо в первые месяцы войны, это продолжалось слишком долго и подстегнуло инфляцию: розничные цены за время войны выросли почти вдвое.

В 1915–1916 гг. государственный долг резко вырос. В постоянных величинах он вырос с 706 млн фунтов стерлингов на конец марта 1914 г. до 7 млрд 481 млн фунтов стерлингов на конец марта 1919 г., то есть увеличился более чем в 10 раз [5, р. 230]. Рассчитанный в процентах от ВВП, государственный долг вырос с 26,2% в марте 1914 г. до 127,5% в марте 1919 г. [5, р. 230]. Структура долга радикально изменилась: плавающий долг (со сроком погашения менее 1 года) вырос с 2% до 23%, неконсолидированный долг (со сроком погашения от 1 до 10 лет) – с 8% до 72%, а консолидированный долг (облигации без срока погашения) снизился с 90 до 5 % [15].

Фискальная политика была источником инфляции на протяжении всей войны, даже если инфляция замедлилась в последние 18 месяцев войны, поскольку прямой контроль, введённый правительством в экономику с 1916 г., ограничивал потребление [14, р. 93].

Это положительно сказалось на объёме сбережений, которые были немедленно использованы для покупки среднесрочных казначейских векселей. От идеи использовать национальный доход в качестве ориентира для финансовой политики, выдвинутой при подготовке бюджета на 1915 год, вскоре отказались. Но, как справедливо отмечает Педен [14, р. 93], кейнсианских концепций в то время ещё не существовало, а статистические инструменты были не слишком эффективны, так что в результате различных оценок получались совершенно разные суммы [8]. С апреля 1916 г. главным ориентиром финансовой политики стало правило Маккенны, согласно которому правительство могло прибегать к налогообложению только в том случае, если налоговые меры приносили доход, достаточный для финансирования расходов государства в мирное время, процентного бремени по долгу и достаточного резервного фонда для новых займов.

Политика британского правительства подвергалась резкой критике со стороны современников и историков за неспособность обуздать инфляцию. Однако некоторые авторы [3; 14, р. 40–44] считают, что правительству было сложно проводить иную политику, учитывая политические и социальные ограничения. Однако сомнительно, что власти действительно осознавали экономические ограничения, согласно которым для того, чтобы правительство могло выкачивать всё большую часть продукции на нужды войны, потребление частного сектора должно было быть

сокращено любой ценой. На самом деле, самые высокие ставки налогообложения распространялись лишь на небольшую часть населения, и, вероятно, правительство не хотело возобновлять в военное время конфликты, возникшие во время составления Народного бюджета 1909 года. Более того, правительство очень быстро осознало, что нельзя позволять разбогатеть определённым категориям агентов, работающих в оружейном секторе. Отсюда и введение налога на сверхприбыль в 1915 г., ставка которого поэтапно повышалась, и появление выражения «призыв богатства» после голосования о воинской повинности в 1916 году. Несмотря на эти меры, повышение налогов, которое было хорошо принято до апрельского бюджета, с апреля 1916 г. стало считаться несправедливым.

Во время конфликта финансовые функции Министерства финансов были расширены. Однако оно практически не контролировало объём расходов, связанных с войной, особенно расходов Министерства боеприпасов, где государственные деньги очень часто расходовались впустую [14, р. 116] и практически не влияло на компромисс между налогообложением и займами, за исключением случаев, когда в 1917 – 1918 гг. вставал вопрос о валюте.

В конечном итоге финансовая политика британских правительств была не лишена недостатков, но если сравнить её с политикой других воюющих сторон, то её неудачи, несомненно, можно оценить в перспективе.

Список литературы:

1. Виноградов, К.Б. Американские займы Великобритании во время первой мировой войны / К.Б. Виноградов. – М.: Научная цифровая библиотека PORTALUS.RU, 04 августа 2017. URL: https://portalus.ru/modules/economics/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1501862951&archive=&start_from=&ucat=& (Дата обращения: 23.09.2024).
2. Вишнякова, Е.С. Влияние первой мировой войны на экономику британских доминионов / Е.С. Вишнякова // Сибирский педагогический журнал. – 2007. – № 11. – С. 232 – 236.
3. Balderston, T. War Finance and Inflation in Britain and Germany 1914 – 1918. / T. Balderston // The Economic History Review. – Vol. 42. – № 2 (May, 1989). – pp. 222 – 244.
4. Blancheton, B. Décider dans l'urgence: la gestion monétaire et financière de l'année 1914. / B. Blancheton // La mobilisation financière pendant la Grande Guerre: le front financier, un troisième front: cycle de journées d'études Les Finances, un ministère en guerre, un ministère dans la guerre (1914 – 1918), edited by Florence Descamps and Laure Quennouëlle-Corre. – Paris: CHEFF, 2015. – pp.105 – 120.
5. Broadberry, S., Howlet, P. The United Kingdom during World War I: business as usual? / S. Broadberry, P. Howlet / In Stephen Broadberry and Mark Harrison (eds), The Economics of World War I. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – pp. 206 – 234.
6. Esposito, Marie-Claude. Le contrôle de l'émission de monnaie en Grande-Bretagne au XIX-e siècle: avancées et limites du Bank Charter Act de 1844 / Marie-Claude Esposito // Histoire, Économie et Société. – 2009. – № 2. – pp. 59 – 74.

7. Esposito, Marie-Claude. La Grande-Bretagne et le financement de la Première Guerre mondiale: l'inflation, enjeu des débats entre emprunt ou impôt. // Une fiscalité de guerre? édité par Florence Descamps et Laure Quennouëlle-Corre, Institut de la gestion publique et du développement économique. – 2018. pp. 13 – 32.
8. Feinstein Charles, H., National Income, Expenditure and Output of the United Kingdom, 1855 – 1965. – Cambridge: Cambridge University Press, 1972. – 244 p.
9. Grady Henry, F. British War Finance, 1914–1919 / F. Grady Henry. – New York: Columbia University Press, 1927. – 316 p.
10. Lloyd, G.D. War memoirs of David Lloyd George. Vol.1 / G.D. Lloyd. – London: Odhams press, 1938. – 1067 p.
11. Mallet, B., George, C. Oswald. British Budgets, second series, 1913 – 14 to 1920 – 21 / B. Mallet, C. Oswald George. – London: Macmillan and Company, limited, 1929. – 407 p.
12. Morgan, E. V. Studies in British Financial Policy 1914–1925 / E.V. Morgan. – London: Macmillan, 1952. – 388 p.
13. Paul-Dubois, L. L'effort économique et financier de l'Angleterre pendant la guerre / L. Paul-Dubois. – Paris: Perrin, 1918. – 270 p.
14. Peden, G.C. The Treasury and British public policy, 1906–1959 / G.C. Peden. – New York: Oxford University Press. – 581 p.
15. Report of the Committee on the National Debt and Taxation, Appendices, Cmd. 2800, H.M. Stationery Office. – 1927. – pp. 14 – 17.
16. Stamp, J. Taxation during the War / J. Stamp. – London: H. Milford. – Oxford University Press, 1932. – 216 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(47); 908

*А.И. Запальская, А.В. Штепа***ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЛУЖСКОЙ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗИИ – ОДНОГО ИЗ ВЕДУЩИХ ЦЕНТРОВ ПРОСВЕЩЕНИЯ В КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

Статья посвящена вкладу старейшего учебного заведения Калужской губернии – Калужской женской гимназии в развитие женского образования в регионе. Отсчитывая свою историю с 1860 г., с момента учреждения женского училища в г. Калуги, и будучи через десять лет преобразованной в гимназию, данное учебное заведение оставалось на всём протяжении своего существования образовательным центром, качественно занимавшимся подготовки, в первую очередь учительских кадров, развивая в своих воспитанницах творческое начало. С историей гимназии связана административная и преподавательская карьера таких видных ученых – педагогов как Петр Сергеевич Бибилов, Сергей Васильевич Щербаков. За свою многолетнюю историю гимназия выпустила более 1800 человек, среди её выпускниц известные деятели искусства А.Ф. Перегонец, Ф. С. Петрова, А.К. Матова. Ряд выпускниц гимназии (А.А. Салова, М.И. и А.И. Шалаевы) стали основательницами собственных частных гимназий, оставивших заметный след в истории женского образования в регионе. Всё это позволяет считать Калужскую женскую гимназию – своеобразным флагманом развития просвещения в Калужской губернии.

Ключевые слова: Калужская губерния; женское образование; Калужская женская гимназия; вторая половина XIX – начало XX веков; педагогическая деятельность; Пётр Сергеевич Бибилов; Сергей Васильевич Щербаков; Анастасия Трофимовна Флерова.

*A.I. Zapalskaya, A.V. Shtepa***HISTORICAL ASPECTS OF THE KALUGA WOMEN'S GYMNASIUM, ONE OF THE LEADING CENTERS OF EDUCATION IN THE KALUGA PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES**

The article is devoted to the contribution of the Kaluga Province's oldest educational institution, the Kaluga Women's Gymnasium, to the development of women's education in the region. Counting back its history since 1860, from the moment of the establishment of the women's college in Kaluga, and being transformed into a gymnasium ten years later, this educational institution remained throughout its existence an educational center that was qualitatively engaged in training, primarily teachers, developing creativity in its pupils. The history of the gymnasium is connected with the administrative and teaching careers of such prominent scientists and teachers as Peter Sergeevich Bibikov, Sergey Vasilyevich Shcherbakov. Over its long history, the gymnasium has graduated more than 1,800 people, among its graduates are famous artists A.F. Peregonets, F. S. Petrova, A.K. Matova. A number of graduates of the gymnasium (A.A. Salova, M.I. and A.I. Shalaev) They became the founders of their own private anthems, which left a noticeable mark on the history of women's education in the region. All this makes it possible to consider the Kaluga Women's Gymnasium as a kind of flagship for the development of education in the Kaluga province.

Keywords: Kaluga province; women's education; Kaluga women's gymnasium; the second half of the XIX – early XX centuries; pedagogical activity; Peter Sergeevich Bibikov; Sergey Vasilyevich Shcherbakov; Anastasia Trofimovna Flerova.

Вторая половина XIX и начало XX столетий являются особой вехой в эволюции образовательной системы Российской империи, поскольку наблюдался подъём общественной и педагогической мысли, чувствовалось настроение общественности в пользу демократизации и гуманизации образования, с целью удовлетворения потребности различных слоёв выкристаллизовывалась необходимость в создании широкой сети различных типов. Известно, что после отмены крепостного права в России, в пореформенный период эпохи императора Александра II было положено начало организации женского образования и развитию женских общеобразовательных учебных заведений.

26 августа 1860 г. в г. открыло двери женское училище в Калуге, затем повысившее статус до уровня гимназии. Данное знаковое для калужского региона учебное заведение в своём историческом развитии было объектом внимания дореволюционных авторов, современных российских, поскольку советские работы об истории женской гимназии отсутствуют. Наиболее добротным трудом можно считать юбилейное издание, вышедшее в 1910 г. к 50-летию открытия женского училища в Калуге. В нём раскрыта подоплёка образования женского образовательного заведения, освещены сюжеты по развитию гимназии, описаны проблемы её финансирования, приведена статистика воспитанниц и т.п. [3]. Историю развития образования в Калужской губернии в целом, историю ведущих образовательных центров изучал В.Д. Лагутин, в «Очерках» которого несколько страниц посвящены именно женской гимназии [6].

Особенности развития начального образования в Калужской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. исследовала С.Н. Касаткина, затронувшая и вопрос об открытии женской казённой гимназии (1860–1918 гг.) [4; 5]. Краткая история женской гимназии представлена в книге известного калужского краеведа и учителя – В.С. Зеленова, посвящённой старейшему учебному заведению г. Калуги – средней общеобразовательной школе № 5, которая сегодня располагается в стенах бывшей женской гимназии. Автор, с опорой на ряд архивных документов воссоздаёт страницы истории школы с 1860 г. до настоящего времени [2].

Значительную роль в появлении данного учебного заведения сыграл калужский губернатор В.А. Арцимович, не только по долгу службы посещавший учебные

заведения и интересовавшийся положением учителей, но и помогавший в налаживании материальной базы гимназии и училищ, призывавший общественность оказывать поддержку школам, лично вносивший немалые денежные суммы на развитие образования. По имеющимся сведениям, калужский губернский предводитель дворянства Фёдор Сергеевич Щукин внёс предложение губернскому дворянству пожертвовать на создание капитала училища по 1 коп. с крестьянской души мужского пола (утверждено решение дворянским собранием 15 января 1860 г.), в итоге была получена сумма 3160 руб. Усилиями купеческого и мещанского сообществ было собрано около 4000 руб. Крупные добровольные взносы на сумму по 1000 руб. каждый сделали Михаил Кузмич Фалеев, Иван Андреевич Чернов, Павел Семёнович Малютин, а Пётр Александрович Омеляненко пожертвовал одновременно 500 руб., Николай Лукич Жемчужников – 300 руб. Всего было собрано пожертвований от разных лиц на сумму 6382 руб. Но наиболее крупными жертвователями стали душеприказчики помещика Лихвинского уезда Петра Алексеевича Племянникова — супруга Елизавета Петровна, старший сын Аркадий Петрович, а также статский советник Н.А. Ушаков, внёсшие по воле завещателя капитал в 20 тыс. руб. [3, с. 22]. Благодаря деятельности созданного по инициативе губернатора В.А. Арцимовича был создан комитет по учреждению в Калуге женского училища с участием губернского и уездного предводителей дворянства, вице-губернатор Н.И. Юркевича, генерал-майор И.Ф. Гринфельда, директора мужской гимназии П. С. Бибикова, делопроизводителя комитета Л.Н. Подчаского удалось приобрести за 5000 руб. каменный трёхэтажный дом купцов Билибиных на Масленниковской улице (ныне – ул. Дзержинского). Подробнее процесс подготовки и открытия женской гимназии в Калуге изложен в упомянутой ранее книге В.С. Зеленова и статье Е.Е. Белкиной [1; 2].

Большое участие в подготовке этого события принял декабрист П.Н. Свистунов. Девочки из демократических слоёв населения получили возможность учиться. Среди первых учениц была дочь Свистунова – Мария [7, с. 169]. Председателем педсовета по положению стал директор мужской гимназии Петр Сергеевич Бибиков. Первой начальницей женской гимназии стала Ш. Ф. Герц, содержательница частного пансиона [6, с. 44]. В год открытия в учебное заведение подали прошение на

поступление 56 девиц, из них были приняты 54 ученицы, которые сдали приёмные экзамены. Педагогическая работа в училище производилась в трёх классах по Закону Божьему, русскому языку, математике, французскому и немецкому языкам, чистописанию, рисованию, рукоделию, географии, истории.

Заседание первого Педагогического Совета училища состоялось 20 октября 1860 г. На нём был поднят вопрос об открытии приготовительного класса и о переводе 9 учениц из I класса в приготовительный, поскольку у них не хватало знаний и подготовки, чтобы учиться в I классе. Однако средства на открытие приготовительного класса не были найдены, поэтому было решено сделать два отделения I-го класса и перевести 9 учениц в младшее отделение. Уроки в нём вела учительница за отдельное вознаграждение, а Закон Божий в младшем отделении безвозмездно преподавал священник о. И.Д. Любимов.

В 1861–1862 учебном году младшее отделение I-го класса было закрыто, так как не оказалось учениц, нуждавшихся в предварительной подготовке в. В 1861 г. был открыт IV класс, а в 1862 г. – V класс, количество учениц в училище увеличилось до 97. Однако, когда в 1863 г. был открыт VI класс число воспитанниц снизилось до 72, а расходы по училищу в виду полного комплекта требовалось увеличить. Из данных Приложения 1 видно, что в 1866 и 1867 гг. прослеживается тенденция к уменьшению числа учениц, а значит и поступлений денежных средств училища [3, с. 42, 43]. Буквально вставал вопрос о выживаемости, в 1867 г. Попечительный Совет даже предложил сократить учебную программу до трёхклассного училища 2-го разряда. И только благодаря энергичным действиям Председателя педсовета П.С. Бибикова, который отстаивал перед Попечителем Московского учебного округа А.П. Ширинским-Шихматовым, в административном подчинении которого находилась располагавшаяся в Калужской губернии гимназия, необходимость выделения дополнительных средств, и при этом просил преобразовать Калужское женское училище 1-го разряда из шестиклассного в трёхклассное училище с двухгодичным курсом в каждом, чтобы, сохранив программу шестиклассного училища 1-го разряда, «не подорвать его существования». Получив соответствующее разрешение, женское училище в 1869/1870 и 1870/1871 учебных годах существовало при трёх классах с двухгодичным курсом при

сохранении научной программы шестиклассного училища 1-го разряда [3, с. 44, 45]. Число учениц стало постепенно увеличиваться (см. Приложение 1).

24 мая 1870 г. вышло «Положение о женских гимназиях и прогимназиях Министерства народного просвещения», утверждавшее преобразование училища первого разряда в семиклассные гимназии, а трёхклассных училища второго разряда – в трёхклассные прогимназии. Восьмой, дополнительный класс был необходим тем, кто основательно готовился к педагогической деятельности. Согласно нормативу выпускницы VII класса могли преподавать в сельских и городских школах, выпускницы VIII класса, приобретали звание домашних учительниц, а «медальерки» (т.е. – окончившие с медалью – Авт.) — звание домашних наставниц и право преподавать в прогимназиях и первых трёх классах гимназии. Учителя пользовались правами чиновников, состоящих на государственной службе [8, с. 1619 – 1650]. Указанное «Положение» действовало до крушения Российской империи в 1917 году.

Поступающие в педагогический класс должны были иметь аттестат за семь классов, хорошие отметки. Независимо от того, поступила ученица в восьмой класс или нет, в седьмом ей предлагалось изучить курс педагогики, который включал в себя: общую педагогику, дидактику, методику; получить необходимые знания в области физического, умственного и нравственного воспитания. В программу курса восьмого класса женской гимназии входили не только теоретические, но и практические занятия по педагогике и дидактике. Ученицы поочередно назначались исполнять обязанности помощницы воспитательницы трёх низших классов гимназии, следившими за гимназистками (по 3 – 4 чел.), вели записи в педагогическом дневнике. В дальнейшем этот дневник становился предметом обсуждения в специальной комиссии, которую возглавляла начальница гимназии, а в составе был преподаватель педагогики, воспитательницы. Во время обсуждения присутствовали все ученицы восьмого класса. В первом полугодии они посещали уроки, готовили конспекты уроков. Во втором — давали пробные уроки. Их число должно было быть достаточным для того, чтобы осудить о способностях и умении учениц обучать детей чтению, письму, арифметике и преподавать избранный ею предмет в трёх низших классах гимназии.

Нужно подчеркнуть, что гимназия не получала финансирование от Министерства народного просвещения, поэтому изыскивались средства от попечителей – благотворителей, испрашивались пособия от земства – губернского и уездных, Попечительский совет просил помощи и у властей г. Калуги. Вынуждено с изначальных 15 руб. была повышена в 1872 г. плата за обучение – до 20 руб. в год, казна только с 1882 г. стала покрывать десятую часть расходов гимназии [2, с. 19; 6, с. 44]. Вместе с этим был увеличен преподавательский корпус до 14 человек и ученический контингент до 90 чел. в 1871 г. и до 100 – в 1872 году (См. Приложение 1).

Проанализировав данные Приложения 1, можно увидеть в 1871 – 1879 гг.; 1889 – 1895 гг.; 1897 – 1907 гг. тенденцию роста числа воспитанниц в Калужской женской гимназии, в остальные годы можно фиксировать «перепады» в численности ученического контингента, но после 1898 г. он был устойчиво не ниже 550 человек. Периоды роста численности воспитанниц возможно попробовать объяснить в целом процессами, которые проходили в это время в России, связанные с проведением либеральных, в том числе и сфере образования, реформ Александра II, увеличения спроса на подготовленных педагогов. Затем усиление экономики России в поздней имперский период при Александре III и начальной стадии царствования Николая II, в правление которых также расширяются сети учебных заведений низшего и среднего звена (церковно-приходские школы, земские школы, городские и уездные), что тоже требует нового притока преподавательских кадров, включая женщин. Не менее половины, согласно имеющимся данным по сословному распределению гимназисток, порой две трети воспитанниц составляли – дворянки (71 % в 1883 г.; 80,8% в 1890 г.; 51,2% - в 1910 г.). Представительницы городских сословий (купечества, мещан) по численности находились на втором месте, а выходцы из духовного звания – на третьем. За двадцать лет, с 1883 г. по 1903 г. количество иностранных подданных в гимназии было невелико, не более в среднем 1 – 2 воспитанниц в учебном году, только в 1895 г. зафиксированы 3 иностранки. В целом абсолютно предсказуемо выглядят и показатели распределения гимназисток по религиозному вероисповеданию – подавляющее большинство были православными (90% в 1883 и 1884 гг.; 93,5% - в 1910 г.). Численность выпускниц VIII класса, чаще всего была в два раза, либо на треть

меньше, чем воспитанниц VII класс, хотя были периоды, когда в данных классах обучалось практически равное количество гимназисток – 1886, 1887, 1889, 1904, 1906 гг., а 1891, 1894, 1899 гг. можно даже зафиксировать преобладание восьмиклассниц над семиклассницами.

Учебный план женской гимназии почти не отличался от учебного плана мужской гимназии. Особое внимание было сконцентрировано на Законе Божьем, русском языке, математике, географии, истории, чистописании. Французский и немецкий языки вместе с рисованием и музыкой преподавались как дополнительные предметы, а специальной дисциплиной для девушек было рукоделие.

С 4-го класса преподавалась естественная история, где были представлены разделы ботаники, зоологии, минералогии, говорилось о физических явлениях природы, поскольку физики и химии как отдельных дисциплин не было. Учебные пособия были те же, что и для мужской гимназии. Изучение французского, немецкого языков начиналось с первого класса, с чтения и списывания; во втором классе переводили текст с русского на французский, на немецком составляли фразы, писали диктанты; в третьем классе изучали грамматику, перевод и разговор на французском, немецком языках; в пятых – седьмых классах – синтаксис, разговор и чтение французской, немецкой литературы. Рукоделием занимались с первого по седьмой класс, по пять уроков в неделю [6, с. 45].

Наблюдая численный рост гимназического контингента (в 1880 г. – 284 чел.) председатель педсовета П.С. Бибииков с 1881/82 учебного года добивается открытия восьмого педагогического класса. В разработке учебной программы для 8-го класса непосредственное участие принял, окончивший историко-филологический факультет Московского университета, преподаватель гимназии С.К. Благовещенский. Программу нацеливала на глубокое погружение будущих педагогов в математику, историю, географию, особое внимание уделялось и русскому языку, педагогике и гигиене. Весной 1882 г. первыми выпускницами восьмого класса 17 гимназисток, четыре из них получили звание домашней наставницы, 13 – домашней учительницы [2, с. 23].

Ученицам разрешалось вести воспитательную работу в младших классах гимназии в период педагогической практики. Занимались письменно.

Жизнь гимназисток оживилась, вводятся завтраки (чай, молоко), создается общество по оказанию помощи бедным ученицам, устраиваются литературно музыкальные вечера, а весной — коллективные прогулки в лес, в городской сад.

Особенно торжественно гимназисты г. Калуги отметили 30 мая 1899 г. праздник, посвященный столетию со дня рождения Пушкина А. С. Учащиеся мужской, женской гимназии и реального училища – 2600 человек собрались на площади у Троицкого собора, а оттуда с музыкой пошли в загородный сад, где стоял памятник А.С. Пушкину. Возложили цветы, декламировали стихи поэта, играли, танцевали. Праздник закончился тем, что всем учащимся был подарен сборник избранных произведений Пушкина, изданного в Калуге в 1899 г. [6, с. 46].

Одновременно с этими демократическими нововведениями усиливается гимназический режим. Теперь гимназисткам строго вменялось в обязанность в воскресенье и праздничные дни ходить к обедне, говеть на страстной неделе и представлять начальнице гимназии запрещалось о соблюдении этих правил удостоверение от священника. Ученицам запрещалось посещать театр, концерты, маскарады, гулять на бульваре без сопровождения родителей или родственников. Однако источники личного происхождения наводят на мысль, что девушки временами пренебрегали этими запретами, посещая синемаграф, музыкальные вечера. Так, в дневнике одной гимназистки начала XX века читаем: «25 марта решили идти в синемаграф. <...> Когда же шло «Тайны Сандимирского монастыря», Витя сел к нам <...>. Вещь была немножко тоже...цензурная, а Витя как раз со мной рядом сидит... Я толкаю Соню, а она шепчет: «Ничего, и это бывает!»» [Цит. по: 5, с. 107].

Однако, несмотря на развлечения, ученицы не забывали про уроки и осознавали всю необходимость обучения. Так, одна из гимназисток оставила такие записи: «14 мая, вторник. Хотели встать в 5 часов, но на самом-то деле поднялись полчаса 7-го!.. Одначе!.. Сели заниматься по истории. Как не хочется учить!.. Невольно всё посматриваешь в окна, кто идет?.. Но, однако, как-никак, а заниматься нужно. Сидим и зубрим историю». И далее: «18 мая, суббота. Ну и крепко же! Весь день пришлось заниматься! Ведь пройти Целую историю, это не то, что чаю выпить! Прямо жарко было. Когда мы зубрили. А в 6

часов пошли ко всеночной» [Цит. по: 5, с. 107].

Запрещалось ходить в гимназию без формы, с распущенными по плечам волосами. Гимназистки носили закрытые длинные коричневые платья с высоким воротником и фартуки: черный — в учебные дни и белый — по праздникам. Парадная форма дополнялась белым воротничком и соломенной шляпкой. Такой головной убор был обязателен и летом. Каждая ученица носила на груди серебряную брошь-эмблему с буквами «КЖГ». За нарушение этих и других требований ученицы могли быть исключены из гимназии [5, с. 106].

Таргонская М.А., которая выпустилась накануне Первой мировой войны позднее вспоминала: «Обходились с нами строго. Однажды я пришла в гимназию с маленькими завитками волос на висках. Это было сразу замечено надзирательницей. «Мадмуазель, - сказала она, - немедленно пойдите в туалетную комнату и приведите свою голову в порядок». И я пошла, размачивать и распрямлять кудряшки» [Цит. по: 2, с. 21].

В 1906 г. педсовет женской гимназии возглавил директор мужской гимназии Сергей Васильевич Щербаков (1859–1932), стараниями которого преподавание физики ставилось на серьезную научную основу. Как отмечала начальница гимназии, «из мертвого предмета, от которого оставалось впечатление лишь скучной толстой книги, физика стала для учащихся живым предметом» [Цит. по: 2, с. 25].

По соседству с женской гимназией, в старейшем губернском центре просвещения – мужской Николаевской гимназии С. В. Щербаков оборудовал обсерваторию, где он позволял ученицам 7-го и 8-го классов наблюдать Луну, планеты, звезды в телескоп. Кроме того, С. В. Щербаков добился введения в восьмом классе тригонометрии, содействовал применению проекционного аппарата - «волшебного фонаря для туманных картин» - на уроках истории и географии [5, с. 25].

По Закону Божьему ученицы в праздничные дни, начиная с 1903 г. после установления домашней церкви в Николаевской гимназии, ходили на богослужение, там пели хором духовные песнопения, устраивали чтения религиозных книг с показом картин их истории Ветхого и Новых заветов. В иные дни перед ученицами выступали преподаватели с лекциями о космосе, творчестве западноевропейских и русских поэтов и писателей.

Стало больше внимания уделяться самостоятельной домашней работе, написанию

сочинений, рефератов. Ученицы по заданным темам или работам школьного курса готовили рефераты и зачитывали их перед классом. В гимназии ежегодно устраивались выставки ученических работ по естественной истории, рукоделию, рисованию: разные цветы из сережек грецкого ореха, выжигание по дереву, коже, картону, плюшу, рисунки на стекле вышивание, плетение, вязание. В праздничные и воскресные дни дети младших классов под руководством учениц старших классов приходили в гимназию для развлечений, игр [6, с. 47, 48].

Экскурсии как средство обучения воспитанниц были весьма полезны и эффективны, гимназистки, в Балабанове могли наблюдать специфику бумажно-шерстяного и шёлкового производства, изучая архитектурный облик старинных городов, столичных центров, посетили Московский Кремль, Петербург, а в 1910 г. сплавали по Волге от древнего города Ярославля до Саратова. Самой памятной была поездка в Крым, по впечатлениям которой ученицами 8 класса написана брошюра «Экскурсия в Крым учениц КЖГ в 1913 г.» [2, с. 25].

Революционные события 1905 – 1907 гг. отразились на размеренной жизни калужских гимназисток. В 1905 г. в гимназии были отменены занятия 13 и 14 октября, с 24 октября по 7 ноября и с 12 декабря по Рождественские каникулы, которые начались 24 декабря. Выдвигали отдельные гимназистки требования гражданского и политического характера – свободу слова, обязательного уважения личности учениц, не преследования за убеждения на основании анонимных доносов, права иметь заработок вне школы, бесплатного обучения немецкому и французскому языкам и т.п. Руководство гимназии рассматривало эти петиции вместе с членами специально созданного родительского комитета, и некоторые были удовлетворены [2, с. 29].

К концу первого десятилетия XX века гимназия значительно выросла по числу обучающихся, окрепла материально. В 1910 г. для девушек слабых здоровьем была снята дача. Также старшие дети обучали младших учебным занятиям. Содержали детей за счет пожертвований и попечительского совета. Но число оздоравливающих девочек было невелико – от восьми до восемнадцати человек. В гимназии к пятидесятилетию были введены уроки гимнастики.

В 1917–1918 учебном году начальницей оставалась Анастасия Трофимовна Флерова.

Гимназистки продолжали учиться, выпускницы устраивались на работу в школы. После окончания гимназии, а затем Московского, Петербургского университетов, или Высших женских курсов возвратились в Калугу и занимались педагогической деятельностью в своей гимназии М. Е. Куклина, М. Ю. Маркевич, А. С. Архангельская, С. А. Невская. Выпускницы гимназии А. А. Салова, М. И. и А. И. Шалаевы сами стали организаторами женского образования, открыв частные школы в Калуге, а Александра — в г. Жиздре [6, с. 48, 49].

Иные из них активно участвовали в революционных событиях в России и Гражданской войне, строительстве нового советского государства (Мария Федоровна Леман, Вера Александровна Ульяновская – участницы борьбы с басмачами за установление советской власти в Туркестане) [2, с. 30, 31].

Некоторые выпускницы калужской гимназии стали известными деятелями театрального искусства, среди них: оперная певица, солистка Большого театра, затем театральный педагог, заслуженная артистка РСФСР (1933 г.) Александра Константиновна Матова (выпускница гимназии 1905 г.); оперная певица, солистка Большого театра, заслуженная артистка РСФСР (1937 г.) Фаина Сергеевна Петрова (выпускница гимназии 1905 г.); киноактриса, актриса Симферопольского русского драмтеатра, заслуженная артистка Крымской АССР, член антифашистской подпольной организации «Сокол» в годы Великой Отечественной войны Александра Федоровна Перегонец (выпускница гимназии 1914, расстреляна немцами 10 апреля 1944 г.) [2, с. 32, 33, 35 – 37].

За 58 лет своей деятельности гимназия сделала шестьдесят пять выпусков. Женскую гимназию с 1863 по 1918 годы окончило 1817 человек, из них около 700 выпускниц с правом заниматься учительской деятельностью [6, с. 48]. В 1918 г. гимназия была реорганизована в школу II ступени. Сегодня в бывшем здании размещается общеобразовательная школа № 5, открыт музей истории школы.

Кроме казенной женской гимназии в Калуге были хорошо известны частные гимназии Шалаевой М. И. и Саловой А. А. Открывались женские гимназии и в уездных городах. В 1873 году в Жиздре была учреждена так называемая гимназия в честь императрицы Марии; в 1881 году – в Малоярославце (шестиклассная гимназия).

Женское образование в Калужской губернии продолжало и в уездных городах, с

1902 по 1915 четырехклассные прогимназии начали функционировать в Козельске, Боровске, Мещовске, Медыни. Выпускницы прогимназий могли поступать дальше в гимназии и иные учебные заведения среднего уровня образования. В 1918 г. в процесс реформ, проводимых органами советской власти, прогимназии получили статус школы II ступени с педагогическим уклоном [6, с. 49].

Итак, можно констатировать, что реформы второй половины XIX – начала XX вв. содействовали развитию женского образования в России в целом, и в Калужской губернии, в частности. Много внимания уделялось подготовке учительских кадров. Сформировавшаяся в конце XIX – начале XX вв. система женского образования фактически оставалась в основе своей неизменной вплоть до октябрьских событий 1917 года. Она была

представлена следующими учебными учреждениями: женские гимназии (семь-восемь лет), прогимназии (четыре года), епархиальные училища (семь-восемь лет), институты благородных девиц (восемь лет), высшие женские курсы (четыре-пять лет). Духовные – духовные училища (сорок три года), духовные семинарии (четыре-шесть лет), духовные академии (четыре года).

Калужская женская казенная гимназия, безусловно, внесла свою лепту в подготовку не только педагогических кадров калужского региона, но и способствовала творческому развитию своих воспитанниц, ставших известными актрисами, театральными педагогами, тем самым оправдывая свое предназначение как одного из флагманов развития образования в Калужской губернии.

Список литературы:

1. Белкина, Е.Е. Среднее женское образование в 1850–1860-е гг. и открытие первой женской гимназии в Калуге / Е.Е. Белкина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. – 2013. – № 3. – С. 70–79.
2. Зеленев, В.С. Старейшая школа Калуги. Документы, события, люди / В.С. Зеленев. – Калуга: Издательство «Фридрихс», 2010. – 200 с.
3. К пятидесятилетию Калужской женской гимназии. (1860–1910 гг.) / А.Т. Флерова, П.П. Добромыслов. – Калуга: Типо-литография Губернского правления, 1911. – 173 с.
4. Касаткина, С.Н. Развитие народного образования в России в период государственных школьных реформ (XVIII – начала XX вв.): по материалам Калужской губернии. Спецкурс / С.Н. Касаткина. – Калуга: изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2012. – 96 с.
5. Касаткина, С.Н., Климова, Н.И., Реймер, М.В. Особенности развития образования в Калужской губернии. Монография / С.Н. Касаткина, Н.И. Климова, М.В. Реймер. – Калуга: Изд-во КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – 196 с.
6. Лагутин, В.Д. Краткие очерки истории народного образования / В.Д. Лагутин. – Калуга, 1993. – 212 с.
7. Морозова, Г.М. Прогулки по старой Калуге / Г.М. Морозова. – Калуга: Золотая аллея, 1993. – 260 с.
8. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Царствование императора Александра II, 1865 – 1870. Т. IV. – СПб.: Императорской Академии Наук, 1871. – 1751 с.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

Приложение 1

Численность воспитанниц Калужского женского училища/ Калужской женской гимназии в 1860–1867; 1871–1910 гг. [составлено по: 3, с. 167–168].

Годы	Число учениц	По сословиям					По вероисповеданиям				Число учениц окончив. курс	
		Дворян / чиновников	Духовенства	Город. сословий	Сельских сословий	Иностранцев	Правосл.	Католич.	Лютеран	Иудеев и др. вероисповед.	VII кл.	VIII кл.
1860	54	39	3	11	—	1	—	—	—	—	—	—
1861	91	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1862	97	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1863	72	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1866	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1867	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1871	90	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1872	100	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	—
1873	120	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—
1874	160	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1875	221	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	—
1876	246	—	—	—	—	—	—	—	—	—	15	—
1877	268	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—
1878	282	—	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
1879	316	—	—	—	—	—	—	—	—	—	22	—
1880	284	—	—	—	—	—	—	—	—	—	23	—
1881	268	—	—	—	—	—	—	—	—	—	20	—
1882	276	—	—	—	—	—	—	—	—	—	17	17
1883	284	200	26	49	7	2	257	18	1	8	31	14
1884	283	204	20	50	7	2	257	18	1	7	16	19
1885	242	183	10	38	9	2	219	15	3	5	17	9
1886	224	175	4	35	9	1	204	13	2	5	10	12
1887	198	158	2	32	6	—	176	13	3	6	10	8
1888	202	160	—	34	8	—	185	8	3	6	17	8
1889	229	180	—	44	5	—	208	13	1	7	15	13
1890	251	203	2	40	5	1	234	11	1	5	19	8
1891	298	234	1	58	5	—	273	15	6	4	15	16
1892	319	263	3	42	10	1	297	15	6	1	21	10
1893	353	266	2	75	9	1	328	15	8	2	28	11
1894	387	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	16
1895	393	289	5	86	10	3	361	15	15	2	23	8
1896	382	268	3	94	15	2	347	18	12	5	34	7
1897	415	284	2	116	12	1	379	20	11	5	40	20
1898	450	293	2	141	13	1	419	16	10	5	40	29
1899	516	361	2	131	21	1	483	15	11	7	26	36
1900	587	386	3	164	33	1	548	17	10	12	33	22
1901	627	392	4	195	35	1	587	17	9	14	49	33
1902	671	379	4	241	46	1	624	24	11	12	51	35
1903	695	384	4	247	60	—	650	22	10	13	55	47
1904	700	380	8	252	60	—	664	23	3	10	49	41
1905	739	391	10	281	57	—	697	25	4	13	86	37
1906	739	388	20	272	59	—	697	24	2	16	55	54
1907	744	383	28	274	59	—	710	19	3	12	80	40
1908	700	349	30	267	54	—	664	22	3	11	58	44
1909	670	356	41	227	46	—	635	20	3	12	62	41
1910	682	349	38	238	57	—	638	19	10	15	77	45

УДК 94(47).084.6

О.И. Иевлева, Н.О. Майорова

**ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ КОМСОМОЛЬЦЕВ КАЛУЖСКОГО ОКРУГА
В СВЯЗИ С НАЧАЛОМ СПЛОШНОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ.
1 ОКТЯБРЯ 1929 ГОДА – 15 МАРТА 1930 ГОДА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Статья является первой в намеченном авторами цикле, посвящённом участию комсомола в процессе коллективизации сельского хозяйства в Калужском округе. В ней идёт речь о том, как менялась численность комсомольцев округа – как городских, так и сельских, в период с 1 октября 1929 г. по 15 марта 1930 года. Авторы ставят вопрос о том, с чем могли быть связаны эти изменения, выдвигая в качестве причин трудовой энтузиазм молодёжи, а также вольные или невольные искажения цифровой информации. Авторы предполагают, что в ходе дальнейшего исследования могут быть найдены и другие причины.

Ключевые слова: коллективизация сельского хозяйства; сплошная коллективизация; Калужский округ; районы Калужского округа; комсомол; комсомольцы; рабочие; батраки; бедняки; середняки.

О.И. Ievleva, N.O. Mayorova

**DYNAMICS OF THE NUMBER OF KOMSOMOL MEMBERS IN THE KALUGA
DISTRICT IN CONNECTION WITH THE BEGINNING OF COMPLETE
COLLECTIVIZATION. OCTOBER 1, 1929 – MARCH 15, 1930
(ON THE FORMULATION OF THE PROBLEM)**

The article is the first in the authors' planned cycle devoted to the participation of the Komsomol in the process of collectivization of agriculture in the Kaluga District. It discusses how the number of Komsomol members in the district changed – both urban and rural – in the period from October 1, 1929 to March 15, 1930. The authors raise the question of what these changes could be connected with, putting forward the labor enthusiasm of the youth as the reasons, as well as voluntary or involuntary distortions of digital information. The authors suggest that other reasons may be found in the course of further research.

Keywords: collectivization of agriculture; total collectivization; Kaluga District; districts of Kaluga District; Komsomol; Komsomol members; workers; farm laborers; poor peasants; middle peasants.

Коллективизация сельского хозяйства в Советском Союзе – один из тех ключевых процессов, что определили ход исторического развития надолго вперед. Неудивительно, что связанная с нею историография чрезвычайно богата как охватом материала, так и разнообразием точек зрения. В последние годы учёные всё чаще обращаются к региональной истории, раскрывающей, подчас, с новой стороны, роль комсомола в реконструкции сельского хозяйства нашей страны в 1930-е гг. [1; 5; 6; 7].

Данное исследование открывает цикл статей, который авторы планируют посвятить этой проблематике применительно к Калужскому краю. Основной источниковой базой для её изучения служат материалы Государственного архива документов новейшей истории Калужской области.

В 1929 г., в ходе реформы по укрупнению административно-территориальных единиц, Калужская губерния была упразднена, а

взамен образован Калужский округ Московской области. В его состав вошли девять районов: Боровский, Черепетский, Ферзиковский, Малоярославецкий, Угодско-Заводской, Детчинский, Бабынинский, Калужский, Перемышльский [4, л. 29].

Округ был причислен к числу незерновых. В 1930 г., после начала сплошной коллективизации её завершение в регионах такого типа планировалось к весне 1931 г. В ходе работы в архиве мы обнаружили информационную сводку, относящуюся к весне 1930 г., «О ходе работы комсомола по посевной кампании в Калужском округе». Согласно документу, это решение «нашло своевременный отклик в массах рабочего класса и крестьянства округа». Более того, говорится в нём, в Калуге прошло небывалое число демонстраций «за сплошной колхоз», организованных местным комсомолом [2, л. 88]. На основании только сводки мы не можем утверждать, насколько соответствовал этот энтузиазм реальным

настроениям крестьянства в Калужском округе. Но неудивительно, что после получения такой информации планы были пересмотрены и было решено «коллективизировать округ весной 1930 г.» [2, л. 88], а точнее к 1 марта 1930 г.

То есть, провести сплошную коллективизацию в округе требовалось единомоментно. Причём делать это предстояло в «условиях нехватки материальных ресурсов» [1, с. 252]. А также нехватки сельских коммунистов. Рассмотрим для сравнения ситуацию в Адыгее, о чём пишет исследовавший этот вопрос А.А. Панарин. По его данным более половины комсомольских ячеек работали в селах и деревнях, где партийных ячеек не было [7]. Это, с одной стороны, повышало

ответственность молодёжи, а с другой, лишало их поддержки старших товарищей.

Впрочем, молодёжи тоже подчас не хватало. Окружком ВЛКСМ проводил многочисленные пленумы и кустовые собрания под лозунгом «мобилизации комсомола на выполнение этого важного задания» [2, л. 88]. В материалах, имеющих к ним отношение, содержатся красноречивые цифры. Так, например, согласно сведениям, представленным заведующим учётно-статистическим Отделом Калужского ОК ВЛКСМ Гельманом, на 1 октября 1929 г. в Калужском округе насчитывалось 2098 комсомольцев. Численное распределение комсомольцев по районам представлено в таблице 1.

Таблица 1

Сведения о составе Калужской окружной организации ВЛКСМ на 01.10.1929 г.

№ п/п	Район	Всего	Муж.	Жен.	Раб.	Батр.	Бедн.	Серед.	Служ.
1.	Калужский	49	37	12	26	7	8	5	3
2.	Угодско-Заводской	79	50	29	63	1	1	2	12
3.	Черепетский	223	162	60	176	1	20	16	9
4.	Горрайком	524	368	156	500	-	-	-	24
5.	Жел.дор.РК	450	382	68	384	3	2	2	59
6.	Ферзиковский	423	337	86	267	9	42	60	50
7.	Детчинский	-	-	-	-	-	-	-	-
8.	Перемышльский	-	-	-	-	-	-	-	-
9.	Бабынинский	15	12	3	5	1	7	2	-
10	Боровский	296	178	118	279	1	-	5	11
11	Малоярославецкий	40	33	7	23	5	8	2	2
	Всего:	2098	1559	539	1723	28	88	95	171

О чем же говорят эти данные? Во-первых, о том, что подавляющее число комсомольцев – рабочие, приписанные либо к городским ячейкам ВЛКСМ (№№ 4, 5), либо к ячейкам в районах, где имелись промышленные предприятия. Отметим, кстати, что юношей примерно в три раза больше, чем девушек. Во-вторых, есть незначительные расхождения в подсчётах (в одного человека), которые, наверное, можно оставить без внимания. В-третьих, не для всех районов указаны данные. По Детчинскому и Перемышльскому их вовсе нет, по Бабынинскому – крайне мало. Можем ли мы считать, что в этих районах вовсе не было комсомольцев или было совсем мало? Или просто данные не были собраны? Трудно решить (судя по количеству созданных к марту 1930 г. в этих районах колхозов, в отсутствие там комсомольцев не верится). Но

так или иначе, учитывая сказанное, достоверность этих данных может быть поставлена под сомнение. Однако даже и по ним очевидно, что без участия комсомольцев – рабочих задачу сплошной коллективизации в округе было никак не решить.

Комсомольцы из окружкома не могли этого не понимать. В рассмотренной выше информационной сводке имеются сведения о том, что к весне 1930 г. в районы округа было отправлено 225 комсомольцев [2, л. 88]. Есть ещё один документ с пометкой «официальные сведения»: «Состояние Окружной организации ВЛКСМ на 1 января 1930 г.». Кем он составлен выяснить пока не удалось. В нём читаем, что на 1 января 1930 г. в Калужском округе насчитывалось 6266 членов ВЛКСМ, 163 кандидата и 210 ячеек [3, л. 173]. Это практически в 3 раза больше, чем в конце 1929 г.!

Обратим внимание на социальный состав участников комсомольской организации на 1

января 1930 [3, л. 173] согласно этому документу, представленный в таблице 2.

Таблица 2

Социальный состав участников комсомольской организации в Калужском округе на 1 января 1930 г.

№ п/п	Социальное происхождение	Кол-во	% соотношение
1.	Рабочих	2756	44
2.	Батраков	436	6,9
3.	Бедняков	1444	23
4.	Середняков	945	15,1
5.	Кустарей	43	0,7
6.	Служащих и проч.	643	10,3

Итак, 44% – рабочие, причём, судя по предыдущей таблице, явно не из Калужского округа. Можно предположить, что их могли направить из близлежащих промышленных центров, прежде всего Москвы и Тулы, а также Твери, Рязани и др.

К 15 марта 1930 г. число комсомольцев округа вновь увеличилось, но уже ненамного – до 6379 человек. Их социальный состав можно увидеть в таблице 3.

Таблица 3

Социальный состав участников комсомольской организации на 15 марта 1930 г.

№ п/п	Социальное происхождение	Кол-во	% соотношение
1.	Рабочих	2676	42
2.	Батраков	540	8,2
3.	Бедняков	1565	24,5
4.	Середняков	990	15,5
5.	Кустарей	15	0,2
6.	Служащих и проч.	593	9,3

Сравнение данных этих двух таблиц позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, почти на сто человек уменьшилось количество рабочих [3, л. 166]. Можно предположить, что вернулась домой часть рабочих, присланных из других регионов. Во-вторых, уменьшилось, и серьёзно, число кустарей – которых и так было немного, и сокращение их числа представляется вполне логичным в русле сплошной коллективизации. И наконец, в-третьих – увеличилось, не сказать, что очень значительно, но заметно, число батраков, бедняков и середняков. Вернее, не очень значительно – это только по сравнению с таблицей 2. Если обратиться к первой таблице, то по сравнению с октябрём 1929 г. мы увидим рост куда более впечатляющий. Число батраков, например, увеличилось в 19 раз, бедняков – почти в 18 раз, середняков – почти в десять с половиной.

Что бы это значило? Подсказку можно найти в той же информационной сводке, о которой говорилось в начале статьи. В ней идёт речь о мобилизации в ячейки молодежи на

местах. Правда, конкретики здесь мы имеем пока мало. Но можно предположить, что именно эта мобилизация и способствовала указанному росту.

Главное, что бросается в глаза, – резкий взлёт после начала сплошной коллективизации численности комсомольцев Калужского округа, причём в значительной степени за счёт крестьян – батраков, бедняков и середняков.

У.М. Андриец, изучавшая эту проблематику применительно к Дальнему Востоку, также отмечает подобный взлет и объясняет его энтузиазмом молодости. «Деревенские комсомольцы, - пишет она, - часто искренне верили в коллективизацию и со свойственным молодёжи рвением и максимализмом участвовали в реализации непопулярных партийно-государственных мероприятий» [1, с. 258]. Авторы вполне склонны с этим согласиться. Такая же мотивация определённо присутствовала и у комсомольцев – рабочих. Хоть часть их, видимо, и вернулась к весне 1930 г. домой, но куда больше юношей и девушек осталось в деревне, продолжая трудиться на благо

сплошной коллективизации. Но едва ли это будет полный ответ.

Для того, чтобы полнее раскрыть заявленную в заглавии статьи тему, необходимо проделать большую работу. Во-первых, следует уточнить и углубить цифровую информацию, во-вторых, конкретнее заняться проблемой мотивации. Для этого понадобятся дальнейшие архивные поиски, чем авторы и намерены заняться.

Впрочем, одно известно уже сейчас.

С января 1930 г. в Калужском округе началась активная работа по проведению в жизнь решения о завершении коллективизации к 1 марта. По отдельным сведениям, при

помощи комсомольцев в феврале 1930 г. в Ферзиковском районе было организовано 12 колхозов, в Калужском – 10, в Бабынинском – 12, в Черепетском – 20, в Перемышльском – 13, в Угодско-Заводском – 15 и в Малоярославецком районе – 15 колхозов [2, л. 88]. В целом к 20 февраля Калужский округ отчитался о проведении коллективизации на 86%.

Мы можем сказать: у них получилось! Но прошло совсем немного времени, и ситуация с колхозным строительством, в том числе в Калужском округе, довольно резко меняется.

Но это уже – другая история.

Список литературы:

1. Андриец, У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока / У.М. Андриец // Россия и АТР. – 2016. – № 1 (91). – С. 250–260.
2. Ипполитов, В.А., Слезин, А.А. Апогей коллективизации: роль комсомола / В.А. Ипполитов, А.А. Слезин // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 433. – С. 64–69.
3. Ипполитов, В.А. Тамбовский комсомол в коллективизации сельского хозяйства (1929–1932 гг.) / В.А. Ипполитов // Вестник Тамбовского государственного технического университета. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 219–225.
4. Панарин, А.А. Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20-30-х годов XX века / А.А. Панарин // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2012. – № 2. – С. 56–62.
5. Государственный архив Калужской области. Ф. Р. 1103. Оп. 1. Д. 21.
6. Государственный архив документов новейшей истории Калужской области (далее – ГАДНИКО). Ф. П 61. Оп. 2. Д. 11.
7. ГАДНИКО. Ф. П. 61. Оп. 2. Д.13.

Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Калуга, РФ

УДК 94 (476)

*В.Г. Корнелюк***КАЛУЖСКИЙ КРАЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ БЫВШИХ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ИЗ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ**

В статье на примере воспоминаний бывших беженцев Первой мировой войны из Гродненской губернии (сейчас – Подляшское воеводство Республики Польша) обращается внимание на характерные обстоятельства беженства 1915–1923 гг. Такие составляющие беженского положения, как благотворительная помощь беженцам в 1915–1917 гг., возможность трудоустройства, получение образования детьми беженцев, отъезд в другие районы России и в реэвакуацию в связи наступлением экономического кризиса с 1917 г. – характерны как для всего пространства расселения беженцев по территории России, так и для Калужской губернии, в частности. Анализ частной выборки десятка воспоминаний из общего числа – 167, опубликованных в книге «Беженство 1915 года» (2015) – пример комплекса характеристик, которые иллюстрируют уникальное демографическое движение, каким было беженство из заданных регионов Российской империи, вызванное событиями Первой мировой войны.

Ключевые слова: беженство; Первая мировая война; Гродненская губерния; Калужская губерния; белорусские беженцы; воспоминания беженцев; помощь беженцам.

*V.G. Kornelyuk***KALUGA REGION IN THE MEMORIES OF FORMER WORLD WAR I REFUGEES FROM GRODNO PROVINCE**

Using the example of the memoirs of former World War I refugees from the Grodno province (now the Podlaskie Voivodeship of the Republic of Poland), the article draws attention to the characteristic circumstances of the refugee in 1915–1923. Such components of the refugee situation as charitable assistance to refugees in 1915–1917, the possibility of employment, education for refugee children, departure to other regions of Russia and re-evacuation, due to the onset of the economic crisis since 1917, are characteristic of both the entire refugee settlement area in Russia and in the Kaluga province, in particular. The analysis of a private sample of a dozen memories out of a total of 167 published in the book "The Refugees of 1915" (2015) is an example of a set of characteristics that illustrate a unique demographic movement, such as the refugee from given regions of the Russian Empire caused by the events of the First World War.

Keywords: refugee; World War I; Grodno province; Kaluga province; Belarusian refugees; memoirs of refugees; refugee assistance.

Важнейшая страница истории беженцев из белорусских губерний – это обстоятельства их нахождения в десятках губерний России. Прибывавшие туда с 1915 г. по 1923 г. сотнями тысяч, беженцы–белорусы и представители других национальностей из уездов Гродненской, Виленской, Минской и др. губерний оказались в землях, населённых многочисленными народами империи. Их нахождение в беженстве было не только наполнено чередой тяжких испытаний, вызванных войной и последующими революционными событиями, но и открытием нового мира: людей других культур, иной природной среды. И сами беженцы из Беларуси, по-своему, своими привычками, языком, особенностями ведения сельского хозяйства, стали своеобразным открытием для местных людей. На эти аспекты

истории беженства Первой мировой войны обращали внимание такие исследователи, как А.М. Бабков, И.Б. Белова, М.С. Кищенко, В.Г. Корнелюк, В.С. Утгоф [2; 5; 9; 10; 26].

Уже в самые первые месяцы эвакуации жители белорусских губерний попадали за их пределы в различные регионы империи. Решение центральных властей о массовом перемещении беженцев во внутренние губернии России состоялось по инициативе Ставки Верховного главнокомандующего 4 августа 1915 г. Различные учреждения, предприятия, организации распределялись по определённым населённым пунктам и местностям. На карте уполномоченного по устройству беженцев Северо-Западного фронта С.И. Зубчанинова крайними станциями вывоза беженцев на октябрь 1915 г. были обозначены такие населённые пункты,

как Новгород, Бологое, Торжок, Москва, Тула и Елец [17, с. 5]. Это означало, что беженцы изначально направлялись в девять российских и украинских губерний: Новгородскую, Псковскую, Тверскую, Смоленскую, Калужскую, Московскую, Брянскую, Тульскую, Черниговскую. Часть из них там и осталась.

Анализ распределения почтовых и почтово-телеграфных отделений, сведения о местонахождении которых в эвакуации размещены в газете «Беженец», свидетельствует, что при планировании размещения эвакуированных учреждений населённые пункты выбирались из числа тех, где была железнодорожная станция. Из этих источников видно, что перевод указанных учреждений из одной определённой местности в другую хоть и осуществлялся между территориями разных губерний, но происходил в границах единого почтово-телеграфного округа. Например, учреждения одного уезда Гродненской губернии были разбросаны в пределах Екатеринославской, Московской, *Калужской*, Нижегородской, Самарской, Тульской, Владимирской, Тверской губерний [18, с. 11–13; 19, с. 13]. Составленная для вынужденных мигрантов система коммуникаций позволяла беженцам для получения невостробованной корреспонденции подать заявление с отметкой своих адресов на имя начальников почтовых или почтово-телеграфных контор [18, с. 13]. Почтовые отделения из 123 населённых пунктов Гродненской, части Виленской, Минской и части Сувалкской губерний были размещены в 80 населённых пунктах России. Таким образом, общее пространство территории размещения составляло 875 968 кв. км, что в 10,4 раза больше площади Гродненской, Виленской и Сувалкской губерний. Эти детали

расселения эвакуированных демонстрируют условия коммуникации между беженцами на примере только одной – в данном случае Гродненской – местности. Особенности расселения станут более ощутимыми во время реэвакуации и потребности в общественно-политической активности. На новых местах вынужденные мигранты, в состав которых входили служащие белорусских губерний, продолжали вести довольно активное делопроизводство – переписку с беженскими государственными и военными учреждениями в пределах всей области деятельности, в том числе по всем аспектам беженских проблем. В этой связи обратим внимание на географию распределения губернских учреждений в эвакуации и их отношения с беженцами. По 13 городам империи были распределены судьи уездных городов и Гродно [20, с. 13–14]. Более концентрированно были распределены уездные канцелярии определённых губерний [21, с. 13]. Всего с территории Гродненской, Виленской, частично Минской губерний в российских губерниях оказалось 899 (подсчёт мой – авт.) различных государственных и церковных учреждений, организаций и ответственных лиц (судебные следователи, члены уездных и губернских судов, писари, фабричные инспекторы, уездные начальники) [18, с. 10].

Среди многочисленных регионов Российской империи Калужская губерния занимает особое место в истории эвакуации и беженства населения Гродненщины в годы Первой мировой войны. Именно на её территорию были эвакуированы гродненские губернские и уездные учреждения. К примеру, ряд почтово-телеграфных учреждений Гродненской губернии нашёл пристанище в трёх уездных городах Калужской земли (см. табл. 1).

Таблица 1.

Распределение почтово-телеграфных учреждений Гродненской губернии в Калужской губернии [18–22]

Откуда эвакуированы	Куда эвакуированы
Антополь (Кобринский уезд)	Малоярославец
Волпа (Гродненский уезд)	Малоярославец
Городец (Кобринский уезд)	Малоярославец
Домачево (Брестский уезд)	Боровск
Дрогичин (Бельский уезд)	Мосальск

Кроме того, в числе десятков губерний Российской империи (наибольшая концентрация беженцев из Беларуси отмечалась в Тамбовской, Самарской, *Калужской*, Казанской,

Саратовской, Уфимской и Оренбургской губерниях), Калужская земля станет местом проживания беженского населения из белорусских губерний с 1915 по 1923 гг.

Подчеркнём, что беженцы из разных регионов Беларуси были разбросаны по разным уездам Калужской губернии. Так, например, согласно сводке только по Козельскому уезду Калужской губернии, из 2 574 беженцев, желающих вернуться на родину, из Гродненской губернии было: 647 из Кобринского уезда, 450 – из Пружанского, 285 – из Слонимского, 240 – из Волковысского, 330 – из Брестского, 10 – из Сокольского, 360 – из Бельского, 46 – из Гродненского, 110 – из Белостокского. Кроме того, 67 человек насчитывалось из Минской губернии (в т.ч.: 20 из Новогрудского уезда, 11 – из Минского, 4 – из Мозырьского, 18 – из Слуцкого, 14 – из Пинского. Из Виленского у. Виленской губернии – 12 человек. Всего из Козельского уезда на указанный момент из белорусских земель было 2 836 чел. [14, л. 4–5].

Важным аспектом истории беженства является период с 1917 года – период национальной и общественно-политической активности среди вынужденных мигрантов. Национальные организации, например, Беларуский национальный комисариат (Белнацком) предметно занимались беженцами-белорусами. Вёлся учёт таких беженцев, шла работа по благоустройству их на этапе реэвакуации, активно начавшейся с весны 1918 г. Говоря о беженцах, находившихся в 1917 г. в Калужской губернии, в мае 1918 г. Комиссару по делам беженцев Москвы и Московской губернии были собраны и предоставлены сведения за 1917 г. о беженцах-белоруссах в Московском регионе и ряде других губерний европейской части России. Для Калужской губернии эта цифра составила 39 696 человек [13, л. 32]. Одновременно с этим, согласно сведениям о деятельности эмиссара по делам беженцев Калужской губернии за период с 15 июня по 1 сентября 1918 г. «в Калуге имелась “Белорусская Громада” с отделениями в некоторых уездных городах. Громада безжизненна. От политических вопросов отстала. Влияние на массы не имеет. Есть кружки молодёжи, учащихся и рабочих, но за неимением средств бездействуют. Политически стоят на платформе советской власти. Развить деятельность за отъездом большинства на родину трудно» [11, л. 27 об].

Параллельно с усилиями Белнацкома внимание к организации беженцев-белорусов проявляли политики Белорусской Народной Республики (далее – БНР), объявленной 9 марта 1918 г. Отдел Белорусской Народной Громады (далее – БНГ) – общественно-

политической организации, действующей в разных регионах России в 1917–1918 гг. среди беженцев-белорусов, в Калуге был основан в мае 1917 г. Во главе его стоял М. Костюкевич. Однако, к сожалению, значительной помощи калужскому отделу БНГ, как равно и другим подобным структурам от БНР получать не приходилось: средств у непризнанного белорусского государственного образования было крайне мало. Вместо испрошенных у Народного Секретариата БНР в июле 1918 г. 3 000 руб. (для поддержания белорусской беженской организации в Калуге) Калужский отдел БНГ получил в три раза меньше [15, л. 158–159]. Хотя об активности белорусских беженцев в Калужском крае косвенно может свидетельствовать численность делегатов на Первом белорусском съезде беженцев в Москве 24–27 сентября 1917 г. Почти каждый десятый (всего 73 делегата) был из Калуги: И.М. Дрогайцев, С.М. Кисель, И.М. Пучек, И.И. Лоскевич, А.И. Ласевич, А.А. Ерошевич, Г.В. Носиков, П.Ф. Лесун [16, л. 25].

Несколько позже, но уже в совсем другое время, с 15 по 21 июля 1918 г. в Москве проходил Всероссийский съезд беженцев из Беларуси, организованный Белорусским национальным комитетом. И 227 делегатов съезда 19 было из Калужской губернии. Это Антон Фёдорович Роман, Евгений Иванович Адамович, Филипп Фёдорович Панасик, Иван Васильевич Алехник, Евтихий Ефремович Ёвчук, Михаил Семёнович Глебик, Александр Андреевич Ерошевич, Осип Матвеевич Кисель, Владимир Иванович Чунихин, Иван Авксентьевич Степанюк, Демьян Антонович Марчук, Павел Григорьевич Зарецкий, Стефан Наумович Борисюк, Павел Андреевич Линкевич, Константин Степанович Балюк, Александр Данилович Лешчук, Иван Петрович Василевич, Иван Александрович Корниевский, Пётр Павлович Герасимчук [15, л. 192–193].

По-своему показательны данные из газеты «Калужский курьер» (1915 г.), которые разделяют беженцев по национальному составу: 376 человек включало «56 великорусов, 90 малороссов, 161 белоруса, 301 поляка, 133 литовца, 21 латыша и 2 татар» [23]. Отметим, что количество белорусов нужно увеличить за счёт определённого числа указанных поляков: католическое вероисповедание традиционно превращало его носителя в поляка, хотя было немало католиков-белорусов.

Уникальный источник по истории беженства из белорусских и польских земель,

которым являются сборники воспоминаний беженцев сегодняшнего Подляшского воеводства Польши (в годы войны – уезды Гродненской губ.), позволяют аккумулировать впечатления бывших беженцев о Калужской земле [3; 4]. Из 167 воспоминаний – упоминаний Калуги и различных местностей Калужской губ., в целом, не много: беженское движение разбросало жителей одного уголка Гродненской губернии буквально по всей России [1]. Но характер упоминаний позволяет соотнести эти факты истории с множеством других примеров истории беженства и сделать выводы о характерных процессах и явлениях, которые отличают этот миграционный процесс.

Так, 38 % бывших беженцев из Гродненской губернии вспоминало про оказанную им местными людьми помощь в разных регионах России [8, с. 193]. Воспоминания о Калужском крае подтверждают такую народную память. «Поселили нас в Калуге, как рассказывала мама, жить там было нам неплохо», - читаем в воспоминаниях Ираиды Добаш, жительницы д. Рудуты [4, с. 126]. Беженцев «принимали как своих, поддерживали финансово, давали работу, большие дома. Одинаково относились и к не православным переселенцам. Жилось там, одним словом, неплохо. Детки беженцев сразу пошли в школу», – это оценочные суждения из воспоминаний беженца Симеона Калиша, жителя д. Санники, оказавшегося в одной из деревень Калужской губернии [19, с. 178]. Из воспоминаний Петра Киселя, жителя д. Чёрная Великая, мы узнаём, что он с родителями оказался за 30 вёрст от города в имении имени Мансурово графа графа Алексея (на самом деле Ильи – авт.) Львовича Толстого, сына известного писателя [19, с. 212]. Такие эпизоды жизни остались в памяти бывшего беженца: «Сначала беженцам жилось хорошо. Доставали мы по три рубля на душу в месяц помощи, а до того ещё дармовое бельё. Собственник имения находился тогда в Америке и всем приказывала его жена Софья Николаевна. Она также возглавляла губернскую благотворительную организацию по оказанию помощи беженцам, так что нам всего хватало. Взрослые ходили ещё работать в поместье. Отец наш был мастер на все руки и дополнительно зарабатывал, занимаясь то сапожным делом, то пошивом одежды, а иногда и каменщиком. Беженцы ходили в школу. Уже осенью 1915 г. мы с братом стали учиться в пятиклассном Земском начальном училище, которое находилось в 200 метрах от имения. Достали мы халявные учебники и тетради.

Конечно, поначалу в школе не обошлось без языкового недопонимания. Помню, что, когда изучали мы алфавит, учитель приказал “написать полторы строчки”, а я, не понимая этого слова, написал полторы страницы. Учился я хорошо и в 1920 г. успешно окончил училище... После революции 1917 года начались беспорядки, наступил голод. Большевики конфисковали имение... Имение стала администрировать Сызрано-Вяземская железная дорога, которая организовала в нём совхоз...» [19, с. 212]. Ян Леонович из Белостока вспоминал события Февральской революции 1917 г. в Калуге: «Участвовал я в уличных демонстрациях жителей города, и мне прицепили красную кокарду из полотна к пиджаку на грудь» [19, с. 242]. Про работу на хозяина в беженстве в Калуге вспоминает жительница д. Парцава Анна Половонюк, а про службу отца кузнецом в калужском монастыре – Ольга Садовская из с. Городники Павловской волости Бельского уезда [19, с. 297, 352]. Своя память про Калугу осталась и у жительницы д. Павлы Веры Яконюк. Со слов родителей, которые были в беженстве, В. Яконюк рассказывала, что семья её мамы по железной дороге оказалась в Калуге – «далекой и голодной. Остановились в доме бородатого деда, который целыми днями на печи сидел, а его жена сама сеяла, пахала, пряла, ткала. Долго они там не выдержали... отправились на Украину» [19, с. 473].

Подобные примеры из воспоминаний беженцев из Гродненской губернии приводит в своей книге Д. Феоник. «... Там в Калуге уже не хватало хлеба, на карточки хлеб был, – цитирует Д. Феоник воспоминания бывшего беженца Михала Шурбака из д. Гредели гмины Орля Бельского уезда [28, с. 69]. Заметим, что паёк, который получали беженцы, в течение своего пребывания неоднократно менялся. Сначала существовала норма, утверждённая 12 октября 1915 г., в размере 20 коп. в день, 6 руб. в месяц (для сравнения, в ноябре 1915 г. в Мосальском уезде Калужской губернии (куда были направлены учреждения из Гродненщины) самая низкая по губернии плата чернорабочему составляла 90 коп.) [24, с. 4]. Потом, с 22 февраля 1916 г., она составила 25 коп. в день, 7 руб. 50 коп. в месяц [12, л. 137 об]. Несмотря на относительную (в масштабах России) близость Калужской губернии к белорусским землям, нужда после Февраля 1917 г. толкала беженцев дальше на восток, за ещё большие сотни километров от их родины. В 1919 г. положение с продовольствием

достигло крайней точки. «Причина общего стремления на родину – абсолютный в губернии голод. Часты заявления и жалобы отдельных лиц так и групп населения о враждебном отношении местных граждан. Были случаи принудительного выселения беженцев из квартир под открытое небо», – читаем у калужского эmissара Василевича в 1919 г. [16, л. 28 об].

Как и из других регионов Российской империи, беженцы из белорусских земель, оказавшиеся в Калужской губернии, всё время стремились вернуться домой: «Поселили нас в Калуге и, как рассказывала мама, жизнь была там неплохая. Рассказывала, что самый старший брат был музыкантом и тем заработал на хлеб. Второй брат помогал на маслобойне (вёл лошадей) и приносил домой масло. Сестра служила у батюшки ...но мы приехали в Россию и сказали, что хотим вернуться...» [27, с. 158]. Аналогичных примеров может быть множество, так как, только по данным Татьянинского комитета, на 1917 г. в Калужской губернии насчитывалось 47 385 беженцев или 6,7% от общего числа учтённой этой благотворительной организацией категории вынужденных мигрантов [27, с. 103]. Но содержание приведённых фрагментов воспоминаний жителей Гродненщины показательны. Оно соответствует характерным качественным признакам, которые отличают беженское движение из белорусских земель в целом.

Отметим, что 47% беженцев с современной Белосточкины упомянуло возможность трудоустройства, хотя в основном не по специальности [8, с. 193]. И хотя среди беженцев преобладали настроения ожидания, «связанные с надеждой на возвращение домой и нежеланием интегрироваться в чужую, местную жизнь, уже в октябре 1916 г. на сельскохозяйственных работах по Калужской губернии, согласно Татьянинскому комитету, работало 10 000 (14% от всех беженцев), в Харьковской – до 18%. Зная по тем же источникам, что в Калужской губернии 87% беженцев составляли православные, а нетрудоспособные, составляли среди беженцев–белорусов до 68% от всего числа, можно видеть, что среди трудоспособных в сельском хозяйстве было задействовано только 50% [6, с. 246, 251, 252]. От голода и в поисках работы беженцы пытались спастись внутренними, в рамках их

беженского положения, переездами в более сытые районы Российской империи [25, л. 2].

Ещё одна сторона воспоминаний беженцев–белоруссов о Калужском крае связана с получением детьми разного возраста образования. Так, о получении образования в годы беженства упомянуло 34,8% от всего числа респондентов белостокских беженцев [8, с. 193]. «В 1915 г. выехали в Россию <...>. В 1916 г. мы поехали в г. Калугу. Там было Слонимское высшее начальное училище. Там я поступил во второй класс. До 1917 г. я учился там, а в сентябре 1917 г. мы поехали в Полтавскую губернию...», – читаем в воспоминаниях упомянутого выше Михаила Шурбака из д. Гредели [16, с. 69]. В качестве другой иллюстрации организации школьного послереволюционного образования можно привести пример практически расправы над учителем немецкого языка 2-й женской Калужской гимназии В.В. Левитской. Так, 9 мая 1918 г. со стороны школьного комитета, который имел отношение к Культурно-просветительской секции Калужского Губернского Совета беженцев по вопросу оплаты за беднейших учеников, была оглашена следующая резолюция школьного комитета, состоявшего из 12 учеников 6, 7 и 8 классов: «Ввиду того, что отношение к учащимся В.В. Левицкой как педагога и воспитательницы недопустимо, школьный комитет находит её дальнейшее присутствие в составе педагогического совета немислимым» [7, л. 30, 53, 54].

Точечное обращение к воспоминаниями бывших беженцев из одного региона – Гродненской губернии, объединённых общими условиями проживания, ценностными установками, ритмом жизни, природно-климатическими условиями, позволяет увидеть в даже небольшой выборке общие тенденции, которые подтверждаются примерами из других источников и позволяют говорить о тенденциях, характеризующих всё беженское движение. В частности, в целом позитивная память беженцев о населении Калужской губернии, свидетельствует о важной составляющей коммеморации белорусского населения, сохранившейся до нашего времени. И если рассматривать историю в качестве «ворот в будущее» (Я.Ю. Липский), то такая память становится значимой составляющей этой образной ментальной конструкции.

Список литературы:

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / уклад., прадм., камент. А. Бучы, А. Горнага. Мінск: Кнігазбор, 2021. –Т. 2. – Кн. 1. – 272 с.
2. Бабков, А.М. Беженцы в Беларуси в годы Первой мировой войны (1915–1917) / А.М. Бабков // Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь (новыя канцэпцыі і падыходы): зб. дакл. усебел. канф. гісторыкаў, Мінск, 3–5 лют. 1993 г.: в 2 ч. Минск, 1993. Ч. 1: Гісторыя Беларусі. С. 131–138; Бабков, А.М. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь–август 1921 г.) / А.М. Бабков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия: Гуманитарные науки. 2011. – № 5 (68). – С. 9–16; Бабков, А.М. Резэвакуация Витебским губэваком беженцев Первой мировой войны во второй половине 1921 г. / А.М. Бабков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Сер. Гуманитарные науки. 2017. – № 4 (103). – С. 5–10; Бабков, А.М. Деятельность Главэвакзапа в Беларуси по выполнению Рижского договора о резэвакуации беженцев (конец 1921–1922 гг.) / А.М. Бабков // Рижский договор: взгляд через столетие: сб. науч. ст. / Гомель. гос. ун-т им. Ф. Скорины; редкол.: Н.Н. Мезга (гл. ред.) [и др.]. Гомель, 2021. – С. 74–79.
3. Бежанства 1915 года (Беженство 1915 года) / Рэд. Віталь Луба. – Беласток (Белосток): Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2000. – 416 с.
4. Бежанства 1915 года (Беженство 1915 года) / Рэд. Віталь Луба. Изд. 2-е. – Беласток (Белосток): Праграмная рада тыднёвіка «Ніва», 2015. – 576 с.
5. Белова, И.Б. Резэвакуация беженцев Первой мировой войны из Советской России в 1922–1923 гг.: заключительный этап / И.Б. Белова // Вестник архивиста. – 2012. – № 3. – С. 167–176; Белова, И.Б. Судьба беженцев Первой мировой войны из Западных губерний Европейской России и Польши в Советской России. 1920 г. / И.Б. Белова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 6. – С. 110–117; Белова, И.Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной историографии / И.Б. Белова // Вопросы истории. – 2017. – № 11. – С. 156–164; Белова, И.Б. «Возвращались с грустью в сердце». Воспоминания беженца Первой мировой войны 1914–1918 гг. / И.Б. Белова // Вестник архивиста. – 2023. – № 4. – С. 1150–1160.
6. Букалова, С.В. Политика привлечения беженцев к сельхозработам в годы Первой мировой войны / С.В. Букалова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2014. – № 1. – С. 246–252.
7. Дело о предоставлении льгот для беженцев, о приёме учениц и преподавателей в гимназию и др. 1917 г. // ГА РФ. Ф. 1769. Оп. 1. Д. 62.
8. Карнялюк, В. Успаміны былых бежанцаў (1915–1923 гг.) Беласточчыны як крыніца па гісторыі Беларусі п.п. XX ст. (па матэрыялах зборніка “Бежанства 1915 года”) / В. Карнялюк // Ві-а-а-l-о-g-u-s-i-e Zeszyty Historyczny. – Białystok. – 2002. – № 18. – С. 185–193.
9. Карнялюк, В.Р. Міграцыя беларускага насельніцтва, выкліканая Першай сусветнай вайной: манагр. / В.Р. Карнялюк / Гродна: ГрДУ, 2019. – 329 с.
10. Кищенко, М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии / М.С. Кищенко // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 2. – С. 61–65.
11. Отчёты о деятельности Комиссариата, отчёты его эмиссаров, резолюции съездов малороссов и белорусов 21 июня – 3 декабря 1918 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее НА РБ). Ф. 4. Оп. 1. Д. 67.
12. Переписка по оказанию помощи беженцам. 19 дек. 1915 г. – 16 нояб. 1916 г. // Государственный архив Саратовской области. Ф. 615. Оп. 1. Д. 14.
13. Переписка с беженским отделом НКВД РСФСР уездным правлением Всероссийского союза беженцев и др. учреждениями и организациями по вопросам учёта и эвакуации беженцев белорусов. 22 февраля – 6 сентября 1918 г. // НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54.
14. Переписка с Губплёнбежами об улучшении помещения беженцев на местах с 11 смарта по 31 июня 1919 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-3333. Оп. 7. Д. 7.
15. Пратаколы пасяджэнняў Першага беларускага з’езду ў Маскве, яго выканаўчай камісіі, прадстаўнікоў беларускіх грамадзянскіх арганізацый у Мінску, рэзалюцыі Другога сялянскага з’езду беларусаў Заходняга, Паўднёва-Заходняга і Паўночнага франтоў, праект палажэння аб Часовым беларускім народным Савеце ў Маскве. 25.03–23.12.1917 г. // НА РБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 2.

16. Протоколы Белнацкома. Общее заседание конференции беженского отдела и отчёты о движении беженцев–белорусов через Оршу. 23 янв 1919–6 марта 1919 г.// НА РБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 54.
17. Рапорт Главноуполномоченного по устройству беженцев Северного и Западного фронтов С. Зубчанинова императору Николаю II о подготовке учреждений для беженцев и карта с указанием расположения этих учреждений // ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2444.
18. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 1. – 4 окт. – С. 11–13;
19. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 3. – 25 окт. – С. 13–15.
20. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 5. – 8 нояб. – С. 13–15.
21. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 6. 22 нояб. – С. 13–15;
22. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 2. – 18 окт. – С. 13–15; Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 7–8. – 6 дек. – С. 16–19;
23. Сведения об эвакуированных правительственных и общественных учреждениях // Беженец. – 1915. – № 9–10. – 23 дек. – С. 16–18.
24. Свободные от работы беженцы // Калужский курьер. – 1915. – № 123. – 3 нояб. – С. 3.
25. Сравнительные цены // Калужский курьер. – 1915. – № 123. – 3 нояб. – С. 4.
26. Телеграммы о положении беженцев об отправке их на родину и снабжении продовольствием в пути // ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 651.
27. Утгоф, В.С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914–1922 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.С. Утгоф; Санкт-Петерб. ин-т истории. – СПб., 2003. – 23 с.
28. Фіонік, Д. Беженство. Дорога і повороти 1915–1922 / Д. Фіонік. – Bielsk Podlaski: Muzeum Małej Ojczyzny w Studziwodach, 2015. – 224 с.

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

УДК 94/47

*Н.А. Кочаловская**научный руководитель – доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории И.Б. Белова***ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАЛУЖСКОГО КРАЯ
(НА ПРИМЕРЕ ДОМА С.Т. РИХТЕРА В ТАРУСЕ): ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ
И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Статья посвящена проблеме сохранения исторической памяти Калужского края на примере дома С.Т. Рихтера в Тарусе. В работе анализируются духовно-нравственные аспекты, связанные с сохранением культурного наследия, а также учебно-методические подходы, способствующие формированию исторической памяти у молодёжи. Рассматриваются методы и формы работы с учащимися, направленные на изучение и популяризацию истории региона через призму жизни и деятельности выдающегося деятеля. Особое внимание уделяется роли музеев и образовательных учреждений в процессе сохранения исторической памяти и воспитания патриотизма.

Ключевые слова: историческая память; Калужский край; дом С.Т. Рихтера; духовно-нравственные аспекты; культурное наследие; молодёжь; патриотизм.

*N.A. Kochalovskaya**Scientific supervisor – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of History I. B. Belova***THE PROBLEM OF PRESERVING THE HISTORICAL MEMORY OF THE KALUGA
REGION (ON THE EXAMPLE OF S.T. RICHTER'S HOUSE IN TARUSA): SPIRITUAL,
MORAL, EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS**

The article is devoted to the problem of preserving the historical memory of the Kaluga Region on the example of S.T. Richter's house in Tarusa. The paper analyzes the spiritual and moral aspects related to the preservation of cultural heritage, as well as educational and methodological approaches that contribute to the formation of historical memory among young people. The methods and forms of work with students aimed at studying and popularizing the history of the region through the prism of the life and work of an outstanding figure are considered. Special attention is paid to the role of museums and educational institutions in the process of preserving historical memory and fostering patriotism.

Keywords: historical memory; Kaluga Region; S.T. Richter house; spiritual and moral aspects; cultural heritage; youth; patriotism.

Историческая память, в том числе история своего родного региона, края – это крайне важный аспект духовно-нравственного и общего развития человека. Особенно этот аспект значим для подрастающего поколения: детей, подростков и молодёжи. Чем дальше от истории, тем сложнее сохранять связь, помнить о событиях прошлого. А при этом именно события прошлого, архитектурные памятники, великие личности и их деяния определяют современную жизнь россиян.

Сегодня многие исследователи отмечают потерю интереса к изучению истории о своём родном крае. Подобная ситуация, увы, наблюдается автором и в Калужском регионе. А между тем наш край славится своим

историческим наследием, известным на всю Россию и за её пределами. Одним из таких известных и памятных мест является дача великого музыканта Святослава Теофиловича Рихтера (20.03.1915–01.08.1997), родившегося и всю жизнь работавшего в СССР, а затем в России [3].

История дачи Святослава Рихтера началась в 1950 г., когда на высоком берегу Оки, на каменном основании возвели деревянное строение, которое напоминало скорее старинную дозорную башню, чем обычный дачный домик. Это архитектурное решение было обусловлено небольшой площадью для строительства. Дача появилась благодаря мечтам Рихтера об уединённой жизни в живописном

месте, где он мог бы наслаждаться тишиной и природой. Пианисту понравился пустующий домик в окрестностях Тарусы, куда он перевёз свой небольшой кабинетный рояль и построил рядом ещё один дом, необычный и в то же время простой. Этот дом стал известен как тарусская дача Рихтера или «Дом на Оке» [6].

Днём пианист часто гулял по окрестностям Тарусы, наслаждаясь звуками природы и лесными ароматами. Именно в своём любимом «Доме на Оке» Рихтер за одно лето подготовил более 10 программ для зарубежных гастролей. «Сколько мне ни приходилось ездить по разным странам и нашей стране, такого чудесного, милого мне места, как приокские дали, я никогда не видел», – так сказал Святослав Рихтер об Оке и тарусских окрестностях [5].

В настоящее время дача Рихтера передана в созданный им Тарусский фонд. Ежегодно в Тарусе проводится Музыкальный фестиваль фонда Святослава Рихтера, и раньше концерты проходили возле «Дома на Оке». Но в последнее время, дача пустует и ветшает, всё же продолжая привлекать туристов своей уникальной архитектурой и связью с великим музыкантом, оставаясь важным культурным и историческим объектом в Тарусском районе.

Причин и проблем потери исторической памяти о малой Родине достаточно много. Исследователи предлагают разные обоснования, факторы возникновения «пропасти» между молодым поколением и истории родного края. К основным можно отнести следующие:

– сокращение исторического наследия. К сожалению, исследования показывают, что в средствах массовой информации, сведений о реальных объектах (достопримечательностях, музеях, выставках) становится всё меньше. Кроме того, истончение исторической памяти связано с естественным старением и умиранием населения, которое ещё имело достаточно знаний и информации о прошлом Калужского края. Исходя из всего этого в информационном пространстве современных подростков и детей действительно становится меньше источников исторической памяти;

– искажение истории. С течением времени проверять достоверность той или иной информации становится крайне сложно. Сегодня ситуация осложняется и тем огромным пластом данных по любому историческому событию, который можно найти в сети Интернет. При этом его правдивость и соответствие правде редко кто проверяет;

– отсутствие интереса у молодого поколения к истории своей малой родины. У этого фактора выделяют свои причины, например, влияние средств массовой информации, развитие преимущественно материальных ценностей и прочее. Сегодня СМИ взяли на себя значительную часть функций по формированию сознания подростков, воспитанию их взглядов, вкусов, предпочтений [4, с. 2].

В рамках темы данной статьи был проведён социальный опрос современных школьников от 14 до 18 лет в Калужской области. Задавались вопросы относительно исторической памяти, важных событий, связанных с родным краем, исторических личностей и общего отношения к малой Родине. Всего в исследовании участвовали 210 чел., формат проведения – онлайн-анкетирование. В качестве основы проведения анкетирования были взяты методики, представленные в сборнике «Детские инициативы – путь в будущее» [1]. Результаты анкетирования с процентным соотношением тех или иных ответов школьников выглядят следующим образом.

Во-первых, одним из главных общих вопросов звучал так: «Интересна ли вам история России?» Результаты ответов можно считать положительными. Так, около 25% школьников указали, что очень интересуются прошлым страны. Ещё 55% интересны некоторые отдельные темы или периоды истории. Около 18% респондентов дали средний ответ «скорее интересно, чем нет». И только остальные 2% участников опроса указали, что им не интересно историческое наследие России. Исходя из этого, видно, что опрошенные школьники на самом деле хотели бы узнавать больше об истории страны, но им нужно преподносить информацию интересно, познавательно.

Во-вторых, задавался аналогичный опрос относительно исторической памяти Калужского края. Ответы были несколько иными. Так, всего 10% школьников ответили, что очень интересуются местной историей. Ещё 30% учеников «интересны некоторые моменты». Около 25% респондентов признались, что «скорее интересно, чем нет». И остальные 35% указали на отсутствие особого интереса к калужской истории. Данные ответы показывают, что школьников действительно мало волнует прошлое их малой Родины. Вероятно, они считают его менее захватывающим и важным, чем российская история в целом. Можно предположить, что такая разница между интересом к российской и калужской истории

заключается в неосведомленности школьников о реальном вкладе края в общую историю России.

В-третьих, был задан вопрос о том, какие памятные исторические события, происходившие в Калужском крае, вы помните. В ответе школьники должны были самостоятельно указать что-либо из исторического наследия. Около 25% указали события, связанные с Великой Отечественной войной, например, Курская или Московская битва. Даты не назвал практически никто. Ещё около 20% участников опроса указали Великое стояние на Угре. Многие школьники в принципе оставили этот вопрос без ответа.

В-четвертых, был задан вопрос относительно того, откуда школьники обычно черпают информацию об истории как России, так и Калужской области, в частности. Можно было указать сразу несколько вариантов. Из кинофильмов информацию получают более 70% школьников. На уроках – 65%. От взрослого поколения – около 40%. Видеороликов, телепередач – около 50%. Из специальной литературы (кроме учебников) – 5%. Таким образом, видно, что главные источники исторической информации – это художественные фильмы, уроки и передачи. Их достоверность, как уже говорилось, ранее, сегодня стоит под вопросом.

Таким образом, исследование показало, что у современной молодёжи интерес к историческим фактам и событиям прошлого невысок.

В исторически неграмотном обществе манипулирование сознанием не представляет собой труда и как следствие вырастает поколение молодых людей неспособных адекватно оценивать историческую действительность и извлекать из прошлого опыт. Такое поколение не способно быть патриотами и в будущем защищать интересы отечества. Каждый индивид, а, следовательно, и нация в целом, будет способна определять нужное направление деятельности в развитии общества, только имея истинные знания об историческом прошлом своей Родины. Потому, как только такие знания о прошлых событиях помогут видеть главное и отсеивать второстепенное в истории своей страны, чувствовать исторические корни в происходящих процессах, знать историю не как миф, а открыто смотреть в глаза историческим фактам, учитывать ошибки, испытывать гордость за свершения предков. Несомненно, прошлое страны не изменить, но

можно избежать ошибок, допущенных нацией в прошлом.

Это позволит быть не просто наблюдателем, а осознавать свою сопричастность к событиям, формирующим современность. Опираясь на вышеизложенное, можно с уверенностью утверждать, что особую роль в формировании национальной исторической памяти следует отвести урокам истории в школах, учреждениях среднего профессионального образования, ВУЗах.

История не только урок или предмет, подлежащий изучению в датах, событиях и личностях. История в общем смысле, прежде всего, процесс и изучать этот процесс можно только через осознание и понимание причин и последствий событий прошлого. На уроках истории должны учить не только любить Родину, но и понимать её, гордиться ею, ценить опыт прошлого своей страны. На уроках истории школьники получают не только базовые знания об исторических событиях, но и углубляются в материал с помощью педагога, просматривая документальные фильмы, разговаривая с приглашенными бойцами и ветеранами [2, с. 17].

Для решения отмеченной проблемы предлагаем предпринимать следующие шаги с учётом темы статьи (дома/дачи и исторического наследия великого русского пианиста С.Т. Рихтера в Калужской области):

1. Проводить просветительскую работу. Например, чаще упоминать дом/дачу С.Т. Рихтера, его деятельность и значимость для истории Калужского края в средствах массовой информации. Важно распространять данные не только на взрослую аудиторию, но и на подрастающее поколение. Для этого стоит использовать более современные средства связи. К примеру, социальные сети, снимать познавательные и одновременно с тем не перегруженные историческими фактами видеоролики с последующей трансляцией на местных телеканалах, радиоэфирах.

2. Разрабатывать удобные, интересные, логически выстроенные маршруты к исторически значимым местам, например, к дому Рихтера. На данный момент с этим в Калужской области проблемы. Например, на это указывают отзывы посетителей, которые всё же своим ходом добираются до культурно-исторического объекта. Многих очень разочаровывает дорога и её неудобство.

3. Необходимо вовлекать в работу некоммерческие, государственные, муниципальные организации. Особенно органы местного

самоуправления. Например, они могут брать на себя обязанности, касающиеся финансирования культурных туристических троп.

Таким образом, в статье была рассмотрена актуальная проблема, связанная с отсутствием у детей, подростков и молодёжи интереса к исторической памяти малой Родины, в частности, Калужского края. На примере нынешнего состояния дачи известного пианиста С.Т. Рихтера в Тарусе показано, что проблема отсутствия исторической памяти касается и представителей местных властей. Соответственно, со стороны властных структур необходимо организовать целенаправленную

эффективную систему работы по сохранению исторической памяти, а именно: сохранение старых и выявление новых памятников архитектуры, создание условий для развития действующих рекреационных ресурсов и туристического посещения памятников исторического наследия. Именно такой подход позволит сохранить и развить историческую память в регионе. Автором статьи предложены меры, которые при условии их реализации на практике, должны способствовать росту интереса калужан, в том числе юных, к местной культуре и истории.

Список литературы:

1. Детские инициативы – путь в будущее. – М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2019. – М.: Издательство «Перо», 2019. – 86 с.
2. Ершов, Н.Р. Развитие интереса к истории своей страны через изучение истории малой родины / Н.Р. Ершов // *Universum: психология и образование: электрон. научн. журн.* – 2024. – № 6 (120). – С. 14–18.
3. Официальный сайт Святослава Рихтера. URL: <http://www.sviatoslavrichter.ru/articles.php> (Дата обращения: 04.12.2024).
4. Привалов, А.А., Чмир, Р.А., Артемова, В.В. Влияние средств массовой информации на формирование духовных и нравственных ценностей молодежи / А.А. Привалов, Р.А. Чмир, В.В. Артемова // *Наука и образование. Научный рецензируемый электронный журнал.* – 2022. – Том 5. – № 3. – С. 1–10.
5. Таруса музыкальная: сайт. URL: <http://www.sch1262.ru/tarusa/ist-music.html> (Дата обращения: 04.10.2024).
6. Фонд Святослава Рихтера: сайт. URL: http://www.richterfoundation.ru/about_house.htm (Дата обращения: 04.10.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 37.091.3

*В.И. Лисакова**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент И.В. Кометчиков***ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРЕПОДАВАНИЮ ТЕМЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ С УЧЁТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В статье рассмотрены теоретические и методические подходы, которые могут быть применены для преподавания в школе истории Великой Отечественной войны на территории Калужского края. На примере учебного пособия «История Калужского края» проанализированы предусмотренные учебной программой темы, раскрывающие вопросы истории Великой Отечественной войны. Представлены методические рекомендации по организации занятий по данной теме в школе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; методика преподавания истории в школе; Калужский край; региональный контекст; оккупация; партизанское движение.

*V.I. Lysakova***THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO TEACHING
THE TOPIC OF THE GREAT PATRIOTIC WAR, TAKING INTO ACCOUNT
REGIONAL ASPECTS (ON THE EXAMPLE OF THE KALUGA REGION)***Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor I.V. Kometchikov*

The article considers theoretical and methodological approaches that can be applied by teachers to better reflect the role and importance of the Kaluga region in the Great Patriotic War. Using the example of the textbook "History of the Kaluga Region", the topics provided for in the curriculum that reveal the issues of the Great Patriotic War are analyzed. Methodological recommendations on the organization of classes at school, considering the regional contribution to the victory over fascism, are presented.

Keywords: The Great Patriotic War; methods of teaching history at school; Kaluga region; regional context; occupation; partisan movement.

Великая Отечественная война – событие, которое оставило неизгладимый след в истории каждого региона бывшего Советского Союза. Несмотря на присутствие этой темы в школьных учебных планах по истории, её преподавание невозможно без учёта региональных особенностей. Это необходимо для того, чтобы качественно организовать процесс обучения школьников, включая в него и образовательные и воспитательные аспекты, формируя их гражданско-патриотическое сознание. Но при составлении рабочих программ и тематических планов возникает вопрос о том, как вместить четыре года войны в то количество часов, которое предусмотрено программой?

Для учеников одним из важных аспектов должна стать не просто хронология событий, а их смысловое наполнение и значимость. Важно, чтобы ученики не только знали ключевые события войны, но и гордились своим регионом, который внёс весомый вклад в общую победу. Решить эту задачу помогут

теоретические и методические подходы с акцентом на региональных исторических аспектах [7].

Калужская область расположена в сердце Центральной России, сыграла важную роль в судьбоносные годы Великой Отечественной войны. Вклад нашего региона в общий исход боевых действий трудно переоценить, поскольку Калуга и Калужский край стали важным стратегическим узлом как для обороны, так и для последующего наступления советских войск.

В октябре 1941 г. Калуга была оккупирована, но это не стало концом сопротивления. Некоторые аспекты деятельности антифашистского подполья в г. Калуге в октябре – декабре 1941 г. рассмотрены в статье В.М. Кукушкина и А.В. Штепы [6].

Население районов, входящих в настоящее в Калужскую область, активно участвовало в партизанском движении, организуя диверсии в тылу врага. Партизанские отряды, поддерживаемые местными жителями,

совершали налёты на немецкие гарнизоны, подрывали железнодорожные пути и мосты, вынуждая фашистов тратить значительные ресурсы на охрану тыла.

30 декабря 1941 г. Калуга была освобождена. «Сегодня ночью красные войска заняли Калугу. Радостно это освобождение от немцев!» – пишет в своих дневниковых записях М.В. Устрялов [5, с. 45]. Этот успех имел не только стратегическое, но и моральное значение: он стал символом грядущей победы, свидетельством выносливости и стойкости советского народа. После освобождения Калуги началось активное восстановление разрушенного города и его инфраструктуры, а местные предприятия переходили на выпуск продукции, необходимой для фронта.

Значимость вклада Калужского края в годы Великой Отечественной войны остаются важной частью исторической памяти региона. Каждый год в Калужской области проводятся мероприятия, посвящённые памяти героев войны, сохраняются памятники и мемориалы, напоминая новым поколениям о мужестве и стойкости их предков.

Именно поэтому региональные аспекты являются важным элементом в изучении истории Великой Отечественной войны, так как позволяют придать изучаемому материалу особую индивидуальность и эмоциональную наполненность. Каждому региону свойственны свои черты, связанные с отражением войны, будь то участие в партизанском движении, производственная и техническая поддержка фронта или гражданская оборона. Разумеется, учителя пока ещё могут приглашать ветеранов, число которых, к сожалению, с каждым годом уменьшается, очевидцев тех событий, что придаст изучению этого периода истории более личный и значимый характер. Но именно изучение вклада собственного региона и истории своего края поможет педагогу получить особо значимые результаты от занятий по истории в школе.

Первым значительным аргументом в пользу регионального подхода является возможность учащихся ощутить близость исторических событий. Когда речь идёт о событиях, произошедших на территории Калужского края, ученики смогут воспринимать историю не как нечто далекое и абстрактное, а как часть культурного наследия своей семьи и своей земли. Например, изучение деятельности партизанского отряда «Людиновские орлята», знакомящее учащихся с историей 15–17-летних ребят, проявивших мужество и

отвагу в годы Великой Отечественной войны, поможет продемонстрировать учащимся вклад жителей региона в победу над фашизмом. Изучая вклад Калужского края в победу, учащиеся могут соприкоснуться с конкретными примерами героизма и мужества местных жителей, солдат и партизан. Личные истории имеют свойство вызывать эмпатию и укреплять эмоциональную связь с изучаемым материалом. Узнавая о подвигах, совершенных земляками, дети смогут глубже осознать значение самопожертвования в контексте событий «большой истории». При изучении таких страниц истории у школьников легче пробудить интерес и гордость за свою малую Родину.

Дополнительным преимуществом изучения региональной истории является возможность проведения экскурсий и полевых исследований. Калужская область богата мемориальными комплексами, обелисками и музеями, которые посвящены событиям войны. Поездки на такие объекты могут стать важной частью учебной программы, позволяя учащимся не только ознакомиться с историческими фактами, но и глубже прочувствовать атмосферу того времени. Так с учащимися можно не только поговорить о трагедии на «Зайцевой горе», но и посетить данный музей, чтобы проникнуться историей родного края, ведь Зайцева гора по праву является не только рубежом боевой доблести на территории нашего края, но и одним из мест памяти на карте событий Великой Отечественной.

Кроме того, работа над конкретными задачами и проектами, касающимися региональной военной истории, может развивать у учеников аналитическое мышление и исследовательские навыки. Учитель может предложить ученикам подготовить проекты на тему роли региона в войне, опираясь на архивные материалы, документы и свидетельства очевидцев. Такой подход способствует развитию критического мышления и умению работать с разнообразными источниками информации.

Изучение регионального аспекта стало возможным благодаря внедрению учебного курса «История Калужского края» в школы региона. В 2022 году была разработана программа, рассматривающая региональные особенности, вклад Калужского края в победу над фашизмом.

Учебный курс по историческому краеведению с использованием учебного пособия «История Калужского края» [4] рассчитан на три года. В его рамках рассматриваются

следующие темы изучения Великой Отечественной войны: Начало войны. Стационарные и эвакуационные госпитали. Эвакуация предприятий на восток. Военные действия оборонительного этапа битвы за Москву. Подвиги отряда капитана И.Г. Старчака и подольских курсантов. Калужская наступательная операция и освобождение Калуги. Бои вдоль Варшавского шоссе и на Зайцевой Горе. Командный пункт командующего Западным фронтом на «Морозовской даче». Французская эскадрилья «Нормандия – Неман». Полное освобождение территории области. Оккупационный режим. «Новый порядок». Жертвы среди мирного населения. Еврейское гетто в Калуге. Коллаборационизм. Подвиги партизан и подпольщиков Калужской земли. Подпольные госпитали. Помощь местного населения партизанам. Комсомольцы и пионеры – героини подполья и боевых сражений. Полководцы Великой Отечественной войны: Г.К. Жуков, М.Г. Ефремов, Н.П. Пухов, В.В. Глаголев, Г.В. Зимин. Калужане – Герои Советского Союза и полные кавалеры ордена Славы. Памятники героям. Книга памяти. Вахта памяти.

Данный курс позволяет обеспечить углубленное изучение темы Великой Отечественной войны на примере нашего региона, имеет ряд преимуществ по сравнению с изучением темы в общем курсе истории России в школе. Он делает историю более доступной и личной для учащихся, стимулирует интерес и ответственность за сохранение памяти о прошлом, развивает важные исследовательские навыки и укрепляет патриотические чувства. Данный курс может существенно повысить уровень исторической грамотности и эмоциональной сопричастности молодого поколения к трагедиям и великим победам предков.

Успешное преподавание темы Великой Отечественной войны в школьном курсе по истории требует соблюдения ряда теоретических и методических подходов.

Теоретические подходы предполагают систематизацию и выбор наиболее значимых аспектов Великой Отечественной войны. Одним из ключевых теоретических принципов является принцип историзма. Его соблюдение позволяет учащимся понимать не только последовательность событий, но и условия, которые формировали политическую и социально-экономическую обстановку того времени. Важным моментом является анализ накопленного опыта и героического подвига народа, что способствует более глубокому

восприятию событий и их последствий [1, с. 157].

Методические подходы, в свою очередь, включают разнообразные формы и методы преподавания, которые позволяют сделать процесс освоения материала более эффективным. Интеграция мультимедийных ресурсов, использование исторических реконструкций и документальных фильмов позволяют погрузить учеников в атмосферу того времени. Практическое применение знаний может реализовываться через проектную и исследовательскую деятельность, где школьники исследуют документы, письма, фотографии с учётом регионального контекста.

Современные школьные программы по истории проходят через процессы модернизации. Основной акцент делается на достижении баланса между точной передачей фактического материала и развитием аналитических навыков. Тем не менее, существует проблема перенасыщенности программ фактическим материалом, что может привести к невозможности осмысления более сложных исторических процессов у школьников. Важным аспектом является формирование и поддержание интереса к изучаемой дисциплине: педагогические приёмы должны строиться на принципах деятельностного подхода, который позволяет ученикам участвовать в ролевых играх, реконструкциях и дискуссиях, тем самым оживляя страницы учебников.

Можно сформулировать следующие методические рекомендации, которые позволят организовать эффективную учебную деятельность:

1. Начать необходимо с общего понимания событий Великой Отечественной войны. Учитель может использовать интерактивные карты, документальные фильмы и хроники, чтобы учащиеся смогли полностью погрузиться в события того времени. Это формирует общее понимание масштаба и значимости войны.

2. Каждый учащийся или группа учеников может выбрать для более глубокого изучения конкретный район Калужской области. Важно предоставить материалы о героях, памятниках, трудовом и военном вкладе местных жителей в победу. Например, школы могут сотрудничать с местными музеями, архивами и историками для сбора таких сведений.

3. На основе собранных материалов ученикам можно предложить создать презентации, доклады или мультимедийные проекты. Такие задания помогут развить навыки

анализа, работы с источниками и критического мышления. Учащиеся могут представить свои проекты на школьных конференциях или конкурсах.

4. Экскурсии к местам боевой славы или мемориалам района улучшат личное восприятие истории. Такие выезды обусловят эмоциональное соприкосновение с прошлым и укрепят чувство патриотизма, сопричастность истории родного края. Посещение музеев, встреча с ветеранами или участниками событий могут быть сильными стимулом к изучению темы.

5. Учителя истории могут сотрудничать с преподавателями литературы, искусства и других предметов для создания комплексных проектов. Например, на уроках литературы можно анализировать произведения,

посвящённые войне в регионе, или же созданные нашими земляками, а на занятиях по искусству – создание тематических произведений, вдохновленных региональными событиями.

Введение регионального аспекта в школьные программы по изучению Великой Отечественной войны не только делает процесс обучения более увлекательным и осмысленным, но и способствует укреплению патриотического воспитания. Методические рекомендации, предложенные в статье, помогут учителям в разработке оригинальных уроков, которые будут сохранять и передавать память о героических страницах нашей истории будущим поколениям.

Список литературы:

1. Вяземский Е.Е., Стрелова О.Ю. Теория и методика преподавания истории: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Е.Е. Вяземский, О.Ю. Стрелова. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 384 с.

2. Добряков, Р.Е. Развитие коммуникативной компетенции обучающихся на уроках истории / Р.Е. Добряков // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2011. – № 15. – С. 115 – 119.

3. Иванова, С.Ю. Проблемы становления и развития современного российского патриотизма / С.Ю. Иванова // Общественные науки. – 2003. – № 4. – С. 3–8.

4. История Калужского края: 9–11 классы: учебное пособие: в 2 частях / А.С. Аникеев, И.Б. Белова, И.Н. Берговская (и др.). Часть 2. – М.: Просвещение, 2023. – 239 с.

5. Калуга в период немецкой оккупации: дневник врача Михаила Устрялова. Публикация В.Я. Филимонова и Д.Э. Миронова // Российская история. – 2011. – № 3. – С. 32–47.

6. Кукушкин В.М., Штепа А.В. Немецкий оккупационный режим и деятельность антифашистского подполья на территории Запада РСФСР на примере г. Калуги (октябрь – декабрь 1941 г.) / В.М. Кукушкин, А.В. Штепа // Вестник Калужского университета. Серия 3. История. Политика. Право. – 2024. – № 1. – С. 27–33.

7. Трудные вопросы о Великой отечественной войне. Как о них говорить в современной школе?: Круглый стол в редакции «Педагогического журнала Башкортостана» / В.Л. Бенин, Р.З. Алмаев, Ю.О. Куренкова, С.А. Севастьянов, Р.Н. Рахимов, В.А. Иванов, С.В. Любичанковский, А.И. КОРТУНОВ, А.Р. Салимгареева // Педагогический журнал Башкортостана. – 2020. – № 2. – С. 10–37.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 37.013

*М.А. Полякова***РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ЗАКОНЕ КАЗАТИ**

В статье проведен обзор содержания закона об образовании, составленный министром образования Сардинского королевства Габрио Франческо Казати. В документе представлены все уровни образования: от высшего до начального. Особое внимание автор уделяет анализу высшего образования в указанном законе, полагая, что в целом заложенные в Законе принципы организации управления им на государственном уровне, актуальны до сих пор и вся система высшего образования (в Европе и в России) не претерпела существенных изменений

Ключевые слова: Сардинское королевство; Камилло Кавур; Габрио Казати; народное образование; университет.

*М.А. Polyakova***REGULATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CAZATI LAW**

The article provides an overview of the content of the Education Law drafted by Gabrio Francesco Casati, Minister of Education of the Kingdom of Sardinia. All levels of education are represented in the document: from higher to primary education. The author pays special attention to the analysis of higher education in this law, believing that, in general, the principles of organization of its management at the state level, laid down in the Law, are still relevant and the whole system of higher education (in Europe and in Russia) has not undergone significant changes.

Keywords: Kingdom of Sardinia; Camillo Cavour; Gabrio Casati; public education; university.

Нормативное оформление образовательных институций [2; 3] и сложившихся педагогических феноменов в истории человечества не происходит просто так, но всегда связано с серьезными событиями и потрясениями в той или иной точке мира, а также с политическими веяниями, присущими на тот момент властным структурам государства, принимающего нормативные акты. Так произошло, в частности, с появившимся в 1859 г. в Сардинском королевстве законом об образовании (вошедшем в историю педагогической науки как «Закон Казати»), действующим до реформы Джентиле 1923 года.

Закон Казати (Legge di Casati) является предметом исследования таких итальянских авторов, как Л. Амброзоли [4], Ф. Боярди [6], Д. Бертони Жовине [5], Ф. Камби [7], Дж. Коминелли [8], Ф. даль Пассо и А. Лауренти и др. [1], однако в основном он упоминается в работах общего характера, посвященных истории школьной системы Италии. Из работ отечественных специалистов следует упомянуть статью Е.Я. Ореховой, посвященную развитию итальянского образования периода 1861–1923 годов [1]. На данный момент краткий анализ закона Казати в историко-педагогическом аспекте произведен только автором настоящей статьи (материал на стадии

публикации), данное исследование направлено на более детальную разработку вопросов, связанных с регулированием в законе вопросов высшего образования.

История принятия закона, его содержание и характерные черты отражают то сложное положение, в котором находилось Сардинское (а после молодое Итальянское) королевство в эпоху глобальных изменений в Западной Европе (объединение Германии, ослабление Австрийской империи, «колониальные» проблемы Великобритании, Гражданская война в США), России (отмена крепостного права в 1861 г. и социально-экономические реформы) и восточного общества (Революция Мэйдзи в Японии, неоднозначное правление императрицы Цыси в Китае и др.). Объединительные тенденции наметились в итальянских землях еще в эпоху Наполеоновских войн и продолжились как противостояние австрийскому господству (по условиям решений Венского конгресса 1814–1815 годов) – по всей видимости они отвечали общему ходу развития государственности в указанный период. Национально-освободительное движение в Италии получило название Рисорджименто (Risorgimento) – термин обычно не переводится на русский язык, может

означать «возрождение», «обновление», «пробуждение» (авторская интерпретация).

Как известно [10, р. 14], война и революционные события 1848–1849 гг. не решили поставленные перед проитальянскими правительствами проблемы, но привели к укреплению и возвышению Сардинского королевства (Пьемонт) во главе с королем Виктором Эммануилом Вторым и правительством графа Камилло Кавура, ставшему вскоре ядром объединения итальянских государств [11].

Дипломатическая борьба этого «тандема», в целом склонявшегося к союзу с Францией, привела, в частности, Сардинию к участию в Крымской войне против Российской империи. Усилиями короля Виктора Эммануила и Кавура в 1861 г. было образовано объединенное Королевство Италия и упомянутый Закон Казати вступил в силу на всей территории страны, однако разработан он был еще во время австро-итало-французской войны и опубликован 18 ноября 1859 г. в туринском издании «Gazzetta piemontese» за номером 3725 [9]. В Сардинском королевстве и Ломбардии закон начал действовать, как указано в его заключительных положениях, с 1 января 1860 г. [9, art. 379]. Однако то, что это был, строго говоря проект закона (а не сам закон), подтверждается некоторыми особенностями стилистики текста, в котором использована форма будущего времени (*futuro semplice*), служащая в романских языках также выражению предположения (некого плана).

Автором закона стал министр образования Сардинского королевства Габрио Франческо Казати (1798–1873) – человек со сложной судьбой, участник всех основных событий эпохи Рисорджименто, в 50-е годы XIX столетия гражданин Сардинского королевства и политический беженец для австрийского правительства соседней Ломбардии (парадокс тех времен), верный сторонник политики Кавура, потерявший в Крымской войне сына (1855 год) [4]. Казати пробыв в должности министра всего полгода (19.07.1859–21.01.1860), и, тем не менее, успел увековечить свое имя благодаря закону об образовании объединенного Итальянского королевства [4].

Дж. Коминелли считает, что Казати был вдохновлен наполеоновско-прусской моделью образования, что видно также по

«бюрократико-пирамидальной» военизированной структуре закона [8]. В законе впервые присутствуют такие моменты как:

- разделение начального, среднего и университетского образования;
- регулирование частного образования и отношений между государственным и частным образованием;
- ограничение вмешательства церкви в образование (с допущением при этом преподавание религии в начальных школах и возможность создания конфессиональных школ под контролем государства) [4].

Закон Казати четко структурирован и состоит из Вступления, представляющего собой обращение к Его Величеству по вопросу реорганизации народного образования¹, и следующих разделов: «Об управлении народным образованием», «О высшем образовании», «Об общем классическом образовании», «О техническом образовании», «Об элементарном (начальном образовании)» [9].

Раздел о высшем образовании (второй) – самый объемный, включающий 15 глав и насчитывающий 140 статей. По всей видимости, данный факт объясняется более долгой историей собственно высшего образования в итальянских землях и сложившейся системой управления им. Некоторые вопросы, касающиеся высшего образования, прописаны в разделе «Об управлении народным образованием», в частности, это порядок назначения руководителей университетов – ректоров (непосредственно королем сроком на один год из числа штатных преподавателей (профессоров), с возможностью их последующего переизбрания [9, art. 31]). Подчинялись ректоры министру народного образования [9, art. 34].

Раздел о высшем образовании начинается с провозглашения с присущей ему цели: «... направлять молодежь, уже обладающую необходимыми общими знаниями, к построению карьеры, как государственной, так и частной, где требуется подготовка к специальным исследованиям, а также поддерживать и повышать научную и литературную культуру в различных частях государства» [9, art. 47]. Далее перечисляются учреждения, где может быть получено высшее образование: Туринский университет; университеты Павии, Генуи, Кальяри. Предполагается открыть научно-

¹ Следует отметить, что в оригинальной версии закона используется термин «*istruzione*», более близкий по значению русскому слову «обучение» (ср.: инструкция). Однако нормативный контекст

требует использования при переводе слова, более привычного в русскоязычной правовой традиции – «образование».

литературную Академию в Милане и организовать университетское образование для Савойи (область) в Шамбери [9, art. 48].

Высшее образование включает пять факультетов: теологический, юридический, медицинский, физико-математический и естественнонаучный, философии и литературы [9, art. 49]. При этом в Милане и Шамбери предполагается учредить только философский факультет, что явно указывает на приоритет в тот период итальянской истории гуманитарного образования. Все расходы на высшее образование отнесены к государственным, хотя в перспективе планируется подключить к ним региональную казну и спонсорскую поддержку любого вида [9, art. 50].

Вторая глава раздела посвящена вопросам преподавания, в ней перечислены основные предметы, изучаемые на различных факультетах [9, art. 51]. Это, по сути дела, своего рода учебная программа высшего образования той эпохи. Текст закона позволяет судить об уровне развития науки в середине XIX века – обращают на себя внимание такие предметы медицинского факультета, как Зоономия², медицинская зоология, клиническая медицина и специальная медицинская патология, теоретико-практическая офтальмология и многое другое [9, art. 51].

Кроме того, в законе говорится о возможности организации преподавания медицинских наук в больницах Турина и Милана, а также о курсах для фармацевтов [9, art. 51].

В отдельных статьях раскрываются особенности освоения тех или иных дисциплин в разных университетах Королевства [9, art. 52–54], что, по всей видимости, было связано с какими-либо особенностями региона и со сложившимися там традициями. Длительность обучения варьировалась в зависимости от факультета [9, art. 55].

Особый интерес представляет третья глава раздела, посвященная преподавательскому (академическому) корпусу. Отмечается, что его составляют прежде всего штатные профессора (включая докторов), а также (при необходимости) сверхштатные преподаватели, не принадлежащие какому-либо определенному университету. Регулированию деятельности штатных профессоров здесь уделено особое внимание [9, art. 57–88]: прописаны, в частности, условия избрания их по

конкурсу (при финальном назначении королем), их необходимое количество в каждом университете Королевства (по факультетам), зарплаты.

Примечательно, что различали два вида конкурса на должность: посредством экзамена и посредством документов (представление кандидатом печатных работ и иных материалов, подтверждающих квалификацию) [9, art. 58]. Объявлялся конкурс на занятие должности на факультете за четыре месяца до проведения [9, art. 59]. Для его проведения министерством народного образования назначалась комиссия (5–9 человек) специалистов, следующих в той области знания, по которой избирался кандидат [9, art. 62]. Результаты конкурса представлялись каждому кандидату – решение принималось абсолютным большинством голосов комиссии [9, art. 66].

Как отмечалось, в законе содержится информация о необходимом количестве профессоров по каждому факультету во всех университетах королевства, что позволяет судить о сильной централизации управления в области образования и полном подчинении в данном аспекте университетов государственной власти. Можно видеть, что в университетах Турина и Павии, а также в Миланской академии число преподавателей на юридическом, медицинском, физико-математическом и философском факультетах составляет 10–11 человек; на теологическом – 6. В университете Генуи пропорции несколько иные: юридическому факультету требовалось 8 преподавателей, медицинскому – 9, физико-математическому – 7, теологическому и философскому – 5 и 4 соответственно. Примерно такие же цифры в университете Кальяри [9, art. 70].

Тем самым можно констатировать, что в целом высшее образование тяготело к традиционным юридической и медицинской специальностям, наличие университетского института в Шамбери с единственным философским факультетом несколько перевешивает эту область знания в сравнении с теологией (по числу профессоров), физико-математические факультеты везде (где есть) занимают «твердое второе место», что также можно считать приметой времени.

Уровень зарплаты профессоров представлен в специальных таблицах (приложениях к закону). Также здесь говорится о

организма. Книга известна как одна из первых, провозглашающих теорию эволюционизма.

² По всей видимости, речь идет о произведении конца XVIII века Эразма Дарвина о патологии, анатомии, психологии и о функционировании

возможности штатных профессоров преподавать в гимназиях и технических заведениях, установленных этим же законом [9, art. 76].

В третьей главе присутствует информация о категории временно «откомандированных в распоряжение» докторов (*dottori aggregati*). Они избираются на год на те факультеты, где необходимо вести ту или иную дисциплину, не обеспеченную штатным преподавателем [9, art. 77]. По все видимости, такой статус соответствует современному понятию «внешнего совместительства» в вузовской системе. Их зарплата, согласно закону Казати, не является фиксированной и зависит от того функционала, что им поручен в том или ином университете королевства [9, art. 86]. Решение о продлении службы такого доктора или о разрыве отношений принимает каждый академический год ректор [9, art. 87].

О сверхштатных профессорах сказано в четвертой главе раздела. Такие лица назначаются министром образования и должны преподавать специализированные дисциплины на разных факультетах [9, art. 89]. Можно видеть, что в реалиях современного высшего образования указанные категории профессорско-преподавательского состава также существуют и в целом их деятельность, (включая условия привлечения к работе), организуется сходным образом: сверхштатные преподаватели – это в современной кадровой номенклатуре совместители, глубоко владеющие тем или иным предметом («представители работодателей»). Зарплаты их (по закону Казати) определяются ежегодно и фиксируются в бюджете отдельно взятого университета [9, art. 92].

Закон также предусматривает преподавание частных (сверхплановых) курсов при строгом надзоре ректора университета (глава пятая) и оговаривает гарантии членов академического корпуса (глава шестая). Следует отметить, что университетские преподаватели обладали (по закону) высокой степенью защиты, кроме ряда случаев, предусматривающих отстранение от работы или даже снятие с должности [9, art. 106]. Это утрата общественного (народного) уважения в результате действий, порочащих честь; [высказывания] посредством преподавания и/или публикаций, «... оспаривающие религиозный и нравственный порядок или подрывающие принципы и гарантии, являющиеся основой гражданских установлений Государства» [9, art. 106]; наконец – неуважение к руководству университета, опять же высказанное публично.

Однако решение об отстранении от должности (на два года, без сохранения зарплаты и начисления стажа или о снятии с должности (с лишением всех академических прав и гарантий) [9, art. 108] может принять только сам король после обращения Высшего Совета по образованию в королевстве, но не министр [9, art. 107]. В случае болезни или преклонного возраста профессора могут попросить (у короля) «уйти на отдых» и, если они проработали десять лет и более, получают звание «почетного профессора» с соответствующими привилегиями [9, art. 109], а также могут продолжить работать на факультете в качестве частных преподавателей [9, art. 110].

Таким образом, можно сделать вывод, что по прошествии времени регулирование деятельности преподавательского корпуса в высших учебных заведениях за прошедшие полтора столетия сильно не изменилось – в целом принципы организации работы университетов остались прежними, поменялись только управляющие органы, степень централизации власти, некоторые названия.

Седьмая глава раздела посвящена характеристике студентов и слушателей. В первых статьях дано определение этих категорий. Указано, что статус студента можно получить только после сдачи соответствующего экзамена, проводимого ежегодно перед комиссией, которую назначает и утверждает ректор университета [9, art. 114]. Можно также просто посещать университетские курсы, не сдавая вступительного экзамена. Такая категория обучающихся именуется слушателями [9, art. 115]. Далее следуют статьи относительно оплаты обучения, где, в частности, указано, что плата за обучение студента вдвое выше, чем плата за обучение слушателя [9, art. 119]. Основное же содержание статей касается порядка внесения платежей и дальнейшего распределения средств – преподавателям и на содержание университетов.

В восьмой главе речь идет о порядке получения ученой степени (*la laurea dottorale*). Примечательно, что процедура написания и защиты научного сочинения (трактата, диссертации), как следует из статей Закона [9, art. 128], практически не претерпела существенных изменений до сегодняшнего дня. При этом и темы диссертационных исследований разделяются на три вида: связанные с преподаванием (педагогической практикой), теоретические и выполняемые по заказу Министерства образования [9, art. 130]. Довольно подробно описывается порядок

формирования комиссий (совета) по приему экзаменов (защиты). Завершается глава описанием процедуры оплаты данного мероприятия [9, art. 142].

Девятая глава посвящена дисциплинарным взысканиям, предъявляемым студентам. Правда из содержания ее не ясно, за какие нарушения назначается то или иное наказание. Всего закон выделяет четыре формы дисциплинарного взыскания: замечание (предупреждение), временный запрет посещения одного или нескольких курсов, отстранение от [сдачи] экзамена и временное исключение из университета [9, art. 143]. В основном назначаются наказания факультетом или его деканом, только отстранение от посещения курсов – ректором [9, art. 144].

В десятой главе описан функционал представителей университетского управления: ректоров, деканов факультета, органов управления Миланской академии и института в Шамбери. Также в этой главе оговорены зарплаты упомянутых категорий университетских работников [9, art. 165].

Согласно статье 149, ректор подчиняется непосредственно министру образования [9, art. 149], его же власть распространяется на все в университете: будь то административные и представительские дела, обслуживающий персонал, академический корпус и студенчество [9, art. 150]. В законе прописаны конкретные функции ректора – вопросы, которые он решает, порядок обращения к министру, взаимоотношения с преподавателями и студентами, включая вручение дипломов о высшем образовании – в целом все сходно с ректорской должностью сегодня [9, art. 151–159].

Деканы (директора) факультетов назначаются ректором из числа штатных профессоров и подчиняются ему [9, art. 160]. Факультеты обладают свободой в преподавании дисциплин, но ежегодно представляют отчет ректору об обучении и студенческой дисциплине [9, art. 161].

Завершается глава, как обычно, ссылкой на таблицы с уровнем зарплаты ректоров, деканов факультетов и других официальных лиц [9, art. 165]. Примечательно, что зарплата ректоров Турина и Павии выше, чем в других университетах [9, tab. A]. Деканы факультетов получали удвоенную зарплату по отношению к той сумме, что им полагалась как штатным профессорам по той или иной дисциплине в том или ином университете (ставка в Генуе и в Кальяри ниже, чем в Турине, Милане и

Павии) [9, tab. B]. Разница в оплате ректоров и профессоров в разных регионах Сардинского королевства, по всей видимости, связана с размером университета (количества студентов) и, соответственно большей или меньшей нагрузкой на академический корпус и руководящие органы. Однако, возможно, и стоимость жизни в Генуе, Кальяри и Шамбери была ниже.

Заключительные главы раздела о высшем образовании в Сардинском королевстве (11–15) посвящены общим вопросам организации образования, не вписывающимся в какую-либо из ранее описанных категорий; здесь речь идет об ограничениях допуска к преподаванию отдельных категорий граждан; об официальном языке преподавания в университетах (итальянском), исключая Шамбери (французский); о времени обучения в течение академического года (9 месяцев) и семестрах; об экзаменах; о некоторых частных моментах, касающихся отдельных университетов королевства.

Краткий обзор раздела о высшем образовании закона Казати позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, в нем наблюдается четкая централизация образования в королевстве вообще (что отвечало общему курсу Сардинского королевства в ту эпоху) и высшего образования, в частности. Во-вторых, можно заметить, что, за исключением некоторых нововведений последнего столетия (носящих, без сомнения, объективный характер), структура университета и управление в нем в целом сохранились – порядок приема преподавателей на работу, получение ими ученых степеней, гарантии (включая уход на заслуженный отдых) и дисциплинарные взыскания совершенно понятны современному человеку, несмотря на то, что от дня сегодняшнего указанный закон отделяют более ста пятидесяти лет.

Объясняется данный факт скорее всего консервативностью сферы образования в целом и высшего образования как его составляющей. Кроме того, не следует забывать, что университетское образование имеет в западном мире более давнюю институциональную историю по сравнению со школьным образованием, нормативно оформившись лишь в XVI веке. Реформы, которые высшее образование переживало на протяжении прошлого столетия; изменения, происходящие в нем в нашей стране сегодня, не затрагивают его базовых основ и принципов. В этом смысле анализ закона Казати, составленного в сложный

период итальянской истории и действующего на протяжении шестидесяти с лишним лет на территории растущего Итальянского государства, позволяет выявить именно те черты, которые являются фундаментальными для образовательных институций «вне времени и пространства».

С современной точки зрения в законе можно выявить и негативные стороны (больше касающиеся все же школьного образования), проявляющиеся в бюрократическом централизме школьной администрации, в жесткости структур и программ, в отсутствии

профессионального образования для населения, в ограничениях свободы учителя, в чрезмерном финансовом весе, предоставленном муниципалитетам и провинциям для создания школ. С другой стороны, он впервые ввел на итальянских землях бесплатные начальные школы и обязательность начального образования для представителей обоих полов, урегулировал подготовку учителей и др. [4]. В любом случае, нормативное оформление образовательных институций в различных странах и в разные эпохи требует дальнейшего исследования.

Список литературы:

1. Орехова, Е.Я. Итальянская школа от эпохи Казати – Джентиле до наших дней: исторический очерк (1859–2020) / Е.Я. Орехова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2021. – Т. 2. – № 6(81). С. 49–63.
2. Полякова, М.А. Педагогическая институция и возможности ее интерпретации посредством базовых моделей школ / М.А. Полякова // Психолого-педагогический поиск. – 2019. – № 2(50). – С. 14–26.
3. Полякова, М.А. Педагогические инновации прошлого: опыт иезуитских коллегиумов / М.А. Полякова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2019. – № 1. – С. 69–76.
- Ambrosoli, L. Casati, Gabrio / L. Ambrosoli // Dizionario biografico degli italiani. Vol 21 (1978). URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/gabrio-casati_\(Dizionario-Biografico\)?search=CASATI%2C%20Gabrio%2F](https://www.treccani.it/enciclopedia/gabrio-casati_(Dizionario-Biografico)?search=CASATI%2C%20Gabrio%2F) (дата обращения: 15.10.2024).
4. Bertoni, D.J. La legge Casati / D.J. Bertoni // Convegno di studi gramsciani. – Roma, 1962. – pp. 441–447.
5. Boiardi, F. La riforma della scuola di Gabrio Casati l parlamento italiano / F. Boiardi. – Milano: Nuova CEI Informatica 1988, vol. I. – Pp. 317–318.
6. Cambi, F. Manuale di storia della pedagogia / F.Cambi. – Roma-Bari: Editori Laterza, 2009. – 392 p.
7. Cominelli, G. Dimenticare Gentile / G.Cominelli // Mondoperaio, 2017 – n. 1. – Pp. 40–57.
8. Legge n. 3725 del 13 novembre 1859 (Legge Casati) // Gazzetta Piemontese del 18 novembre 1859, n. 285.
9. Lupo, S. L'unificazione italiana. Mezzogiorno, rivoluzione, guerra civile / S. Lupo. – Roma: Donzelli, 2011. – 184 p.
10. Storia Costituzionale italiana. – Roma: Carocci Editore, 2002. – 312 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 347.993"18"(47+57)

М. В. Сапожников, А.В. Штепа

**К ВОПРОСУ О МЕТОДИКАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ
ВОИНОВ, ПАВШИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ.
НА ТЕРРИТОРИИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ НА (НА ПРИМЕРЕ ЖИЗНИ И СУДЬБЫ
МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА НЕСТЕРЕНКО И.Д.)**

В статье описан успешный опыт установления личности погибшего воина с помощью почерковедческой экспертизы и восстановления черт лица с использованием метода М.М. Герасимова. Также отражены практики взаимодействия между поисковым отрядом «Россия», Управлением по делам архивов Калужской области, Российском государственном архивом социально-политической истории (РГАСПИ), Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ), экспертно-криминалистическим центром УМВД России по Калужской области и Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг.; битва за Москву; Варшавское шоссе; Западный фронт; Калужская область; урочище Вышнее; поисковое движение; Нестренко И.Д.; почерковедческая экспертиза; антропологический метод М.М. Герасимова.

М. V. Sapozhnikov, A.V. Shtepa

**ON THE ISSUE OF METHODS OF IDENTIFICATION OF SOVIET SOLDIERS WHO
FELL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945. ON THE TERRITORY OF THE
KALUGA REGION (ON THE EXAMPLE OF THE LIFE AND FATE
OF SECOND LIEUTENANT NESTERENKO I.D.)**

The article describes the successful experience of establishing the identity of a deceased soldier using handwriting expertise and restoring facial features using the method of M.M. Gerasimov. The cooperation practices between the Rossiya search team, the Kaluga Region Archives Department, the Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI), the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation (ZAMO RF), the Forensic Expert Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaluga Region and the Center for Physical Anthropology of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Federation are also reflected. Academy of Sciences.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945; the Battle for Moscow; Warsaw Highway; Western Front; Kaluga region; Vyshneye tract; I.D. Nestrenko's search movement; handwriting expertise; M.M. Gerasimov's anthropological method.

29 апреля 2023 года членами поискового отряда «Россия» на территории уроч. Вышнее Мосальского района Калужской области (до 5 июля 1944 г. – Смоленской области) в запаханной воронке от снаряда были обнаружены останки советского воина. В ходе эксгумации вместе с останками (обнаружены все кости человеческого скелета располагавшиеся в правильном анатомическом порядке, в том числе череп, не имевший повреждений) также были найдены: пуговицы от летней формы одежды, советский противогаз, мундштук, коробка для хранения и транспортировки трех детонаторов S.Mi.Z.35, большое количество патронов кал. 7,62x54 и стреляных гильз от них, лозантинница – хлорница (нем. Hautentgiftungsmittel), которая представляла собой входившее в табельный комплект солдат вермахта средство

химической защиты, предназначенное для первичной (на поле боя) обработки кожи и соприкасающейся с ней амуниции, подвергшихся воздействию капельно-жидкостных отравляющих веществ (прежде всего, иприта и люизита) [1].

Согласно имеющимся источникам в окрестностях с. Вышнее Мосальского района, в период с 26.01.1942 г. по 08.03.1943 г. велись кровопролитные бои с немецко-фашистскими захватчиками. Зимой 1942 г. ударная группировка подразделений 50-й армии в составе 173-й стрелковой дивизии (далее – сд), 154-й сд, 340-й сд, 413-й сд, 32-й танковой бригады, 466-го отдельного сапёрного батальона, 1156-го стрелкового полка 344-й сд, 911-го артиллерийского полка при участии подразделений 7-й гвардейской кавалерийской дивизии, при

поддержке частей 290-й сд и 336-й сд и лыжных батальонов, с рубежа р. Рессы, путём прохода по долине р. Лидии, в направлении высоты 186,1, пытались овладеть дер. Барсуки с целью отсечь продвижение войск противника по Варшавскому шоссе на г. Юхнов Юхновского района и далее на г. Москву. Таким образом, район высоты 186,1 стал местом концентрации основных сил ударной группировки 50-й армии [2, с. 81].

2 февраля 1942 г. командующим 50-й армией генерал-лейтенантом И.В. Болдыным была поставлена боевая задача овладеть с. Вышнее Мосальского района. Для этого был сформирован особый отряд в количестве трёх батальонов: по одному из 173-й сд и 340-й сд и один 210-й лыжный батальон. К отряду были приданы 6 средних танков, 2 артполка и дивизион РС. В ходе операции противник беспорядочно бежал в направлении дер. Поляны Мосальского района, бросив в с. Вышнее Мосальского района орудия, автомашины и прочее имущество. Однако опоздавший закрыть дорогу на дер. Поляны Мосальского района 2-й батальон дал возможность противнику уйти. Потери советских войск составили два человека убитыми и до 10 раненых бойцов [6, лл. 3–5].

Позднее, 6 февраля 1942 г. войскам противника, нанёсшим одновременные фланговые удары со стороны с. Вышнее Мосальского района и дер. Ситское Юхновского района, удалось вклиниться в боевые порядки ударной группы 50-й армии. Применив манёвр противник перерезал дорогу к высоте 186,1, организовав сильную оборону, в результате чего большая часть указанных подразделений Красной армии оказалась в плотном кольце и была вынуждена на протяжении более чем двух недель героически сражаться с превосходящим по численности и вооружению противником, не имея при этом необходимых путей доставки вооружения, боеприпасов и продуктов питания. Оказавшись в окружении, советские воины проявляли образцы мужества и героизма, не давая противнику возможности полностью себя уничтожить и препятствуя его свободному продвижению на г. Москву.

В ночь с 14-го на 15-е февраля 1942 г. воины ударной группировки 50-й армии, сконцентрировавшись в районе высоты 186,1, предприняли несколько попыток прорыва из огненного кольца фашистов. В результате самоотверженных действий оставшимся в живых красноармейцам удалось сломить сильно укрепленные рубежи обороны противника в

районе с. Вышнее Мосальского района и вырваться из окружения.

По данным ЦАМО РФ за период с 01.02.1942 г. по 15.02.1942 г. официальные потери только личного состава ударной группировки 50-й армии составили 8090 человек [4, л. 66]. Фактически эта цифра, по мнению председателя Калужской областной военно-патриотической общественной организации «Военный историк», автора книги «Уходя в поисковые дали» Сапожникова В.В., может быть намного больше [2, с. 136].

Последующие боевые действия в указанном районе до июля 1942 г. носили в основном позиционный характер.

В июне 1942 г. после проведённой передислокации наших войск в затяжные кровопролитные бои на данных плацдармах вступила 42-я сд 49-й армии, части которой в период с 12 по 17 июля 1942 г. проводили отдельную операцию по овладению с. Вышнее Мосальского района, в ходе которой нашим частям удалось закрепиться в южной и юго-восточной части села, уничтожив при этом 1200 солдат и офицеров противника, при собственных потерях: убито – 454, ранено 1116, пропал без вести 261 чел. [5, л. 52].

Только 8 марта 1943 года в ходе отступления немецко-фашистских оккупантов в район г. Спас-Деменск советским войскам удалось овладеть селом Вышнее [5, л. 236].

Как уже говорилось выше при обнаружении останков советского воина, поисковиками 29 апреля 2023 г. была найдена лозантинница вермахта, при вскрытии которой был извлечён металлический советский медальон, отправленный на экспертизу специалистам в лабораторию «Солдатский медальон» (г. Москва), им удалось прочитать только 9 букв на углу фрагмента сохранившейся самодельной записки: («Ворон», «ст. Т» и «С»).

Поисковики предположили, что запись: «Ворон» - может означать Воронежскую область, «ст. Т» - наименование населенного пункта (станция или станица), а буква «С» - первая буква названия улицы. Л.Н. Марченковым (ПО «Россия») с помощью интернет-ресурса «Память народа» была проведена работа по исследованию списков воинов 42-й сд 49-й армии, погибших в июле 1942 г. в бою за с. Вышнее Мосальского района, на предмет совпадения по месту жительства.

Такое совпадение было обнаружено по Нестеренко Ивану Денисовичу, в отношении личности которого в списке безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава 42-

й сд по состоянию с 10 по 20 июля 1942 г. в графе «Фамилия, имя, отчество жены или родителей, адрес» значилось «мать – Марфа Арсентьевна Нестеренко, Воронежская обл. ст. Таловая, Советская д. 36».

Поисковикам, опираясь на архивные документы удалось выяснить, что Нестеренко Иван Денисович родился в семье крестьянина-бедняка в 1916 г. в с. Велико-Архангельское Павловского уезда Воронежской области. Русский. В период с 1925 г. по 1932 г. окончил 7 классов неполной средней школы в пос. Таловая Воронежской области, где с 06.1932 г. по 08.1935 г. работал арматурщиком на строительстве 2-х путей Валуйки-Балашов, затем почтовым агентом в районном отделении связи (август 1935 г. – октябрь 1936 г.), счетоводом в райисполкоме (октябрь 1936 г. – ноябрь 1937).

Служил в Красной армии с ноября 1937 г., сначала красноармейцем 61-го кавполка 36-й кавалерийской дивизии (до мая 1938 г.), затем командиром отделения (до 01.10.1938 г.), помощником командира взвода (с 01.10.1938 г. по 01.08.1939 г.), с 01.08.1939 г. по 01.10.1940 г. – старшина. Выступил в ВЛКСМ, и был направлен на стрелково-пулеметные курсы усовершенствования командного состава запаса в г. Слуцк (Белорусская ССР) в качестве старшины курсовой роты (01.10.1940 – 15.12.1940 г.).

С января 1941 г. по конец июня 1941 г. работал инспектором исправительно-трудовых работ в районном отделении НКВД пос. Таловая Воронежской области. 25 июня 1941 г. мобилизован в 66-й запасной стрелковый полк (далее – сп) 9-й запасной стрелковой бригады, где служил в должности командира взвода до января 1942 г. С января по апрель 1942 г. состоял в должности командира взвода 459-го сп 42-й сд 49-й армии. В мае 1942 г. вступил в ряды ВКП(б), дослужился до звания младший лейтенант. Погиб 14 июля 1942 г. в бою в с. Вышнее.

Согласно архивным данным, раскрывающим обстоятельства гибели командира: «В бою за с. Вышнее Мосальского района Смоленской области с 12 по 15 июля 1942 г. мл. лейтенант Нестеренко проявил исключительную храбрость, мужество и находчивость. Лично пулеметным огнем уничтожил всю наступающую группу пехоты противника. Противник силою до роты пехоты и автоматчиков в сопровождении 3-х танков начал теснить наши подразделения. – тов. Нестеренко открыл губительный огонь из пулемета по

наступающему противнику уничтожив до взвода пехоты. Погиб за пулеметом под гусеницами танка противника» (орфография и пунктуация соблюдены – авт.) [5, л. 35].

Поскольку в наградном листе на Нестеренко И.Д. значилось, что он был членом ВКП(б), то поисковиками было выдвинуто предположение что в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) могут сохраниться его персональные документы. С помощью начальника Управления по делам архивов Калужской области, кандидата исторических наук М.А. Добычиной был составлен запрос в РГАСПИ, по результатам рассмотрения которого ответным письмом были высланы: регистрационный бланк и отчетная карточка на партийный билет Нестеренко И.Д. Также в сопроводительном письме отмечалось, что «...личные дела по приёму в партию, в состав которых входила автобиография, поступали на хранение в государственные или ведомственные архивы по месту приёма», на основании чего было рекомендовано обратиться в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ), что и было сделано.

В ЦАМО РФ были обнаружены анкета, заявление и автобиография Нестеренко И.Д., которые он заполнял, вступая в ряды партии. Поисковики обратились в экспертно-криминалистический центр УМВД России по Калужской области с целью оказания содействия в исследовании рукописных записей и проведения почерковедческого исследования, по результатам которого было установлено что рукописные записи, расположенные в фрагменте смертного солдатского медальона выполнены Нестеренко И.Д., образцы почерка которого имеются в его автобиографии от 5 мая 1942 г.

В августе 2023 г. в рамках экспедиции «Западный фронт. Варшавское шоссе» останки солдата были переданы на исследование антропологам, в том числе для взятия анализа ДНК и 3D-сканирования черепа для последующего восстановления лица с помощью антропологического метода М.М. Герасимова. Антропологом института археологии РАН А.М. Юдиной было установлено что останки принадлежат мужчине от 20 до 30 лет (на момент гибели И.Д. Нестеренко было 26 лет). Для анализа ДНК были взяты 2 зуба (резцы верхней челюсти), 1-й и 2-й шейные позвонки. Экспертиза ДНК проводилась в рамках проекта «Память сильнее времени», реализуемого членами региональной общественной

молодежной организацией «Объединение «Отечество» республики Татарстан».

В настоящее время родственники солдата найдены и решается вопрос взятия у них буккального эпителия для установления степени биологического родства с помощью молекулярно-генетического исследования (ДНК экспертиза). По результатам контурной реконструкции лица по черепу с неглубокой проработкой светотени с последующей идентификацией лица по черепу методом фотоналожения, проводимой младшим научным сотрудником Центра физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, специалистом в области реконструкции лица по черепу, 3D-сканированию и 3D-визуализации данных Р.М. Галеевым, было сделано заключение: «Учитывая всё выше изложенное: пол и возраст, краниологический анализ, контурные реконструкции и результаты фотоналожения можно заключить что с высокой степенью вероятности исследуемые останки принадлежат Нестеренко И.Д.». Отметим, что для чистоты эксперимента, фото Нестеренко И.Д. было направлено специалистам только на этапе сравнения.

21 июня 2024 г. останки Нестеренко И.Д. были захоронены в торжественной обстановке с соблюдением воинских и духовных почестей на мемориале Славы в рабочем поселке Таловая Таловского района Воронежской области, его личные вещи, обнаруженные при эксгумации переданы в Таловский историко-краеведческий музей.

Итак, в ходе проведенного исследования были реконструированы некоторые эпизоды событий, относящиеся к боевым действиям периода битвы за Москву на территории Мосальского района нынешней

Калужской области в ходе которых войска 50-й и 49-й советских армий проявили мужество и героизм, сражаясь с немецкими оккупантами, стремясь воспрепятствовать продвижению противника по Варшавскому шоссе. Ожесточённые бои с февраля по июль 1942 г. шли за овладение с. Вышнее, приведшие к большим потерям как с советской, так и со стороны вермахта. Именно в районе уроч. Вышнее Мосальского района поисковиками в апреле 2023 г. удалось обнаружить и эксгумировать останки советского воина, установить личность которого позволило применение различных методик: архивный поиск (в сотрудничестве с начальником Управления по делам архивов Калужской области, кандидатом исторических наук М.А. Добычиной), основанный на сохранившихся фрагментах записи из солдатского медальона, найденного в хлорнице вермахта; работа с базами данных интернет-ресурса «Память народа»; использование возможностей почерковедческой экспертизы (сравнение рукописного почерка из фрагментарных данных солдатского медальона с автобиографией предполагаемого воина – младшего лейтенанта Нестеренко И.Д.); сотрудничество с Центром физической антропологии Института этнологии и антропологии РАН, при содействии которого после 3D-сканирования и 3D-визуализации данных был осуществлён процесс реконструкции лица по черепу методом М.М. Герасимова. Таким образом применение комплекса различных методик показывает достаточно высокую эффективность в процессе установления участниками поискового движения личностей, павших на поле брани защитников Отечества, что способствует сохранению памяти о них.

Список литературы:

1. Историко-мемориальный музей А.Я. Яшина Никольского муниципального района (Вологодская область): офиц. сайт. URL: <https://музей-никольск.рф/2020/05/19/немецкая-хлорница-лозантиница/> (Дата доступа: 19.12.2024).
2. Сапожников, В.В. Уходя в поисковые дали / В.В. Сапожников. – Калуга: РПА «Креатив центр», 2003. – 148 с.
3. ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 368. Л. 35.
4. ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 49.
5. ЦАМО РФ. Ф. 1140. Оп. 1. Д. 16.
6. ЦАМО РФ. Ф. 1223. Оп. 1. Д. 8.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(37).07

Л.В. Тарасова, А.А. Митина

**ДОСУГ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ I–II ВЕКОВ Н.Э.
(ПО ПИСЬМАМ ПЛИНИЯ МЛАДШЕГО)**

В статье рассматриваются формы проведения досуга, упомянутые в письмах древнеримского писателя, адвоката и государственного деятеля конца I – начала II веков новой эры – Плиния Младшего. Авторы приходят к выводу, в письмах присутствуют разнообразные виды проведения досуга. Большая часть времени, свободного от служебных обязанностей, отводилась на интеллектуальные занятия – чтение, размышления и письмо. Плиний любил гулять, охотиться, посещать бани и дружеские обеды, но в шумных публичных праздниках участия не принимал. Самой важной формой проведения досуга для Плиния Младшего была литературная работа, в ходе которой, как он считал, создаются труды, открывающие автору путь к бессмертию.

Ключевые слова: Римская империя; Плиний Младший; письма; литературное творчество; досуг; отдых; праздники.

L.V. Tarasova, A.A. Mitina

LEISURE TIME OF THE INTELLECTUAL IN THE ROMAN EMPIRE IN THE 1ST–2ND CENTURIES AD (ACCORDING TO THE LETTERS OF PLINY THE YOUNGER)

Abstract: The article examines the forms of leisure activities mentioned in the letters of the ancient Roman writer, lawyer and statesman of the late 1st – early 2nd centuries AD – Pliny the Younger. The authors conclude that the letters contain a variety of leisure activities. Most of the time free from official duties was devoted to intellectual pursuits – reading, thinking and writing. Pliny loved to walk, hunt, visit baths and friendly dinners, but did not take part in noisy public celebrations. The most important form of leisure for Pliny the Younger was literary work, during which, as he believed, works were created that opened the way to immortality for the author.

Keywords: Roman Empire; Pliny the Younger; letters; literary creativity; leisure; recreation; holidays.

Одной из специфических универсальных категорий античной культуры является досуг (у римлян – *otium*). Самое раннее упоминание *otium*'а относится к рубежу III–II веков до н.э., когда Энний в трагедии «Ифигения» использовал это понятие для противопоставления его *negotium*'у; оно обозначало время бездействия в военных походах, время сложения оружия. Но уже к I в. до н.э. у римских писателей *otium* определяется как досуг, то есть время, с одной стороны, свободное от служебных обязательств – *negotium*, с другой, не относящееся и к пассивному отдыху, например, сну. Это время посвящалось выполнению каких-либо личных дел и могло быть весьма содержательным и продуктивным [9, р. 157].

Цель настоящей работы – рассмотреть формы проведения досуга, упомянутые в письмах древнеримского писателя, адвоката и государственного деятеля конца I – начала II веков новой эры – Гая Плиния Цецилия Секунда, более известного нам как Плиний Младший.

Плиний Младший оставил богатое эпистолярное наследие – около 250 писем, адресованных его родственникам, друзьям,

многим известным людям Римской империи, среди которых император Траян, историк Корнелий Тацит, биограф Светоний Транквилл. В этих письмах нашли отражение самые разнообразные стороны жизни римского общества, переданные нам через восприятие интеллектуала, литератора, магистрата, прошедшего *cursum honorum* от квестор до консула [7, с. 276]. Письма содержат обширный материал по культуре, быту и нравам жителей Римской империи, в том числе и о способах проведения ими времени, свободного от служебных занятий, т.е. досуга [1, с. 1250].

Понятие отдых передается в латинском языке двумя основными терминами *otium*, *otii* и *quies*, *quietis*. Надо отметить, что в письмах Плиния чаще используется именно *otium* – 39 раз во всех десяти книгах (I.3.3, 9.6, 9.7, 22.6, 22.11; II.2.2; III.1.12, 5.10, 7.3; IV.14.2, 23.1, 23.3, 24.3; V.9.5, 6.45; VI.14.1, 20.5; VII.3.4, 4.8, 6.14, 7.2, 9.9, 13.2, 24.5, 25.2, 27.1, 31.3; VIII.1.3, 8.4(дважды); 9.1; 14.8, 14.16; IX.3.1, 6.4, 25.1, 33.3, 40.1; X.87.2). *Quies* – только 17 раз (I.3.3, 6.1, 14.5; II.11.1; IV.23.4; V.5.5; VI.8.2, 16.3; VII.25.1, 31.1; VIII.1.3, 9.1; IX.6.1, 33.10; X.58.7, 87.2, 117.1).

Самым значимым видом досуга для Плиния было занятие литературным трудом, которое включало в себя чтение, размышление, записи. В письме Муницию Фундану Плиний так описывает своё времяпровождение на Лаврентийской вилле «...что-то читаю, или пишу, ...я разговариваю только с собой и с книжками. О правильная, чистая жизнь, о сладостный честный досуг, который прекраснее всякого дела!» (I.9.4–6 / *здесь и далее перевод кн. I–VI М.Е. Сергеев*). Конечно, автор преувеличивает, что «разговаривает» только с книжками и самим собой, но этим самым он подчёркивает, как важны для него чтение и размышления. Его распорядок дня на этрусской вилле расписан более подробно в письме Педанию Фуску (IX.36), из которого мы узнаём, что всю первую половину дня Плиний «размышляет над тем, над чем работает» и диктует секретарю. – Это происходит в спальне, в криптопортике или цветнике, во время прогулок пешим или в повозке.

Описывая распорядок своего дяди – Плиния Старшего, известный адвокат с восторгом отмечает, что тот занимался литературной деятельностью всё свободное от служебных занятий время, и не только в специально отведённые для это часы, но даже во время банных процедур (III. 5.14), приёмов пищи, солнечных ванн (III.5.11) или в дороге (III.5.15): ему читали, он сам или помощники делали выписки и заметки. Например, во время поездок «рядом с ним сидел скорописец с книгой и записной книжкой» (III.5.15).

Если Плиний Старший работал над своей «Естественной историей» и другими серьёзными сочинениями в перечисленных выше не очень удобных обстоятельствах, то племянник «на досуге: в повозке, в бане, за обедом» развлекался написанием стихов – гексасиллабов, о чём мы узнаём из его писем Патерну (IV.14.1–2), Титию Аристону (V.3.2), Педанию Фуску Салинатору (VII.9.9–14), Матуру Арриану (VIII.21.2). Он называет свои вирши гексасиллабами из-за размера, но это могли быть эпиграммы, идиллии или эклоги (IV.14.9). В этих стихах, как пишет Плиний, «я шучу, забавляюсь, говорю о своей любви, печали, гневе, жалуясь, вдаюсь в описания...» (IV.14.3). Автор оправдывает занятие стихосложением необходимостью разнообразить серьёзную интеллектуальную работу (VIII.21.2). К Патерну Плиний обращается с просьбой оценить свои стихи, считая его умным и тонким читателем (IV.14.6–7). –

Видимо, этот Патерн не был чужд литературному труду.

Но более Плиний дорожил своими речами, произнесёнными в качестве адвоката в суде центумвиров (I.18.3–4, II.14.1, VI.12.2) и в сенате (II.11; III.9; V.9; V.20), письмами (I.1) и биографиями (III.10.1) [7, с. 276]. Такого рода сочинения он постоянно редактировал (I.8.3–4; III.13; III.18.1; V.8.6–7; VIII.15.2; IX.10.3; IX.15.1; IX. 40.2). – Вот как об этом пишет Плиний в письме к Педанию Фуску: «я размышляю над тем, над чем работаю, размышляя совершенно как человек, который пишет и исправляет, – меньше или больше, в зависимости от того, трудно или легко сочинять...» (IX.36.2 / *здесь и далее перевод кн. VI–IX А.И. Доватура*).

Свои речи знаменитый адвокат обсуждал со многими адресатами – Корнелием Тацитом (VII.20; VIII.7), Аррианом Матуром (I.2), Помпеем Сатурнином (I. 8.2–4), Венатором (IX. 20), к которым обращался с просьбой внести правки в посылаемые им сочинения.

Для того, чтобы получить советы относительно речей и других произведений (например, биографии умершего сына Спуринны – Коттия), Плиний устраивал рецитации перед избранной аудиторией – своими близкими друзьями (II.19; III.10.1; III.18.1, 4–6; V.3.7–11; VIII.21.2–4; IX.34). Обычно адвокат сам читал свои литературные опусы приглашённым, но в одном из писем Светонию Транквиллу Плиний сетует, что если речи он читает прилично, то стихи плохо, поэтому хочет «при чтении близким друзьям испытать своего вольноотпущенника» (IX.34.1), и далее продолжает: «...думаю, что танцую не менее скверно, чем читаю» (IX.34.2). Невозможно оценить, насколько такая оценка собственных рецитаций соответствовала действительности, ведь автор писем неоднократно весьма скромно отзывался и о своём литературном творчестве. – Например, в письме Юлию Генитору он отмечает: «...пишу кое-что и читаю. Читая, сравниваю и понимаю, как плохо я пишу» (VII.30.4), и это при том, что Юлий Генитор – профессиональный ритор (III. 3.5–6) – высоко оценивал одну из речей Плиния, сравнивая её с демосфеновской (VII. 30.4). Плиний ставил свои труды ниже работ Корнелия Тацита (VII.20, VIII.7), что, однако, не мешало ему издавать речи и письма.

О том, что после тщательной обработки своих творений, Плиний Младших их публиковал, он сообщает в нескольких письмах

(I.2.5; I.8.3–4; IV.26.1; V.8.6–7; V.10.2; VIII.3.2; IX.13.24).

Плиний переписывался со многими людьми, известными (или не очень известными) своими литературными трудами – Корнелием Тацитом (I.6; IV.13; VI.16; VIII.7, IX.14), Светонием Транквиллом (I.18; III.8; V.10; IX.34), Сицием Италиком (III.7), Октавием Руфом (II.10; IX.38), Сицием Прокулом (III.15), Аррием Антонином (IV.3; V.15), Октавием Руфом (I.7; II.10), Атрием (IX.35) / Атрием Клементом (I.10; IV.2), Вестирицием Спуринной (III.1; III.10), Новием Максимом (IV.20), Сардом (IX.31). Других своих адресатов он призывает заняться литературой, например, Каниния Руфа: «Почему ты (уже пора) не поручишь эти низменные мелкие заботы другим и в этом глубоком полном уединении целиком не отдашься занятиям? ...Создай, выкуй, что останется твоим навеки!» (I.3.3–4; II.8.1; III.7.14–15). С похожим призывом он обращается и к Гаю Миницию Фундану: «Оставь же при первой удобной службе этот грохот, пустую болтовню, нелепейшие занятия; сохрани себя для литературы и предайся досугу!» (I.9.7).

Литературные произведения, по мнению Плиния Младшего – путь к бессмертию. Вот как эта мысль выражена в письмах Канинию Руфу и Октавию Руфу: «...победим это ускользающее неверное время нашей литературной деятельностью», «...оставим труды, которые докажут, что мы жили!» (III.7.14), «помни о смерти; единственное, что вырвет тебя из её власти, это твои стихи...» (II.10.4). Отношение Плиния к литературе очень созвучно с суждением Сенеки Младшего: *Otium sine litteris mors est et hominis vivi sepultu* (Досуг без литературы – это смерть и погребение для живого человека) (*Epist. LXXXII, 3*).

Литературный труд невозможен без чтения, и, как уже отмечалось, о чтении или прослушивании книг как о важной части досуга образованного римлянина мы узнаём из многих писем Плиния. Эти виды деятельности занимают значимое место в распорядках дня как самого автора в Лаврентийском поместье (I.9; IX.40) и на этрусской вилле (IX.36), так и его дяди – Плиния Старшего (III.5), а также Вестириция Спуринны (III.1.4). И в чрезвычайных обстоятельствах чтение помогало знаменитому адвокату сохранить самообладание: он читал и делал выписки из Тита Ливия, находясь в Мизене, во время знаменитого извержения вулкана Везувия в 79 году н.э., когда «всё,

казалось, не только движется, но становится вверх дном» (VI.20.3–5).

Плиний Младший хвалит Бабия Макра, очень занятого государственного деятеля, за то, что тот читает и перечитывает сочинения Плиния Старшего (III.5.1), а Помпония Басса за то, что тот много рассуждает и слушает (IV.23). В том же письме Помпонию Бассу автор отмечает, что древние, вероятно, меньше читали сами, чем слушали чтение, для чего у богатых римлян имелись специальные рабы (IV.23). Среди людей Плиния были чтец Энколпий (VIII.1) и вольноотпущенник Зосима, который прекрасно декламировал, играл на кифаре, читал «речи, историю и стихи» (V.19.2–3).

Судя по письмам Плиния, даже в загородных домах состоятельных граждан имелись домашние библиотеки. У самого автора, в одной из светлых комнат на Лаврентийской вилле располагалась библиотека с встроенным шкафом с книгами, «которые надо не прочесть, а читать и перечитывать» (II.17.8). Рассказывая Канинию Руфу о Сиции Италике, Плиний пишет, что Сиций имел несколько вилл, на каждой из которых было «множество книг» (III.7.8). Плиний позаботился об открытии библиотеки в своём родном городке Комо (I.8.2), на которую истратил 1 млн. сестерциев [4, с. 289, прим. 2].

Особым времяпровождением было участие в публичных чтениях. Организация таких чтений была частным делом автора и его друзей [4, с. 291, прим. 3]. Плиний неоднократно упоминает о рецитациях. Например, в письме Минициану он сообщает о том, что пойдёт слушать Татиния Капитона, который не только сам читает, но и «предоставляет свой дом читающим» (VIII.12.1–2). Выступали со стихами (I.13; II.10.6; III.15.3; IV.27; V.17; VI.15), историческими сочинениями (V.7; VIII.2.4–5; IX.27) (особенно популярны описания смерти знаменитых мужей), драмами (VI.21). Обычай рецитаций появился при Октавиане Августе: он был введён известным собирателем и ценителем книг Азинием Поллионом [3, с. 268; 4, с. 291, прим. 3]. Плиний Мл. довольно часто посещал чтения (III.15; VIII.12). Особенно показательно в этом отношении письмо Созию Сенециону: «...в апреле не было почти ни одного дня без публичных чтений. Я бывал почти на всех чтениях... Поэтому я задержался в Риме больше, чем себе назначил» (I.13.1,5–6). Вероятно, слушание чужих произведений было для Плиния важно,

раз он предпочёл потратить время на них, а не на собственное творчество.

Много раз в письмах Плиния упоминаются трапезы. Красивые триklinии, в которых проходили обеды, в том числе и с приглашёнными друзьями, есть и в Лаврентийском поместье (*II. 17.5, 13*), и на этрусской вилле адвоката (*V.6.19, 21*). Описывая дружеские обеды у себя или в гостях, Плиний больше внимания уделяет содержанию бесед, а не описанию блюд. В письме Катилию Северу автор пишет: «Я приду на обед, но... он должен быть прост, дешёв и изобиловать только беседами в сократовском духе» (*III.12.1*). Когда же в письме Септицию Клару он описывает меню трапезы, на который Септиций не пришёл, Плиний подчёркивает безыскусственность приготовленных блюд – «...по кочанчику салата, по три улитки, по два яйца, пшеничная каша с медовым напитком, ...маслины, свекла, горлянка...» и простоту сопровождаемых обед развлечений – чтение, игра на лире, сценка из комедии (*I.15.2*). При описании обедов у Спуринны Плиний отмечает, что «обед делают ещё приятнее разыгранные комические сценки; вкусная еда приправлена литературой» (*III.1.9*). Таким образом, приём пищи превращался в интеллектуальный досуг, когда во время трапезы исполнялась музыка и разыгрывались комедии, специальные чтецы декламировали стихи, исторические сочинения или речи, а обедающие обсуждали увиденное и услышанное [2, с. 242]. Конечно, культурное сопровождение пиршества зависело от вкусов его участников: у Плиния Старшего гости могли услышать только чтение (*III.5.12*), а на приёмах в других домах увидеть выступление танцовщиц (*I.15.2*) или группы пантомимов (такую группу, например, содержала Уммидия Квадратилла) (*VII.24.4–5*) [4, с. 292, прим. 4; 5, с. 111–113; 6, с. 116–117]. У некоторых богатых римлян на обедах подавались изысканные угощения (*I.15.2*) и много вина, сама трапеза могла продолжаться три-четыре часа, а то и дольше, да и развлечения носили отнюдь не интеллектуальный характер: только танцы, выступление шутов и мимов, без философских бесед и литературных чтений [3, с. 265; 5, с. 111–113]. Но Плиний Младший многожды ратует за воздержанность трапез во всех отношениях как у себя дома, так и у друзей: «пусть все будет в меру: и убранство стола, и расходы, и обед, и время, за ним проведённое» (*III.12.5; III.1.9*).

Часть досуга знаменитого адвоката посвящалась и разного рода физическим

активностям, для чего на его загородных виллах были оборудованы специальные помещения и локации. Описывая в письме Галлу прелести Лаврентийского поместья, расположенного всего в 17 милях от Рима, Плиний упоминает площадку для игры в мяч (*II. 17.12*), разнообразные банные помещения (фригидарий, пропнигий) с несколькими бассейнами с водой различной температуры (*II.17.11*), гимнасий (видимо, импровизированный; там его «домашние разбивают зимний лагерь») (*II.17.7*), солярий (*II.17.20*). Расписывая этрусскую виллу, адвокат называет большую площадку для разных упражнений (*V.6.27*), ипподром (*V.6.28, 33, 34, 35*), множество открытых и крытых бассейнов, ванн, баню (*V.6.20, 25, 26*).

Плиний считал важным уделять «время на уход за телом: оно ведь поддерживает душу» (*I.9.4*), как он пишет в письме Миницию Фундану. Судя по содержанию его писем, Плиний ежедневно гулял и ходил в баню – это неизменные процедуры перед обедом, согласно медицинским рекомендациям знаменитого учёного-энциклопедиста Авла Корнелия Цельса (*I.2*). О ежедневных банных процедурах свидетельствует и замечание Плиния о наличии трёх платных (общественных) бань в соседней деревне, расположенной через усадьбу от его Лаврентийского поместья. Их он посещал, когда приезжал на свою виллу неожиданно или на короткий срок (*II. 17.26*). В письме своей тётке Помпейе Целерине Плиний пишет, что в её поместье есть «даже баня», что позволяет ему чувствовать себя у неё дома очень комфортно (*I.4.1–2*).

В своих письмах адвокат рассказывает, что у Спуринны в ежедневной программе были две прогулки (протяжённостью в три мили и одну милю), игра в мяч, солярий, баня (*III.1.4–8*); у Плиния Старшего – солнечные ванны (*III.5.10–11*) и баня (*III. 5.14*). Правда, как уже отмечалось выше, автор «Естественной истории» даже во время этих гигиенических процедур не отвлекался от литературных занятий: «пока его обчищали и обтирали, он что-либо слушал или диктовал» (*III. 5.14*). Как-то Плиний Старший упрекнул племянника за прогулки: «ты мог бы не терять даром этих часов» (*III. 5.14*).

Для поддержания здоровья Плиний Младший перед приёмом пищи читал вслух (*IX. 36*). – Такие действия, согласно Цельсу, способствовали укреплению желудка (*I.8*).

Адвокат любил охотиться, о чём он сообщает в нескольких письмах: «занятиями я

укрепляю душу, охотой – тело» (V.6.46; I.6; V.18.2; IX.10.1). Но и во время охоты литератор не расстаётся с табличками и стилем, размышляя и делая записи. В одном из писем Корнелию Тациту Плиний рассказывает о том, как «взял трёх кабанов» сидя у тенет, вооружённый не рогатинами и копьями, а стилем и дощечками (I.6.1). И далее советует знаменитому историку: «не пренебрегай таким способом работы: ходьба, движение удивительно возбуждают душу; а леса вокруг, уединение, само молчание, требуемое охотой, побуждают к размышлению» (I.6.2). Видимо, в охоте и рыбалке Плинию нравилась возможность уединения (II.8.1).

Плиний часто путешествует, навещая родных и друзей (I.4; VII.4; IX.10, 15). Но и во время поездок он не прекращает любимых литературных занятий (VII. 4.8; IX.10.2), подобно своему дяде (III.5.15).

Отдельно следует сказать о публичных развлечениях и зрелищах. В I–II веках н.э. было огромное количество публичных игр – *ludi*, во время проведения которых проходили гонки на колесницах, гладиаторские игры, театральные представления [3, с. 279–281]. Более трети года (а, точнее, не менее 135 дней) можно было провести в цирке или театре [8, с. 4098–4099].

Плиний не увлекается цирковыми играми, называя такое времяпровождение «пустым, пошлым делом», самым бездельным занятием. Он с наслаждением отдаёт «свой досуг литературной работе» (IX.6.3). И это при том, что проходящие в «Большом цирке» состязания на колесницах были очень популярны, о чём свидетельствуют и размеры сооружений, и количество зрителей [3, с. 293–294]. – Во времена Домициана, Нервы и Траяна цирковые игры собирали не менее четверти млн зрителей [4, с. 359, прим. 2].

В письме Кальвизию Руфу Плиний описывает не совсем достойное, по его мнению, поведение зрителей цирковых игр (на которых он, кстати, не присутствовал): «тысячи взрослых мужчин так по-детски жаждут опять и опять видеть бегущих лошадей, ... благоволят к тряпке, тряпку любят», намекая на привязанность зрителей у цирковым «партия» (IX.6.2). Тем самым, Плиний как-бы подчёркивает «неизмеримость между своей умственной культурой и уровнем интересов и вкусов толпы» [6, с. 237].

Не все интеллектуалы игнорировали цирковые представления, как Плиний. В одном из писем адвокат упоминает, что

Корнелий Тацит присутствовал на играх (IX.23.2). Причём, он сообщает об этом без единой толики осуждения или неодобрения. Посещение Тацитом отнюдь не означает, что он был большим поклонником таких развлечений. В одной из своих книг историк отмечает, что к цирку и театру привык грязный плебс и рабы (*Tac. Hist. 1.4*).

В письме сенатору Максиму Плиний одобряет («ты правильно сделал») его решение организовать в Вероне гладиаторские игры в память об умершей супруге, считает такое зрелище «самым подходящим для поминок» (VI.34.1). В этих частных гладиаторских играх приняли участие множество закупленных сенатором африканских зверей – львы и пантеры (VI.34.3).

При этом сам Плиний своему родному городку Комо ежегодно выдавал средства «не на театральные представления и не на гладиаторов, а на содержание свободнорожденных детей» (I.8.10). Если бы он хотел снискать расположение земляков, то лучше было бы выделить деньги именно на проведение гладиаторских игр, но своим решением знаменитый адвокат продемонстрировал, что не поощряет такую форму проведения досуга.

В письмах Плиния есть ещё одно свидетельство его отношения к шумным праздникам. К таким праздникам относились, в частности, Сатурналии, проходившие с 17 по 23 декабря, во время которых Рим был буквально охвачен лихорадкой [5, с. 73–76]. – Праздник начинался в храме Сатурна, когда воздух оглашался криками «*io Saturnalia*». Сатурналии были больше, чем просто праздником; они были альтернативным миром, санкционированным властями. Все, что было доминирующим в культуре, как бы перевёртывалось, становилось с ног на голову, а это означало, что и в поведении людей преобладало богохульство, грубость, развращённость [10, р. 93]. Августин так описывает участников этого веселья: «увлеченные мирским и плотским возбуждением, они празднуют под звуки фривольных и непристойных песен, развратных пиршеств и распущенных танцев» (*Aug. Serm. 198.1*).

Сатурналии праздновались не только в Риме. Находясь в этот период на Лаврентийской вилле, Плиний удалялся в любимую комнату – спальню, имеющую прекрасную звукоизоляцию. Он пишет: «когда я скрываюсь в этом помещении, мне кажется, что я ушёл даже из усадьбы, и очень этому радуюсь, особенно в Сатурналии, когда остальной дом,

пользуясь полностью этих дней, оглашается праздничными криками» (II.17.21). При этом Плиний не осуждает своих домочадцев, но сам предпочитает предаваться любимому литературному труду: «ни я не мешаю своим домочадцам, ни они мне в моих занятиях» (II.17.21). Предположим, что адвокат дистанцировался от участия и в иных подобных шумных мероприятиях, не подобающих интеллектуалу, – Цериалиев, Флоралиев, Вулканалиев и т.д. [2, с. 412; 10, с. 1099].

В целом, Плиний не моралист, он сообщает про себя «я пишу иногда ...вольные стихи, слушаю комедии, я и смотрю мимы, и читаю лириков, и понимаю поэтов, писавших во вкусе Сотада. А ещё я шучу, забавляюсь...» (V.3.2). Он не возражает принципиально против каких-либо развлечений, но сам отдаёт предпочтение литературе, считая это самым полезным видом досуга.

Плиний критикует именно бесчисленные праздники, поиск постоянных наслаждений. Так, в одном из писем он пишет: «спроси любого: «Что ты сегодня делал?», он ответит: «Присутствовал на празднике совершеннолетия», был на сговоре или на свадьбе» (I.9.2). Но адвокат также страдает от того, что

повседневные служебные дела и заботы отнимают слишком много сил и времени, не оставляя их на действительно важные дела: «один просил меня подписать завещание, другой защищать его в суде, третий прийти на совет. ...если подумаешь, что занимался этим изо дня в день, покажется бессмыслицей... И тогда вспомнишь: «сколько дней потратил я на пустяки!» (I.9.3).

Подводя итоги отметим, что в письмах Плиния Младшего присутствуют весьма разнообразные виды проведения досуга. Большая часть времени, свободного от служебных обязанностей, отводилась на интеллектуальные занятия – чтение, размышления и письмо, обсуждение прочитанного, посещение публичных рецитаций и организация чтений собственных произведений. При этом адвокат не забывал заботиться о теле, совершая прогулки, охотясь, посещая бани и дружеские обеды. Плиний не выступал против публичных зрелищ, но сам в них участия почти не принимал. Однако самой важной формой проведения досуга для знаменитого адвоката была литературная работа, в ходе которой, как он считал, создаются труды, открывающие автору путь к бессмертию.

Список литературы:

1. Альбрехт, М., фон. История Римской литературы / фон М. Альбрехт; пер. с нем. А.И. Любжина. – М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 2004. – Т. 2. – 704 с.
2. Винничук, Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима / Л. Винничук; пер. с польск. В.К. Ронина. – М.: Высшая школа, 1988. – 496 с.
3. Каркопино, Ж. Повседневная жизнь Древнего Рима. Апогей империи / Ж. Каркопино; пер. с фр. И.И. Маханькова. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 420 с.
4. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / пер. с лат. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура. – М.: Наука, 1983. – 407 с.
5. Робер, Ж.-Н. Повседневная жизнь Древнего Рима через призму наслаждений / Ж.-Н. Робер; пер. с фр. Т.А. Левиной. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 245 с.
6. Сергеенко, М.Е. Жизнь древнего Рима / М.Е. Сергеенко. – СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад»; Журнал «Нева», 2000. – 386 с.
7. Сергеенко, М.Е. О Плинии Младшем. Письма Плиния Младшего. Книги I–X / М.Е. Сергеенко.; пер. с лат. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура. – М.: Наука, 1983. – С. 274–282.
8. Тарасова, Л.В., Герасимов, Н.И. Эстетика принцепата: зрелища в контексте пропаганды Октавиана Августа / Л.В. Тарасова, Н.И. Герасимов // Научный аспект. – 2024. – № 1. – Т. 32. – С. 4097–4105.
9. Toner, J.P. Leisure and ancient Rome / J.P. Toner. – Cambridge: Polity Press, 1995. – x+198 p.
10. Toner, J.P. Popular Culture in Ancient Rome / J.P. Toner. – Cambridge: Polity, 2009. – 253 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 908

*И. А. Ульянов**научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент
А.В. Штепа***ОТРАЖЕНИЕ В ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИАЛЬНО-БИОГРАФИЧЕСКИХ
ХАРАКТЕРИСТИК РЕКТОРОВ И ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО СО-
СТАВА КАЛУЖСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

В статье проанализированы социально-биографические портреты ректоров и некоторых представителей профессорско-преподавательского состава Калужской духовной семинарии конца XVIII – начала XX веков. Выявлены основные направления в разработке затронутой темы, обозначены направления дальнейших перспективных исследований по данной проблематике.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь; Калужская епархия; духовное образование; Калужская духовная семинария; XVIII – начало XX веков.

*A. Ulyanov**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***REFLECTION IN THE HISTORIOGRAPHY OF THE SOCIO-BIOGRAPHICAL
CHARACTERISTICS OF THE RECTORS AND TEACHING STAFF OF THE KALUGA
THEOLOGICAL SEMINARY OF THE END OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES**

The article analyzes the socio-biographical portraits of rectors and some representatives of the teaching staff of the Kaluga Theological Seminary of the end XVIII – early XX centuries. The main directions in the development of the affected topic are identified, the directions of further promising research on this issue are outlined.

Keywords: Russian Orthodox Church; Kaluga Diocese; spiritual education; Kaluga Theological Seminary; XVIII – early XX centuries.

В настоящее время интерес исследователей к историческим проблемам развития духовного образования в России в целом и Калужской губернии, в частности, не угасает. Внимание уделяется и истории духовных учебных заведений, функционировавших в различных регионах Российской империи, в том числе и истории Калужской духовной семинарии (далее – КДС). Однако, несмотря на наличие ряда очерков, посвященных истории КДС, опубликованных в дореволюционный период в официальном печатном органе Калужской епархии – «Калужских епархиальным ведомостях» (далее – «КЕВ») В. Холминским [22–25] и Ф. Соколовым [15 – 18], весьма актуальными остаются слова, сказанные ещё в начале XX в. преподавателем КДС Михаилом Чельцовым: «Калужская Семинария пока не имеет своей истории. Поэтому всякое известие о жизни её будет не лишним» [24, с. 26].

Ф. Соколов в своем историческом очерке упоминает двух архимандритов Лаврентьевского монастыря, которые были начальниками – смотрителями Калужской семинарии, Никодим с 1783 г. и с 1787 г. –

Феофан, сначала игумен, а с 1798 г. архимандрит. Семинарией они управляли на основании инструкции 1779 г., данной первому архимандриту Никодиму за собственноручной подписью архиепископа Московского и Калужского Платона (Левшина) [15, с. 545–547].

Известно, что с момента открытия Калужского духовного училища в 1775 г. при Лаврентьеве монастыре, а затем его преобразования в 1776 г. в Калужскую семинарию существовали только два класса: высший и нижний грамматические грамматический. В 1780-е гг. в высшем грамматическом классе преподавали: Николай Марков (1782–1783 гг.), иерей Иоанн Михайлов, клирик Свято-Троицкого собора г. Калуги (1783–1785 гг.), Иван Воздвиженский (1785 – 1789 гг.), был назначен из Московской духовной академии (далее – МДА), его сменил тоже присланный из МДА Никита Аристархов (1789–1798 гг.), учительскую эстафету принял студент богословия Сергей Лавров (1798 – ? гг.). В нижнем грамматическом классе первым преподавал Федул Флеров (1782? – 1786 гг.), его заменил, присланный из МДА Гурий Ветошкин (1786 – май

1788 г.), следующим преподавателем стал Афанасий Беляев (1788 – ? гг.), которого заменил Семён Зверев (? – 1798 гг.), уволенный, как и учитель высшего грамматического класса Никита Аристархов по результатам ревизии, назначенной митрополитом Платоном. Вместо С. Зверева в учительскую должность вступил студент философии Александр Корсаковский. В. Холминский пишет, что Александр Корсаковский и Сергей Лавров вскоре выбыли «за малоспособностью» [21, с. 310]. В семинарии работал ещё, видимо учитель пения, который, как правило был пономарём или диаконом одного из храмов в г. Калуги [16, с. 577–578; 19, с. 73].

Следует уточнить, что по указу Св. Синода от 31 октября 1798 г. в семинариях были учреждены правления, состоявшие из ректора, исключительно из черного духовенства и префекта, ими могли быть и представители белого духовенства в тех случаях, когда за неимением ректоров они становились во главе семинарий и управляли ими на правах ректоров [7, с. 201; 13, с. 426–431].

В начале 1800 г. епископ *Калужский и Боровский Феофилакт (Русанов) перевел семинарию из Лаврентьевского монастыря* в один из корпусов Присутственных мест. По имеющимся данным передававшиеся помещения были сданы старшему учителю семинарии С.И. Лаврову, исполнявшему в тот момент должность префекта КДС, а перестройка этих помещений производилась под надзором префекта семинарии священника В.П. Платонова [17, с. 570; 22, с. 212–213; 13, с. 426–431]. 10 июня 1808 г. были уже законтрактованы подряды к работам во семинарии, но в виду перевода в 1809 г. преосвященного Феофилакта (Русанова) из Калуги на рязанскую кафедру, стройка происходила уже при преосвященном Евлампии, сначала под наблюдением ректора семинарии архимандрита Лютикова монастыря Ионы, а потом с 1810 г. под надзором преемника его ректора Иннокентия, архимандрита Боровского монастыря с прочими членами правления префектом и экономом [18, с. 602].

В. Холминский сообщает, что, занявший 20 сентября 1800 г. должность префекта, соборный иеромонах (в последствии архимандрит, настоятель Лихвинского Доброго монастыря) Вениамин, заявил о необходимости открытия в КДС классов риторического, философского, арифметики, географии, истории, а также, «для неспособных к высшим наукам учеников, русской школы» [22, с. 309,

310]. Иеромонах Вениамин просил назначить учителей для указанных дисциплин. В частности, на должность учителя русской школы планировался, находившийся в должности иподиакона, студент МДА Иван Смирновский. Однако согласно резолюции Феофилакта (Русанова) преподавателем философии был назначен сам префект о. Вениамин; арифметики, географии и истории студент богословия Баталин; русской школы успенский диакон Никита Васильев (вскоре уволенный из-за невозможности совмещать учительскую должность с диаконской) [22, с. 310].

В советский период, по идеологическим причинам, связанным с богоборческой политикой властей, к истории духовных учебных заведений на Калужской земле исследователи не обращались. За последние десятилетия появился ряд новых работ, в которых нашли отражение сюжеты из истории главного духовного учебного заведения Калужской епархии. Вклад в организацию и развитие учебного и воспитательного дела в КДС митрополита Платона (Левшина) показан в статье проректора по учебной работе КДС протоиерея Сергея Третьякова, написанной на материалах из некоторых фондов Государственного архива Калужской области и дореволюционных публикациях по истории церкви в Калужской епархии [19].

Аспекты жизнедеятельности КДС в начале XIX в. изучены Е.В. Метальниковой. На основе привлечения комплекса архивных материалов из фондов РГИА – Ф. 796 «Канцелярия Св. Синода», Ф. 797 «Канцелярия оберпрокурора Св. Синода» и др. Автором определен преподавательский состав семинарии по состоянию на 1801 г., среди них префект и учитель философии иеромонах Вениамин – сын дьячка церкви Успения Богородицы с. Веземского Звенигородской округи Московской епархии; учитель риторики и географии И. Мироносицкий – сын пономаря церкви Жен Мироносиц г. Калуги Лаврентия Иванова; учитель высшего грамматического класса и истории иеромонах Самуил – сын бывшего дьячка Ивана Климова церкви Богоявления Господня г. Калуги; учитель низшего грамматического класса и арифметики Федор Платонов – сын пономаря церкви великомученика Георгия с. Печек Жиздринской округи Ивана Николаева; учитель русской школы и низшей информатории Петр Яхонтов – сын дьячка церкви Знамения Богородицы с. Куравское Перемышльского уезда Василия Петрова; учитель греческого класса Василий Крылов –

сын священника церкви Казанской Божией Матери с. Тырново Перемышльского уезда Андрея Петрова, всего 6 человек [10, с. 25; 11, с. 41; 12, с. 112]. Как видим, пятеро из шести наставников семинарии, были, за исключением иеромонаха Вениамина, выходцами из среды духовенства Калужской губернии, причем только Василий Крылов бы сыном священнослужителя, остальные – сыновья церковнослужителей – представителей низшего духовенства.

По сведениям В. Холминского 9 сентября 1802 г. правление семинарии в лице префекта архимандрита Вениамина и учителя риторики Ивана Мироносицкого ходатайствовала перед преосвященным Феофилактом (Русановым) об открытии богословского класса и о назначении в нём преподавателя. Решением калужского архипастыря учителем богословия был назначен префект, архимандрит о. Вениамин, а преподавателем философии определен учитель низшего грамматического класса Федор Платонов [22, с. 310]. 30 сентября 1802 г. семинарское правление сделало запрос об открытии немецкого и французского классов, планируя в качестве преподавателя по немецкому языку префекта, архимандрита Вениамина, а французского – студента богословия, впоследствии учителя грамматического класса Льва Зарецкого. Владыка Феофилакт согласился с кандидатурой префекта Вениамина, как преподавателя немецкого языка, вот преподавателем французского языка был определен студент Василий Крылов, поступивший на место учителя низшего грамматического класса Федора Платонова. В тоже время преосвященный Феофилакт ввел и преподавание греческого языка, возложенное на учителя философии Федора Платонова [22, с. 311].

В целом, по оценкам исследователей, сформированный первоначальный состав преподавателей КДС, состоявший из семи наставников, практически не изменялся до преобразования семинарии в 1814 году. Исключением можно считать приглашение в семинарию в 1805 г. в качестве преподавателя медицины инспектора калужской врачебной управы доктора Раппе, в виду указа Св. Синода от 24 июля 1802 г. о введении в семинариях дисциплин по медицине и сельскому хозяйству. Кроме того, в 1806 г. в КДС французский язык преподавал этнический француз – Грезель, причём ему платили жалованье наравне с ректором семинарии, вдвое больше, чем другим наставникам [22, с. 311].

Учебные предметы по важности ранжировались следующим образом: первым наставником и преподавателем богословия, как правило обыкновенно был префект, а с 27 февраля 1805 г., со времени учреждения ректорской должности, ректор семинарии. Только однажды, после смерти префекта Вениамина в 1805 г., на его преемника, игумена Феофила было возложено преподавание философии, а чтение богословия поручено было учителю священнику Ивану Мироносицкому. Вторым преподавателем был учитель философии, чтение которой с 1806 г. поручалось обыкновенно префекту. Третьим наставником был преподаватель риторики и поэзии; а четвертым – учитель истории, преподававший иногда и поэзию, пятым и шестым – преподаватели грамматических классов, седьмым – учитель русской школы. Соответственно этому распределению и означенные выше предметы считались главными, а география, арифметика и языки составляли второстепенные предметы и возлагались то на тех, то на других наставников, по усмотрению местных архипастырей [22, с. 312].

Сохранились некоторые данные об уровне образования первых наставников КДС. Так, учитель философии, префект, а с 27 февраля 1805 г. первый ректор КДС игумен Феофил и учитель богословского класса священник Иван Мироносицкий первоначальное духовное образование получили в Калужском духовном училище при Лаврентьевом монастыре, и за отличные успехи в науках были направлены в семинарию при Троице-Сергиевой лавре, где обучались поэзии, риторике, истории и географии, философии и богословию, греческому языку. Учитель И. Мироносицкий обучался также еврейскому, немецкому и французскому языкам, а префект Феофил — еврейскому и французскому языкам. Учителя риторики и поэзии иеромонах Самуил и высшего грамматического класса студент Василий Крылов тоже были выпускниками Калужского духовного училища, затем слушали курсы риторики и поэзии, истории и географии, философии и богословия в Московской Славяно-греко-латинской академии (будущая – МДА), где обучались также греческому языку. Иеромонах Самуил ещё освоил еврейский и французский языки, а В. Крылов — французский язык. Учителя арифметики, географии и истории Василий Жегочев, грамматического класса Лев Зарецкий и информаторического класса Иван Дьяконов, окончив Калужском духовном училище, слушали уроки

по философии, первый в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, а последние два в Московской Славяно-греко-латинской академии, а потом курсы философии и богословия проходили уже в КДС. В свою очередь И. Дьяконов в 1800 г. проходил обучение в С.-Петербургской академии, где слушал лекции по богословию [22, с. 312, 313]. Итак, мы видим, что абсолютно все преподаватели КДС первого десятилетия XIX низшее духовное образование получили в Калужском духовном училище при Лаврентьевом монастыре, затем продолжили обрусение, либо в семинарии при Троице-Сергиевой лавре, либо в стенах Славяно-греко-латинской академии – предтече Московской духовной академии.

Дальнейшее изучение истории КДС происходит сквозь призму составления просопографических³ портретов ректоров семинарии сначала XIX столетия и некоторых представителей преподавательского состава. Лион А.В., Фетисова Ю.Н. отмечают, что «фигура ректора (несмотря на закрепленную уставом зависимость от правящего архиерея), как правило, оказывала значительное влияние на характер и направление духовного образования региона и играла ведущую роль в историческом развитии семинарии» [7, с. 200].

Одним из первых к исследованию биографий отдельных членов корпорации КДС конца XIX – начала XX вв. обратился известный историк-генеалог А.А. Бовкало, опубликовавший в 2009 г. доклад, в котором представлены биографические сведения о двух ректорах Калужской ДС, ныне причисленных к лику святых как новомученики: выпускнике Казанской ДА 1888 г. архимандрите А.И. Трапицыне, ректоре КДС с 25 июля 1901 г. по 13 ноября 1904 г.; архимандрите Никодиме (Коновове Александре Михайловиче), ректоре КДС с 17 ноября 1904 г. по 17 марта 1909 г. Здесь же представлена информация о будущем архиепископе Феодоре (Поздеевском Александре Васильевиче) и о преподававшем с 17 июля 1902 г. по 20 ноября 1902 г. основное, догматическое и нравственное богословие иеромонахе Виссарионе (Зорнине Василии Павловиче), также впоследствии ставшем архиереем.

А.А. Бовкало приводит сведения ещё о пяти преподавателях: преподавателе основного, догматического и нравственного богословия с 28 августа 1908 г. по 16 августа 1911 г. А.М. Туберовском; преподавателях логики и соединенных предметов Иване Пименовиче Четверикове (9 декабря 1899 г. – август 1905 г.) и А.А. Каэласе (25 августа 1905 г. – 15 августа 1908 г.); преподавателе обличительного богословия с 14 июля 1914 г. М.И. Помазанском; преподавателе теории словесности и истории русской литературы Льве Николаевиче Парийском (28 октября 1915 г. – сентябрь 1916 г.), будущем секретаре Патриарха Алексия I (Симанского), секретаре Учебного комитета при Св. Синоде, награжденном медалью за «Оборону Ленинграда». Всего по данным, которые приводит А.А. Бовкало с конца XIX в. по 1918 г. членами корпорации КДС побывало около 50 человек. Многие из них служили в Калуге очень недолго — всего несколько лет, а то и месяцев [1].

Лиону А.В., Фетисовой Ю.Н. на широкой источниковой базе, включающей: нормативно-правовые документы (Уставы ДА и ДС), указы Св. Синода о назначениях ректоров ДС; делопроизводственную документацию: формулярные и послужные списки начальников и наставников КДС, извлечённых из фондов ГАКО: «Калужская духовная консистория» (Ф. 33), «КДС» (Ф. 65), «Калужский архиерейский дом» (Ф. 143), «Перемышльское духовное правление» (Ф. 261), «Калужский епархиальный совет при епископе Калужском и Боровском» (Ф. 1267) удалось воссоздать социально-биографические портреты 18 лиц, занимавших ректорскую должность в КДС с момента её учреждения в 1805 г. (напомним, что с 1800 до 1805 г. внутреннее управление КДС осуществлялось префектами) и до закрытия семинарии в 1918 г. Не совсем понятно, почему авторы статьи упомянув об исполнявшем на ранней стадии развития учебного заведения должность префекта КДС учителя семинарии С.И. Лаврова, префекта семинарии священника В.П. Платонова, а также исполнявшего с 1803 г. должность префекта, игумена (с 1807 г. — архимандрита) Феофил (Ф.И. Платонов) [7 с. 201],

³ Просопография (иногда также «прозопография»; от др.-греч. «лицо, личность» и «пишу»): 1) специальная историческая дисциплина, изучающая биографии исторических лиц определенной эпохи или местности с общими политическими, социаль-

ными или этническими чертами, занимавших определенную должность; 2) метод создания коллективных биографий, позволяющий получить описание наиболее типичных представителей какой-либо социальной группы [7, с. 200].

ничего не сказали о сменившем в 1800 г. священника В.П. Платонова на должности префекта иеромонах (впоследствии архимандрита, настоятеля Лихвинского Доброго монастыря Вениамина, предшественника архимандрита Феофила [22, с. 309].

Исследователи подчеркивают, что на настоящий момент существует весьма скудная информация об архимандрите Иннокентии (Тихомирове) и почти нет сведений о судьбе архимандритов Агапита (Лопатина) после 1860 г. и Асинкрита (Верещагина) после 1877 г. В их работе представлен полный список ректоров КДС. Авторы таким «рисуют» коллективный социально-биографический портрет ректуры КДС. Калужские ректоры в основном не были уроженцами Калужской губернии, чаще всего являясь «великороссами» — русскими, происходившими из духовного сословия, в основном из семей сельских священников. Все ректоры КДС получали образование в духовных училищах и семинариях, в большинстве случаев, не в Калужской епархии (14 персоналий). В соответствии с требованиями Уставов ДС, ректоры, занимавшие должность с 1821 г., являлись выпускниками в основном — СПбДА (до 1821 г. — были выпускниками Троицкой Лаврской семинарии), и имели учёные степени кандидата или магистра богословия. Возраст вступления в ректорскую должность составлял обычно около 38–40 лет. Срок пребывания на посту начальника КДС мог продолжаться от одного года (архимандрит Мисаил (Михаил Иванович Крылов), ректор в 1878–1879 гг. и архимандрит Авраамий (Александр Иванович Летницкий), ректор в 1879–1880 гг.) до 20 лет (протоиерей Дмитрий Георгиевич Лужецкий, ректор 1881–1901 гг.), как правило, от 2 до 9 лет (для 14 персоналий). Должность ректора обычно была своеобразным трамплином для дальнейшего продвижения в духовной карьере [Подробнее см.: 7, с. 202–204].

Те же авторы в 2010 г. опубликовали обстоятельную, основанную на архивных источниках из Ф. 65 «КДС» (ГАКО), повествующую о годичном опыте преподавания основного, догматического и нравственного богословия с октября 1901 г. по июль 1902 г. о. Фёдора (Поздеевского) [8].

«Эстафета» в изучении эпизодов биографий ректорского и преподавательского состава КДС была подхвачена другими авторами. К 240-летию юбилею семинарии в журнале «Православный христианин» была опубликована статья научно-популярного

характера, посвященного биографиям 13 ректоров КДС, среди них митрополит Иона (Василевский), руководил КДС с 1808 по 1810 г.; епископ Феофилакт (Ширяев), руководил КДС с 1814 по 1821 г.; архиепископ Венедикт (Григорович), руководил КДС с 1821 по 1829 г.; архиепископ Владимир (Алявдин), руководил КДС с 1829 по 1834 г.; епископ Израиль (Лукин), руководил КДС с 1834 по 1843 г. и др. [14].

Цикл статей биографического характера, раскрывающих этапы служения в КДС ректоров епископа Муромского Александра (Трапицына), епископа Белгородского Никодима (Кононова) и преподавателя А.М. Туберовского, причисленных впоследствии к лику святых был опубликован в журналах Калужской митрополии «Православный христианин» и «Богословско-исторический сборник» членом калужской епархиальной комиссии по канонизации святых Олегом Алексеевичем Кизяевым [4; 5; 6]. Отметим публикацию Е. Грековой, посвященную священномученикам — выпускникам КДС — о. И. Сперанскому и о. С. Покровскому [3].

Более подробно опыт служения в должности последнего ректора КДС в 1909–1918 гг. о. А.А. Преображенского и постановка учебного дела в семинарии при нём представлены в статьях Е. Грековой и Е.В. Метальниковой [2; 9]. Как отмечают исследователи: «Послужной список А. Преображенского свидетельствует о том, что он отдавал работе много сил, стараясь добиться хороших знаний у воспитанников по разным предметам, которые преподавал» [9, с. 245].

Выделим статью протоиерея, о. Сергия Третьякова, основанную на привлечении архивных материалах «Преподаватель Калужской духовной семинарии Д. В. Смирнов — участник Собора Православной Российской Церкви», посвященную работе в КДС одного из известных и уважаемых, как среди коллег, так и среди студенческой корпорации преподавателей, который, не имея священнического сана, был делегирован от мирян для участия в работе Поместного Собора РПЦ в 1917 г. [20].

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что сегодня исследователями, краеведами, изучаются различные аспекты, связанные с генезисом духовного образования в России в целом и в Калужской губернии, в частности. На региональном уровне целый ряд работ посвящён отдельным сюжетам истории Калужской духовной семинарии, дающих возможность реконструировать просопографический портрет,

в основном ректуры КДС и лишь некоторых преподавателей семинарии, узнать историю начального этапа функционирования КДС. Специальных работ, отображающих историю КДС на всех этапах её исторического развития на сегодняшний момент нет. На наш взгляд, сегодня явно назрела необходимость в комплексном исследовании, в котором с позиций современной исторической науки были в

региональном срезе проанализированы все основные сюжеты, связанные с историей такого довольно крупного регионального образовательного центра, каким была в имперский период Калужская духовная семинария, более пристального внимания для изучения требуют и биографические портреты не только ректорского корпуса, но профессорско-преподавательского состава КДС в целом.

Список литературы:

1. Бовкало, А.А. Биографии некоторых членов корпорации КДС конца XIX – начала XX вв. / А.А. Бовкало // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья: мат-лы XIII Всерос. науч. конф., посвящ. 200-летию Н.В. Гоголя. – Калуга: Изд-во «Полиграф-Информ», 2009. – С. 109–113.
2. Грекова, Е. Ректор Калужской духовной семинарии. Памяти Алексея Александровича Преображенского / Е. Грекова // Православный христианин. – 2021. – №3. – С. 10–13.
3. Грекова, Е. За Христа жизнь отдавшие (О священномучениках – выпускниках КДС – И. Сперанском и С. Покровском) / Е. Грекова // Православный христианин. – 2016. – № 6. – С. 27–30.
4. Кизяев, О. Небесные покровители Калужской духовной семинарии. Ч. 1. Епископ Муромский Александр (Трапицын) / О. Кизяев // Православный христианин. – 2015. – № 10. – С. 20 – 24; 2016. № 1. – С. 16–20.
5. Кизяев, О. Небесные покровители Калужской духовной семинарии. Ректор КДС (1904–1909 гг.) священномученик Никодим (Кононов), епископ Белгородский. Ч. 2 / О. Кизяев // Православный христианин. – 2016. – № 2. – С. 22 – 26; 2016. – № 4. – С. 21–26; 2016. – № 7. – С. 15–19.
6. Кизяев, О. Святые новомученики и исповедники в Земле Калужской просиявшие и Калужская Духовная семинария / О. Кизяев // Богословско-исторический сборник. – 2017. – Вып. №9. – С. 94–102.
7. Лион, А.В., Фетисова, Ю.Н. Ректура КДС (конца XIX – начала XX вв.). Просопографический аспект / А.В. Лион, Ю.Н. Фетисова // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Мат-лы XV Всерос. науч. конф., посвящ. 400-летию Дома Романовых и 250-летию адмирала Д.Н. Сенявина. – Калуга: Изд-во «Фридрихсбург», 2013. – С. 200–205.
8. Лион, А.В., Фетисова, Ю.Н. Федор (Поздеевский), архиепископ Волоколамский. Год преподавания в КДС / А.В. Лион, Ю.Н. Фетисова // Мат-лы науч. конф., посвящ. 90-летию ГАКО. – Калуга: ООО «Ноосфера», 2010. – С. 484–512.
9. Метальникова, Е.В. А.А. Преображенский – Ректор Калужской духовной семинарии / Е.В. Метальникова // Калуга в шести веках: мат-лы 13-й город. краевед. конф. – Калуга: «Моя Калуга», 2021. – С. 243–250.
10. Метальникова, Е. Калужская духовная семинария в начале XIX в. / Е.В. Метальникова // Православный христианин. – 2016. – № 6. – С. 22–26.
11. Метальникова, Е.В. К 240-летию Калужской духовной семинарии. Страницы истории КДС начала XIX в. / Е.В. Метальникова // Калуга в шести веках: мат-лы 11-й город. краевед. конф. – Калуга: Изд-во АКФ «Политоп», 2017. – С. 35–50.
12. Метальникова, Е.В. К 240-летию Калужской духовной семинарии: страницы истории начала XIX в. / Е.В. Метальникова // Богословско-исторический сборник. – 2017. – Вып. №9. – С. 103–118.
13. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Т. XXV. 1798 — 1799 гг. № 18726. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 932 с.
14. Ректоры Калужской духовной семинарии // Православный христианин. – 2016. – № 6. – С. 10–21.
15. Соколов, Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии в период с 1794—1814 год / Ф. Соколов // КЕВ. 1902. № 21. 15 ноября. Неоф. ч. С. 544 – 549.
16. Соколов, Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии в период с 1794—1814 год / Ф. Соколов // КЕВ. 1902. № 22. 30 ноября. Неоф. ч. С. 577 – 584.

17. Соколов, Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии в период с 1794—1814 год / Ф. Соколов // КЕВ. 1903. 15 нояб. № 21. Ч. неоф. С. 569–575.
18. Соколов, Ф. Материалы для истории Калужской духовной семинарии в период с 1794—1814 год / Ф. Соколов // КЕВ. 1903. № 22. 30 ноября. Неоф. Ч. С. 601–605.
19. Третьяков, Сергей, прот. Калужская духовная семинария при митрополите Платоне (Левшине) / прот. С. Третьяков // Богословско-исторический сборник. – 2021. – Вып. № 2 (21). – С. 69–81.
20. Третьяков, Сергей, прот. Преподаватель Калужской духовной семинарии Д. В. Смирнов – участник Собора Православной Российской Церкви / прот. С. Третьяков // Богословско-исторический сборник. – 2024. – Вып. № 2 (33). – С. 65–79.
21. Х-кий [Холминский], В. Материалы для истории Калужской духовной семинарии // КЕВ. 1866. № 7. Прибавления. С. 210–224
22. Х-кий [Холминский], В. Материалы для истории Калужской духовной семинарии / В. Х-кий [Холминский] // КЕВ. 1866. № 11. Прибавления. С. 309–325.
23. Х-кий [Холминский], В. Материалы для истории Калужской духовной семинарии / В. Х-кий [Холминский] // КЕВ. 1866. № 1 5. Прибавления. С. 456–473.
24. Х-кий [Холминский], В. Материалы для истории Калужской духовной семинарии // В. Х-кий [Холминский] // КЕВ. 1866. № 20. Прибавления. С. 606–627.
25. Чельцов, М. Калужская Духовная Семинария в 1801 г. / М. Чельцов // Калужская старина. Год 2-й. Т. 2. Кн. 2. – Калуга: Тип-я Калужского губернского правления, 1902. – С. 26–29.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 94(398.2)

Н.А. Филимонов

**CONDITA COLONIA DACICA: ПЕРВЫЕ НАМЕСТИКИ
РИМСКОЙ ПРОВИНЦИИ ДАКИИ – ЮЛИЙ САБИН И ДЕЦИМ ТЕРЕНЦИЙ СКАВРИАН**

В статье анализируется деятельность Юлия Сабина (*Iulius Sabinus*) и Децима Теренция Скавриана (*Decimus Terentius Scaurianus*) в качестве первых наместников римской провинции Дакия.

В историографии по данному вопросу существовала точка зрения, согласно которой именно Скавриан был первым *legatus Augusti pro praetore provinciae Daciae*, однако обнаруженный в Рановаце военный диплом (RMD. III. 148 = IDRE. II. 307 = ILD. 10) позволяет предположить, что его предшественником был Юлий Сабин. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть дату образования колонии *Ulpia Traiana Augusta Dacica*, строительство которой было начато при Теренции Скавриане. Учитывая тот факт, что для указанных римских деятелей пост наместника в Дакии считается единственной засвидетельствованной должностью в их *cursus honorum*, в статье рассматриваются в т.ч. возможные варианты развития карьеры военачальников.

Ключевые слова: римская Дакия; Юлий Сабин; Децим Теренций Скавриан; Сармизегетуза.

N.A. Filimonov

**CONDITA COLONIA DACICA: THE FIRST GOVERNORS
OF THE ROMAN PROVINCE OF DACIA –
JULIUS SABINUS AND DECIMUS TERENTIUS SCAURIANUS**

The article analyzes the activities of Julius Sabinus and Decimus Terentius Scaurianus as the first governors of the Roman province of Dacia. There is a point of view in historiography on this issue, according to which it was Scaurianus who was the first *legatus Augusti pro praetore provinciae Daciae*, however, a military diploma found in Ranovac (RMD. III. 148 = CORE. II. 307 = ILD. 10) suggests that his predecessor was Julius Sabinus. In this regard, there is a need to review the date of the establishment of the colony *Ulpia Traiana Augusta Dacica*, the construction of which was started under Terentius Scaurianus. Considering the fact that for these Roman figures, the post of governor in Dacia is considered the only attested position in their *cursus honorum*, the article discusses, among other things, possible career development options for statesmen.

Keywords: Roman Dacia; Julius Sabinus; Decimus Terentius Scaurianus; colonia *Ulpia Traiana Sarmizegetusa*.

Результатом двух войн под предводительством императора Траяна к северу от нижнего течения Дуная в 101–102 гг. и 105–106 гг. соответственно стало включение Дакийского царства в состав римского государства. Отметим, что Г. Баэштан и В. Бойча датируют вторую военную кампанию 105–109 гг., разделяя ее на два периода. В первый этап (105–107 гг.), происходили основные крупные военные конфликты между войсками Траяна и Децебала; во время же второго, т.е. в 107–109 гг., римские войска боролись только с очагами сопротивления непокоренных даков и других варварских племен на севере [8].

Овладение задунайским регионом для Рима было важным с военно-стратегической точки зрения. После окончательного покорения царства Децебала и строительства сети фортификационных сооружений на завоеванных землях, Дакия стала мощным форпостом

всего обширного дунайско-балканского региона, на котором Империя останавливала вторжения варварских племён из Восточной Европы.

Присоединенные территории были преобразованы Траяном в проконсульскую провинцию. Статус проконсула (*proconsul*) позволял наместнику максимально оперативно установить римские институты власти и порядки на новых территориях. При наместнике располагался штат административных служащих (*officium consularis*), состоявший из воинов и младших легионных офицеров, а также аппаратчиков (*apparitores*) из числа свободных граждан, вольноотпущенников и рабов [3, с. 60–61]. Отметим, что на территории провинции до ее реорганизации в 118 г. базировались два легиона: IV Счастливый Флавиев – в Берзобисе, и XIII Парный – в Апуле. Также существуют косвенные свидетельства, что в Апуле

была расквартирована вексилляция I Вспомогательного легиона [2, с. 163].

На текущий момент нам известно пять наместников римской Дакии с момента основания провинции до ее территориально-административной реформы, проведенной Квинтом Марцием Турбоном по поручению императора Адриана. Все они были лояльны Траяну и являлись его верными военачальниками [4, с. 46].

Ранее в историографии было принято считать именно Децима Теренция Скавриана (*Decimus Terentius Scaurianus*) первым известным наместником римской Дакии, однако, как следует из обнаруженного в Рановаце военного диплома (RMD. III. 148 = IDRE. II. 307 = ILD. 10), до вышеупомянутого римского деятеля в качестве *legatus Augusti pro praetore* провинции фиксируется Юлий Сабин (*Iulius Sabinus*). На сегодня это единственный известный пункт в *cursus honorum* римского деятеля. Прежде предполагалось, что Юлий Сабин мог быть прокуратором, однако эта версия ошибочна [19, с. 474]. Более того, в «Письмах» Плиния Младшего (Plin. Ep. IX. 2, 18) упоминается некий Сабин, наместник военной провинции, которого К. Вачтел сопоставляет с «дакийским» Юлием Сабинном [19, с. 477], однако на сегодня Сабина из «Писем» принято отождествлять с Публием Метилием Сабинном Непотом (*Publius Metilius Sabinus Nepos*) [12, р. 124–125], консулом-суффектом 91 г.

По всей вероятности, главной задачей наместника римской Дакии была военная организация новообразованной провинции, а также строительство лагерей и дорог [17, с. 109]. Кроме этого, учитывая вышеупомянутый военный диплом из Рановаца, мы можем выделить новые моменты в хронологии римской Дакии. Во-первых, провинция, вероятнее всего, была образована в 108 г. [5, р. 64], до окончательного завершения войны с даками [8, р. 32–33], но при условии, что мы принимаем аргументацию Г. Баэштана и В. Бойчи. В эпиграфическом материале римской Дакии Юлий Сабин фиксируется к концу 106 г. в качестве легата XIII Парного и I Вспомогательного легионов, которые встали лагерем близ совр. г. Хацег; его задачей был поиск и ликвидация царя даков Децебала [Ibid., р. 48]. Исходя из результатов сопоставления имен в военных дипломах, Г. Баэштан пришел к выводу, что Юлий Сабин находился в провинции до 108–109 г. [5, р. 54–57]. В то же время необходимо отметить, что в своей ранней работе исследователь озвучивает несколько иные

даты, а именно – 109–110 гг. [7, р. 195–196]. Однако, можно датировать срок полномочий наместника в провинции 106–108/109 гг.

Во-вторых, *colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica*, в будущем *colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica Sarmizegetusa*, вероятнее всего, была основана в 109–110 гг., но не в 106 г., как предполагалось ранее [5, р. 63], поскольку точно известно, что главный город римской Дакии был заложен при Теренции Сквариане, о чем явно свидетельствует посвятельная надпись из столицы провинции (CIL. III. 1443 = IDR. III. 2. 1 = ILD. 238):

Auspiciis / [Imp(eratoris)] Caes(aris) divi Nervae f[il(i)] / [Nervae] Traiani Augusti / [Germ(anici) Dacici] condita colonia / [Ulpia Traiana Augusta] Dacica / [Sarmizegetusa] per / [D(ecimum) Terenti]um Scaurianum / [legatum] eius pro pr(aetore).

Помимо этого, как указывает К. Штробель, штаб Юлия Сабина находился именно на месте будущей колонии [17, с. 109].

Сегодня мы не располагаем сведениями о дальнейшей карьере первого наместника римской Дакии. Как предполагает К. Вачтел, Юлий Сабин теоретически мог быть консулом в 115 г. [19, с. 475], однако, на наш взгляд, подобный довод не соответствует проконсульскому статусу римской Дакии в период правления Траяна. Вероятно, в дальнейшем родственники наместника могли входить в состав провинциальной элиты, о чем может свидетельствовать посвящение от дважды дуумвира и патрона Дробеты (*bis Ilviralis et patronus municipii Hadriani Drobotae*) Гая Юлия Сабина (*Caius Iulius Sabinus*) (AE. 1983. 867 = AE. 1979. 520 = ILD. 54).

В историографии существуют различные мнения по поводу карьерного пути Децима Теренция Скавриана до его назначения на пост наместника римской Дакии. Нам известны два эпиграфических памятника, обнаруженных в Риме (CIL. VI. 1444 = IDRE. 6 = AE. 1982. 678) и Нарбонской Галлии (CIL. XII. 3169 = IDRE. I. 183 = AE. 1982. 678 = AE. 2018. 28), в которых гипотетически может быть изложен *cursus honorum* сенатора, однако мы согласимся с позицией В. Эка, согласно которой подобное отождествление невозможно, поскольку для этого не хватает действительно весомых аргументов [9, с. 156]. К. Джонс пришел к выводу, что вышеуказанные памятники соотносятся с карьерным путем Квинта Сосия Сенециона (*Quintus Sosius Senecio*), ординарного консула 107 г. [13, р. 104]. Следовательно, на данный момент мы не располагаем

точными сведениями о карьере Скавриана до наместничества в задунайской провинции. Отметим лишь, что Р. Сайм датировал консульство сенатора либо 102 г., либо 104 г. [18, p. 133], что, в свою очередь, хронологически позволяло римскому деятелю возглавить проконсульскую провинцию в 109/110 г.

О периоде наместничества Теренция Скавриана в римской Дакии нам известно из десяти эпиграфических памятников, обнаруженных в Сармизегетузе (CIL. III. 1443 = IDR. III. 2. 1 = ILD. 238; AE. 1998. 1084. = ILD. 237), Поролиссе (AE. 1944. 57 = CIL. XVI. 160 = IDR. I. 1; CIL. XVI. 163 = IDR. I. 3 = AE. 1944. 58), а также на территории Верхней Паннонии (CIL. XVI. 57 = III. 868 = IDR. I. 2), Верхней Мезии (RMD. 148 = IDRE. II. 307 = ILD. 10) и неустановленной провинции (RMD. 343 = ILD. 11 = AE. 2002. 1741; AMN. 2018. 27. 2 = AE. 2018. 1981; RMD. IV. 220; AE. 2011. 1790 = 2018. 1367). Исходя из того факта, что первым наместником провинции был Юлий Сабин, начало наместничества Скавриана в Дакии можно датировать 109/110 г. [14, s. 16]. В одновременном подчинении сенатора, как было отмечено ранее, было два базировавшихся в провинции легиона, а также, в частности, Первая Флавиева Ульпиева когорта Испанцев (*I Flavia Ulpia Hispanorum miliaria civium Romanorum equitata*), задачей которой, вероятно, было прокладывание дороги на север для дальнейшего освоения провинции [7, p. 196].

В обязанности самого Теренция Скавриана входило продолжение организации провинции и установление римской власти на новых территориях. Подобная задача была действительно трудоемкой, поскольку требовалось не только усмирить потерявших независимость даков и проконтролировать расселение крупных волн колонистов со всей территории Империи, но также организовать в Дакии оборонительную систему для противодействия варварским племенам, стремившимся проникнуть на территорию Трансильванского плато [16, p. 151]. Именно во время наместничества Децима Теренция Скавриана была образована колония *Ulpia Traiana Augusta Dacica* (CIL. III. 1443 = IDR. III. 2. 1 = ILD. 238), получившая название Сармизегетуза (*Sarmizegetusa*) – в честь бывшей столицы даков – уже при Адриане, в 118 г. [1, с. 22]. Возведение главного города провинции можно датировать, как уже отмечалось, не ранее 109–110 гг.; до этого момента штаб наместника

располагался в военном лагере на этой территории [6, p. 133–134].

Кроме этого, во время наместничества Теренция Скавриана в провинции в источниках обнаруживается военный трибун XIII Парного легиона Децим Теренций Генциан (*Decimus Terentius Gentianus*) (CIL. III. 1463 = IDR. III. 2. 99), консул 117 г., который, вероятнее всего, был приемным сыном наместника. Его нахождение в римской Дакии, безусловно, можно датировать временем наместничества отца, поскольку такая практика была общепринятой в отношении карьеры детей сенаторов [1, с. 23]. Отметим, что Генциан ранее считался преемником Скавриана на посту наместника римской Дакии, период наместничества которого датировался 113–117 гг. [11, p. 92, 94], однако подобная гипотеза на сегодня считается ошибочной ввиду открытия новых сведений относительно хронологии занятия главных административных постов провинции.

О дальнейшей карьере сенатора свидетельствует посвящение из Филипп (IDRE. II. 363 = AE. 1974. 589 = AE. 1985. 721), согласно которому Теренций Скавриан являлся наместником недавно покоренной Месопотамии (10, p. 146–147), т.е. в 116 г. По мнению М. Шпайделя, сенатор является единственным наместником провинции Месопотамии, Ассирии или Армении, что могло быть пиком его карьеры. Кроме того, он мог погибнуть в 116 г. во время контрнаступления парфянских войск [16, p. 152–153]. Следовательно, хотя мы и не можем полностью точно восстановить карьерный путь Децима Теренция Скавриана, однако с уверенностью можем утверждать, что сенатор пользовался максимальным доверием Траяна и являлся одним из его основных сподвижников в политической жизни Империи.

Итак, мы изложили известные на сегодня сведения о двух первых наместниках римской провинции Дакия. Их первоочередной задачей было установление римской власти на территории провинции. Статус проконсула позволял им использовать все воинские подразделения на территории провинции для подавления очагов сопротивления покоренного населения, а также защиты дунайского региона от вторжения варварских племен с севера. Столица римской Дакии – колония Ульпия Траяна – вероятнее всего, была основана в 109–110 гг., а не в 106 г., как считалось ранее. Наконец, ввиду малочисленности сохранившихся сведений карьерный путь сенаторов можно частично восстановить только в случае Децима Теренция Скавриана.

Список литературы:

1. Колосовская, Ю.К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии / Ю.К. Колосовская // Вестник древней истории. – 1988. – №4 (187). – С. 20–36.
2. Попов, М.В. Легионы римской провинции Дакии / М.В. Попов // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2002. – №12. – С. 162–174.
3. Смышляев, А.Л. Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. / А.Л. Смышляев // Вестник древней истории. – 1979. – №3 (149). – С. 60–81.
4. Филимонов, Н.А. Назначение наместников в римскую провинцию Дакия при династии Антонинов: требования к кандидатам / Н.А. Филимонов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2020. – №3. – С. 44–49.
5. Băeștean, G. Când a fost fondată provincia Dacia? / G. Băeștean // Sargetia. Acta Musei Devensis. – 2021. – Vol. 12. – Pp. 51–68.
6. Băeștean, G. Castrul de la Sarmizegetusa / G. Băeștean // Sargetia. Acta Musei Devensis. – 2012. – Vol. 3. – Pp. 131–150.
7. Băeștean, G. Începuturile provinciei Dacia și prima diplomă militară de la Porolissum / G. Băeștean // Sargetia. Acta Musei Devensis. – 2015. – Vol. 6. – Pp. 193–197.
8. Băeștean, G., Boicea, A.V. About the Second Dacian-Roman War (105-...) / G. Băeștean A.V. Boicea // Sargetia. Acta Musei Devensis. – 2017. – Vol. 8. – Pp. 29–55.
9. Eck, W. CIL VI 1444 + CIL XII 3169: Die Laufbahn des D. Terentius Scaurianus? / W. Eck // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1983. Bd. 52. S. 151-156.
10. Gazdac, C. Tiberius Claudius Maximus, the captor of the Dacian king Decebalus – the most decorated Roman intelligence officer / C. Gazdac // Romanian Intelligence Studies Review. București: “Mihai Viteazul” National Intelligence Academy. 2021. №25. P. 144-155.
11. Horovitz, F. Despre organizația administrativă a Daciei Traiane până la Marcu Aurel / F. Horovitz // Cercetari istorice. – 1932. – Vol. 5-6. – Pp. 87-160.
12. Jones, C.P. A new commentary on the Letters of Pliny // Phoenix. – 1968. – Vol. 22. – №2. – Pp. 111–142.
13. Jones, C.P. Sura and Senecio / C.P. Jones // The Journal of Roman Studies. – 1970. – Vol. 60. – №1. – Pp. 98–104.
14. Piso, I. Fasti provinciae Daciae I: die senatorischen Amtsträger. Antiquitas: Abhandlungen zur alten Geschichte / I. Piso. – Bonn: Habelt, 1993. – 339 s.
15. Sharankov, N. Five Official Inscriptions from Heraclea Sintica Including a Record of the Complete cursus honorum of D. Terentius Gentianus // Archaeologia Bulgarica. – 2021. – Vol. 25. – №3. – Pp. 1–43.
16. Speidel, M. The Captor of Decebalus. A New Inscription from Philippi / M. Speidel // Journal of Roman Studies. – 1970. – Vol. 60. – Pp. 142–153.
17. Strobel, K. Die Eroberung Dakiens - Ein Resümee zum Forschungsstand der Dakerkriege Domitians und Traians / K. Strobel // Dacia. Nouvelle Série. – 2006. – Vol. 50. Ss. 105–114.
18. Syme, R. The Friend of Tacitus / R. Syme // Journal of Roman Studies. – 1957. – Vol. 47. – №1–2. – Pp. 131–135.
19. Wachtel, K. War D. Terentius Scaurianus der erste Statthalter Dakiens / K. Wachtel // Klio. – 1990. – Bd. 72. – Ss. 473–477.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПОЛИТИКА

УДК 327.7

А.А. Ворожун, В.В. Курков

ООН – ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу исторического опыта функционирования ООН и её сложному нынешнему положению, обусловленному глобальными вызовами XXI в. В статье рассматривается комплекс проблем связанных с взаимодействием трёх структурообразующих уровней работы этой сложной и ключевой международной организации: «первой организации ООН» (объединяющей государства), «второй организации ООН» (её секретариата) и «третьей организации Объединённых Наций» (включающей неправительственные организации и неофициальных лиц). Острейшие и многочисленные внутренние и межгосударственные конфликты наряду с комплексом нерешённых и нарастающих глобальных проблем определяют для мирового сообщества необходимость в наличии мощной международной организации, в задачи которой входит поддержание порядка и безопасности и установление мира во всем мире. На протяжении последних почти восьми десятилетий такой организацией является ООН. В статье сделан вывод о назревшей потребности как мирового сообщества в целом, так и ведущих стран в осуществлении реформирования Совета Безопасности ООН, включая расширение числа постоянных и непостоянных членов с правом вето, чтобы сделать его состав более представительным и отражающим современную геополитическую реальность. Однако, достижение консенсуса по этому вопросу в ближайшем будущем представляется крайне сложным из-за противоречий интересов крупнейших держав.

Ключевые слова: ООН; Совет Безопасности; Международная организация труда; ЮНИСЕФ; неправительственные организации; ЮНЕСКО.

А.А. Vorozhun, V.V. Kurkov

THE UN IS THE HISTORICAL EXPERIENCE AND CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

The article is devoted to the analysis of the historical experience of the UN functioning and its complex current situation caused by the global challenges of the 21st century. The article examines a set of problems associated with the interaction of three structure-forming levels of work of this complex and key international organization: the "first UN organization" (uniting states), the "second UN organization" (its secretariat) and the "third United Nations" (including non-governmental organizations and unofficial persons). The most acute and numerous internal and interstate conflicts along with a set of unresolved and growing global problems determine the need for the world community to have a powerful international organization whose tasks include maintaining order and security and establishing peace throughout the world. Over the past almost eight decades, such an organization has been the UN. The article concludes that there is an urgent need for both the world community as a whole and leading countries to reform the UN Security Council, including expanding the number of permanent and non-permanent members with veto power, in order to make its composition more representative and reflective of modern geopolitical reality. However, achieving consensus on this issue in the near future seems extremely difficult due to the conflicting interests of the largest powers.

Keywords: The Constituent Assembly; a Special meeting; the national question; the Regulations on elections to the Constituent Assembly.

Организация Объединённых Наций была создана в ходе двух чрезвычайных конференций на завершающем этапе Второй мировой войны: в Дамбартон-Оуксе в августе – октябре 1944 г. [9, с. 54] и в Сан-Франциско в апреле – июне 1945 г. На конференции в Дамбартон-Оуксе принимали участие Великобритания, СССР, Соединённые Штаты и Китай.

История Дамбартон-Оукс ознаменовалась первыми шагами по установлению послевоенного порядка и неизбежными противоречиями союзников по антигитлеровской коалиции (в том числе острыми дискуссиями по поводу будущего членства в ООН двух советских республик: Украины и Белоруссии, что давало СССР дополнительные голоса), но, тем не

менее, подготовило решающую конференцию в Сан-Франциско в 1945 г., которая формально и положила начало Организации Объединённых Наций [9, с. 54–55, 79–80, 146–147]. Плодотворные политические дискуссии на фоне завершения самой страшной войны в истории человечества о необходимости международной организации по поддержанию мира и безопасности, в ходе двух этих конференций породили и её официальное название и сформировали программу её деятельности [7]. Обсуждение этой проблемы со стороны лидеров антигитлеровской коалиции проходило в напряжённых обстоятельствах, когда исход войны всё ещё был далёк от завершения, важность индивидуальных национальных интересов для главных сторон и конкурирующие точки зрения на международную организацию после печального опыта Лиги Наций – всё это сыграло свою роль. Тем не менее, все дискутирующие стороны понимали, какая возможность открывалась перед мировым сообществом в 1945 г. Другими словами, Организация Объединённых Наций, являющаяся неизменной частью современных международных отношений, была, в значительной степени, порождением политического и морального шока, вызванного потрясениями 1939–1945 гг.

Предложения о создании новой всемирной организации, разработанные США, Великобританией, Советским Союзом и Китаем на конференции в Дамбартон-Оуксе в сентябре–октябре 1944 г., не оправдали ожиданий правозащитного движения. Против американского предложения включить в Хартию заявление о принципах соблюдения прав человека выступили как Великобритания, так и СССР. Китайское предложение включить в Хартию принцип равенства всех рас (напоминает японское предложение на Парижской мирной конференции 1919 года) было отвергнуто Соединёнными Штатами [5]. В результате проект хартии, подготовленный в Дамбартон-Оуксе, упомянул права человека только в одном месте, в одной из последних глав, где говорилось, что организация должна способствовать решению международных экономических, социальных и других гуманитарных проблем и способствовать уважению прав человека и основных свобод.

На конференции в Сан-Франциско, где присутствовали представители 50 государств, большинство из которых были задействованы в противостоянии со странами гитлеровской Оси, был утверждён Устав ООН. Хотя многие

из участников были не согласны с уставом, разработанным четвёркой ведущих держав, они в конечном итоге его приняли. В результате, на форуме в Сан-Франциско, были введены строгие нормы о правах человека, более жёсткие, чем те, что ранее обсуждались на конференции в Дамбартон-Оуксе. Устав ООН был подписан 26 июня 1945 г., уже после завершения военных действий в Европе и действует с ряд поправок и поныне [10].

Для полного понимания важности деятельности Организации Объединённых Наций в развитии мирового сообщества необходимо осознать сложную и многоуровневую структуру этой организации и, прежде всего, преодолеть устаревшую концепцию двойного деления, предложенную Инисом Клодом, который выделял всемирную организацию как структуру, объединяющую государства («первую организацию ООН»), и секретариат («вторую организацию ООН»). Крайне важно учесть влияние «третьей организации Объединённых Наций», которая включает в себя неправительственные организации (НПО), независимых экспертов, учёных, консультантов, транснациональные корпорации (ТНК), средства массовой информации и граждан, активно участвующих в жизни общества, которые активно взаимодействуют с межправительственными структурами и секретариатом ООН, и без помощи которых персонал международной организации (совсем не многочисленный по сравнению с государственной бюрократией – что наглядно видно из Доклада Генерального секретаря [2]) просто не смог бы выполнять свой функционал. Функции «третьей организации Объединённых Наций» включают в себя пропаганду, исследования и анализ политики, а также операции на местах. Её элементы часто объединяют усилия для распространения новой информации и идей, продвижения новой политики и мобилизации общественного мнения вокруг обсуждений и операций ООН.

Неправительственные организации активно участвуют в процессах, которые традиционно ассоциируются с международными связями и межгосударственными структурами ООН. Концепция трёхстороннего взаимодействия в рамках Организации Объединённых Наций вносит свой вклад в теоретическое обоснование современного глобального управления. Она опирается на растущий объём работ, которые поддерживают идею «многоуровневых многосторонних отношений». Это имеет большое значение, так как

соответствует усилиям по осознанию роли негосударственных участников в их взаимодействии с авторитетными государственными структурами и секретариатами ООН [4, с. 58–59, 64–65]. Количество участвующих в этих процессах неправительственных групп значительно возросло, что связано с усилением глобализационных тенденций и развитием коммуникационных технологий, которые позволяют расширить их воздействие, усилить их голос, а также объединить ресурсы для содействия. Термин «третья организация ООН» представляет собой более чёткое описание взаимодействия внутри и вокруг международной организации, чем привычное тройственное разграничение между государством, рынком и гражданским обществом.

К тому же, на мировой арене находятся такие организации, как Европейский союз и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Множество экономистов-социологов, занимающихся анализом развития, сравнительной политологией, а также социологов и антропологов, давно признали важность участия неправительственных организаций в теории и практике. Тем не менее, это осознание часто ускользало от внимания исследователей. Эксперты по международным отношениям, которые были более заинтересованы в вопросах суверенитета и составе государств-участников ООН, традиционно уменьшали или вовсе игнорировали роль неправительственных организаций в процессах принятия решений и их воздействие на этот процесс. Неизменное и повторяющееся применение силы со стороны государства формирует в обществе сомнение в идеи нерушимости и необходимости государственного суверенитета как правовой основы применения такого насилия – и это становится побудительным мотивом к активной гражданской позиции отдельных индивидов и неправительственных организаций [11, р. 12].

Немало людей, внёсших значительный вклад в интеллектуальную и оперативную работу глобальной организации, не занимали государственные должности и не являлись международными служащими. Более того, многие ключевые деятели до этого были связаны с университетами, аналитическими институтами в области политики или работали в неправительственных организациях, либо присоединились к мировому сообществу после завершения карьеры в правительстве или ООН. Многие из них занимали руководящие посты в независимых группах и комиссиях,

занимающихся анализом новых проблем, не привлекающих внимания международной общественности. Примером может служить Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК). Многие из них также были членами или руководителями неправительственных организаций и активно участвовали в глобальных конференциях, которые объединяют ведущих международных экспертов. Немало гуманитарных миссий ООН и проектов развития не смогли бы достичь успеха без поддержки неправительственных организаций. Роль коммерческого сектора также важна не только в рамках инициатив, например «Глобального договора», но и как источника финансирования, превышающего традиционные объёмы иностранной помощи.

СМИ активно освещают действия правительственных структур и международных конференций, оказывая влияние на их решения. Вклад таких организаций, как Международный комитет по вмешательству и государственному суверенитету или МГЭИК, привёл к изменениям в стратегиях и политике, направленных на предотвращение массовых преступлений и борьбу с климатическими изменениями. Необходимо подчеркнуть важность понимания взаимосвязей между тремя ветвями ООН для корректного осмысления глобальных политических процессов и конкретных мер по их решению. Эта задача требует особого внимания, учитывая увеличивающуюся мобильность талантливых специалистов, которые в ходе своей карьеры участвуют в обсуждениях и действиях ООН с различных позиций. В современном мире ключевые фигуры часто обладают обширным опытом работы в трех ветвях ООН. Кроме того, в ряде случаев формируются разнообразные группировки из представителей первого, второго и третьего ООН для совместного продвижения в области как регулятивных, так и оперативных решений.

Значимость деятельности Организации Объединённых Наций, как на практике, так и в теории, не вызывает сомнений, поскольку государства и межправительственные структуры не в состоянии должным образом реагировать на угрозы безопасности человека. Эта удивительная реальность может быть неявной с самого начала, но она явно присутствует в современном мире. Концепция трёхсторонней Организации Объединённых Наций является вкладом в решение задачи по преобразованию современного глобального управления. Она

основывается на растущем объёме работы, которая требует концепции «множественных многосторонних отношений» [12, р. 123–124]. Хотя правительства крупных стран сопротивлялись влиянию негосударственных субъектов и, в частности, организаций гражданского общества, некоторые подразделения системы ООН уже давно сотрудничают с ними и опираются на демографическую экспертизу, находящуюся за пределами системы.

Международная организация труда (МОТ) с 1919 г. объединяет представителей профсоюзов и делового сектора в своей трехсторонней структуре. НПО сыграли важную роль в продвижении идей, норм и политики в ООН, начиная с пропаганды включения прав человека в Устав ООН в 1945 г. и принятия Всеобщей декларации прав человека три года спустя. Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ) уже давно имеет тесное взаимодействие с группами гражданского общества по широкому кругу детских проблем, а также для сбора средств и пропаганды. Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) и Фонд ООН для развития в интересах женщин (ЮНИФЕМ) взаимодействовали с национальными комитетами, состоящими из представителей научных кругов и НПО. Действительно, большинство подразделений ООН опираются на академический или профессиональный опыт, находящийся за пределами системы. Всё большее число авторов пытаются концептуализировать феномен негосударственных субъектов, особенно НПО, поскольку они пересекаются с ООН [4, с. 58–59, 64–65]. Число неофициальных групп, участвующих в этом процессе, резко возросло, в то время как интенсивность глобализации привела к тому, что средства коммуникации и технологические достижения увеличили охват их голосов, а также уровень их влияния. Отчасти причина этого феномена кроется в сложных вопросах определения аморфной, изменчивой и нечётко очерченной группы действующих лиц, которые взаимодействуют с ООН на различных уровнях, в разное время и по различным вопросам. Закономерности трудно уловить, и многие взаимодействия носят разовый характер. Большинство социологов и экономистов, изучающих сравнительную политику, социологов и антропологов давно осознали эмпирическую и теоретическую важность негосударственных субъектов.

Однако это в значительной степени ускользнуло от внимания специалистов по

международным отношениям. Начиная с 1970-х гг., когда Роберта Кеохейн и Джозеф Най [12] начали активно заниматься этим вопросом, растущее присутствие и активность субъектов, не являющихся государствами, постепенно заставили многих теоретиков международного права, придерживающихся основных направлений, приоткрыть крышку чёрного ящика теорий международной организации, ориентированной на государство. Разнообразные вопросы, как, например, изменение климата, всё чаще оказываются в центре внимания международной повестки дня, в основном в результате усилия негосударственных субъектов и, несмотря на упорство многих государств и международных гражданских служащих, крайне важно лучше понять влияние этой третьей стороны ООН.

Важность конкретных лиц и организаций в разработке политики или осуществлении проектов, включающих множество факторов, зависит от конкретной проблемы и времени. Членство в третьей Организации Объединённых Наций является временным и условным. Восемь ролей, которые коллективно выполняют первый, второй и третий отделы ООН, можно резюмировать следующим образом: обеспечение форума для дискуссий; генерирование идей и политики; легитимация идей и политики; пропаганда идей и политики; реализация или апробация идей и политики на местах; мобилизация ресурсов для реализации идей и политики; отслеживание прогресса в продвижении идей и реализации политики; а иногда и захоронение идей и политики. Важность каждой роли и каждого из трёх подразделений ООН в этих ролях варьируется в зависимости от того, насколько новым является конкретный политический подход в данный момент и насколько он противоречит сильным национальным или региональным интересам.

Сегодня существуют различные оценки деятельности ООН, которые формировались исторически. По мнению президента РФ Владимира Путина, на протяжении своей истории ООН знала и горячие дискуссии, и острые противоречия, но именно эта организация стала уникальной площадкой для системного диалога наций по строительству безопасного мира [8]. Концепция безопасности в условиях глобального мира является одной из основных для ООН [6]. Но на современной этапе развития ООН очевидно, что организация нуждается в реформах, которые различные страны видят по-разному.

Серьёзной проблемой для сторонников реформы ООН в США является нахождение точек соприкосновения между различными определениями реформы, которых придерживаются заинтересованные стороны. У мирового сообщества нет единого определения реформы ООН, поэтому часто возникают споры о масштабах, целесообразности и эффективности прошлых и нынешних инициатив по её реформированию. Одним из методов индикации того, как заинтересованная сторона понимает «реформу ООН», может быть определение политических приоритетов в ходе обсуждения этого вопроса.

В некоторых случаях общие цели заинтересованных сторон выражаются в политике существенных реформ, хотя общие цели и не всегда гарантируют успешные результаты. Дебаты по реформе в Генассамблее ООН и её комитетах привлекли внимание к фундаментальным различиям, существующим между некоторыми государствами-членами, особенно развивающимися странами (представленными в первую очередь Группой 77 и Китаем) и развитыми странами (включая США, Японию и Соединенное Королевство).

Развитые страны, на долю которых приходится большинство начисленных взносов в регулярный бюджет ООН, хотели бы, чтобы Генеральный секретарь обладал большей гибкостью и полномочиями для проведения реформ, особенно тех, которые связаны с надзором и людскими ресурсами. Однако развивающиеся страны, как правило, возражают против политики, которая может расширить полномочия Генерального секретаря и ограничить полномочия Генеральной Ассамблеи и её бюджетного и административного комитетов. Наблюдатели обеспокоены тем, что это различие в философии реформ приведёт к тупиковой ситуации в Генассамблее и значительно задержит реализацию некоторых ключевых управленческих и бюджетных реформ.

Заинтересованные стороны, участвующие в обсуждении реформы ООН, имеют разные точки зрения на то, как она должна осуществляться и как расставлять приоритеты по конкретным вопросам реформы. Несколько ключевых участников, включая Европейский союз, Группу 77 и Китай, развитые страны и неправительственные организации, высказались по ряду вопросов реформы, в первую очередь по реформе управления и бюджета, а также по развитию.

Инициативы ЕС по реформе ООН направлены на реформу управления и

повышение потенциала ООН в области развития. ЕС также рассматривает работу назначенной Генеральным секретарем Группы экспертов по общесистемной слаженности как приоритетную и поддерживает усилия Группы по изучению того, как система ООН может улучшить системную координацию в областях развития, гуманитарной помощи и окружающей среды. ЕС активно поддерживает реформу основных органов ООН, включая Совет Безопасности, Генеральную Ассамблею и «ЭКСОЦ» [3].

При рассмотрении того, как Россия усиливает свои позиции в статусе мировой державы в ООН и инициирует реформы, концепция международного права становится важным элементом её стратегии. В своих заявлениях В.В. Путин и С.В. Лавров подчёркивают значимость соблюдения международного права. С. Лавров часто ставит этот фактор в противовес альтернативе, которую, по его мнению, предлагает Запад для продвижения своих интересов и ценностей [7]. В последние годы был проведён ряд исследований российских подходов к международному праву. В то время как западные учёные подчёркивают общность с европейскими школами, российская сторона настаивает на том, что международное право развивается на основе культуры и цивилизации, а не универсальных принципов. В контексте ООН Россия определяет международное право в узком смысле, ограничивая его рамками Устава ООН и резолюций СБ ООН. Это отличает его от «правопорядка», который, по сути, не имеет границ и определяется Западом, в частности США. Россия также старается разорвать связь между понятиями безопасность и права человека.

Китай в целом поддерживает реформу и уже давно рассматривает развитие как ключевой её вопрос, подчёркивая, что Организация Объединённых Наций должна уделять ему «первостепенное внимание». Являясь крупнейшей в мире экономическим лидером, Китай – важный участник реформы системы ООН. Действительно, развитие – это та область, где Китай обладает значительными преимуществами и влиянием, приобретёнными благодаря его собственным неустанным усилиям и тесному сотрудничеству с различными подразделениями системы ООН. По мере того, как Китай вступает в новую эру сбалансированного развития, ведущую к качественному росту, его взгляды на реформы глобального управления также претерпевают изменения. Китай поддерживает уникальную роль

ООН в глобальном управлении и активно участвует в создании более совершенной архитектуры глобального управления. Эти обновленные идеи помогают Китаю играть более важную роль в ООН. Сокращение масштабов нищеты остаётся главной целью миссии ООН в области устойчивого развития, а искоренение крайней нищеты является ключевым звеном между Целями развития тысячелетия и Повесткой дня ООН на период до 2030 года [1]. Китай считает, что из всех целей реформирования ООН, глобальный дефицит развития должен стать первоочередной задачей и решаться путём увеличения помощи

африканским странам и наименее развитым странам [5].

Таким образом, единого мнения по вопросу реформирования ООН нет. Каждая страна имеет свою позицию и интересы по данному вопросу, которые зачастую конфликтуют с интересами других стран. На протяжении всей истории ООН на неё влияли разные общественные силы, будь то НПО, или различные государства. Сегодня же мы имеем те же самые проблемы ООН, которые тянутся и не решаются десятилетиями из-за разных позиций её субъектов.

Список литературы:

1. Документ ООН A/70/L.1 Преобразования нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года) // Консорциум Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (Дата обращения: 29.10.2024).
2. Документ ООН A/74/82 Доклад Генерального секретаря. Состав Секретариата: демографические характеристики персонала // URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/2020/09/a_75_82_r.pdf (Дата обращения: 29.10.2024).
3. ЕС определил свои приоритеты для Генассамблеи ООН и призвал к реформированию организации // Interfax.ru: офиц. сайт. URL: <https://www.interfax.ru/world/852759> (Дата обращения: 29.10.2024).
4. Иванова, Е.Н., Иванов, В.И. Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями / Е.Н. Иванова, В.И. Иванов // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2012. – № 19 (99). – С. 57–67.
5. Куратор дипломатии КНР выступил за усиление роли развивающихся государств в СБ ООН // Tass.ru: офиц. сайт. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17647227> (Дата обращения: 29.10.2024).
6. Лев, М.Ю., Лещенко, Ю.Г. Анализ концепции безопасности Организации Объединенных Наций в процессе глобальной интеграции / М.Ю. Лев, Ю.Г. Лещенко // Экономическая безопасность. – 2022. – Том 5. – № 1. – С. 11–44.
7. Проблема реформирования Совета Безопасности ООН // Mid.ru. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1688439/ (Дата обращения: 29.10.2024).
8. Путин, В.В. Выступление президента РФ на пленарном заседании высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН. 2005. 15 сентября / В.В. Путин // URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1688463/ (Дата обращения: 29.10.2024).
9. Снапковский, В. Е. Союзные республики и советская дипломатия: из истории борьбы СССР за первоначальное членство УССР и БССР в ООН (1943–1945 гг.) / В.Е. Снапковский. – Минск: Право и экономика, 2022. – 366 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
10. Устав ООН (полный текст). Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (Дата обращения: 29.10.2024).
11. Haass, R. Intervention. The Use of American Military Force in the Post-Cold War World / R. Haass. – Washington (DC): Brookings Institution Press, 1999. – 258 p.
12. Weiss, T.G., Carayannis, T., Jolly, R. The "Third" United Nations / T.G. Weiss, T. Carayannis, R. Jolly // Global Governance. – 2009. – Vol. 15. – № 1. – Pp. 123–142.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 39

*Е.И. Деду¹, Н.П. Гаврилюк²***ОТ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ К ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИИ:
ИСТОРИКО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

Статья посвящена исследованию процесса становления национальных идентичностей от первичных этносоциальных групп до сложившихся наций. В работе анализируются исторические этапы этого перехода, рассматриваются различные теории и подходы к пониманию национального строительства. Особое внимание уделяется дискуссионным аспектам интерпретации данных процессов, таким как роль культурных, социальных и политических факторов в формировании нации. Статья предлагает новый взгляд на проблему и открывает перспективу для дальнейших научных исследований в данной области.

Ключевые слова: этнос; народ; нация; этническая общность; этносоциальные общности; национализм; «не доминирующие этнические группы»; идентичность; регион.

*E.I. Dediu, N.P. Gavrilyuk***FROM ETHNO-SOCIAL COMMUNITIES TO NATION FORMATION: HISTORICAL
AND ANALYTICAL REVIEW AND DEBATABLE ISSUES OF INTERPRETATION**

The article is devoted to the study of the process of formation of national identities from primary ethno-social groups to the formed nations. The paper analyses the historical stages of this transition, considers various theories and approaches to understanding nation-building. Particular attention is paid to debatable aspects of interpreting these processes, such as the role of cultural, social and political factors in nation formation. The article offers a new perspective on the problem and opens the prospect for further scientific research in this area.

Keywords: ethnos; people; nation; ethnic community; ethno-social communities; nationalism; 'non-dominant ethnic groups'; identity; region.

В условиях глобализации и усиления миграционных процессов вопросы национальной идентичности становятся всё более актуальными. Понимание того, как формируются национальные сообщества, помогает решать проблемы интеграции мигрантов и предотвращения межэтнических конфликтов.

Процесс перехода от этнических сообществ к национальным государствам является одним из важнейших этапов развития человеческой цивилизации. Изучение этого процесса позволяет лучше понять корни современных государств, их культурную идентичность и особенности политической организации. Историко-аналитические обзоры и дискуссии по вопросам интерпретации национального строительства представляют собой важный вклад в развитие исторической науки. Они позволяют глубже изучить механизмы формирования национальных идентичностей и выявить общие закономерности этого процесса.

В рамках заявленной темы исследование важно начать с генеалогического описания политической карты современной Европы. Большинство государств, как на Востоке, так и на

Западе, являются национальными государствами, то есть государствами, в которых существует только одна нация, часто (но не всегда) включающая меньшинство, члены которого принадлежат к другой нации, часто имеющей своё государство. Многонациональные империи, в которых сосуществовали несколько наций, сохранились лишь в исключительных случаях: Великобритания, Испания и Россия.

Существует ограниченное число национальных государств, сохранивших свою этнонациональную государственную автономию по крайней мере с XVI века. Это, прежде всего, французы, португальцы и голландцы, а также бывшие нации, доминировавшие в многонациональных империях: англичане, датчане и шведы. Другие народы строили свои государства не на основе средневековой традиции, а отталкивались от более или менее чётко выраженной этнической общности.

Если мы посмотрим на карту Европы двухвековой давности, то увидим, что наряду с горсткой национальных государств на территории полиэтнических империй проживало

более двадцати этнических групп. Эти группы не обладали ни государственной автономией, ни собственной письменностью (и вряд ли сохранившейся традицией национальной литературы), ни правящими классами, принадлежащими к их этнической группе. Поэтому их с полным правом можно назвать «не доминирующими этническими группами».

Однако внутри этой категории «не доминирующих этнических групп» существовали значительные различия. Одни могли относиться к средневековому государству (чехи, хорваты, каталонцы, норвежцы), другие имели свою собственную аристократию (поляки и мадьяры). Большинство же составляли группы, не имевшие государственной традиции, такие как эстонцы, финны, латыши, словенцы, словаки, бретонцы и т. д., или, в крайнем случае, их бывшая государственная автономия играла лишь мифическую роль (литовцы, украинцы, сербы, греки, валлийцы, исландцы и т. д.). Изучение трансформации всех этих не доминирующих этнических групп в современные нации является одной из важнейших исследовательских задач нашего времени. В рамках темы исследования мы анализируем лишь некоторые аспекты, дополняя статью выдержками из работ известных учёных, таких как Э. Хобсбаум [10], А. Смит [20], Е. Лемберг [13], и Х. Кон [12]. К сожалению, современные исследования, по заявленной теме, сосредоточены на двадцатом веке, поскольку драматические последствия национализма кажутся более привлекательными, чем его скромные истоки.

Следует сделать несколько предварительных замечаний о семантике. В англосаксонской научной литературе, в частности, ряд недоразумений связан с тем, что центральный термин нашего исследования, «нация», имеет различные коннотации в зависимости от языковой традиции. В английском языке это понятие чётко связано с понятием государства, как и во французском, хотя и в меньшей степени. В немецком, как и в славянских языках, «нация» в большей степени основана на этнических и языковых характеристиках. Это имеет существенные последствия для постановки нашей проблемы.

Согласно германскому и славянскому словоупотреблению, формирование современной нации понимается как переход от этнической группы к нации, то есть к мегагруппе с собственной культурой и языком. Этот процесс формирования видится естественным и органичным, поскольку граница между

этнической группой и нацией подвижна. В переносном смысле за этой семантикой скрывается представление о том, что нации, как и культуры, эквивалентны и равны по праву.

С другой стороны, конструирование нации, выраженное в английском языке, связано с представлением политического партикуляризма. Она вызывает идею государственной автономии и, следовательно, политического отделения субъекта от более крупного целого.

Характеристики этнической группы и политические черты нации относятся к разным категориям и несовместимы, как мы отмечали ранее. По этой же причине эквивалентность культур и юридическое равенство наций – два совершенно разных вопроса. Ещё одно осложнение, которое мы не можем исключить, – это понимание этнонационального прошлого не в его собственных терминах, а через новые концепции, созданные современными учёными. Конкретно говоря, мы должны осознавать, что используем понятие «нация» не в том смысле, который приписывали ему участники национальных движений. Это, однако, не является приглашением к возобновлению дискуссии о понятии нации [15; 14; 4; 7; 9].

Изучая трансформацию этноса в нацию, мы должны различать эти две категории, по крайней мере, чтобы учесть эти терминологические трудности. Чем нация отличается от этнической группы? Часто повторяемая сентенция о том, что нация отличается от этнической группы национальным самосознанием её членов, неудовлетворительна. Мы собираемся критически деконструировать это утверждение. Оно неприемлемо, по крайней мере, по трём причинам: оно делает акцент на субъективных ощущениях, не учитывая объективных отношений и связей (то есть того, что не зависит от восприятия и желаний индивидов); оно обходит молчанием «генеалогическое» измерение: даже если мы признаем, что нация отличается от этнической группы своим национальным сознанием, мы не можем игнорировать, что это сознание не имманентно, что ему потребовалось время, чтобы распространиться и быть принятым; оно предлагает ошибочную идею, что члены этнической группы изначально не имели идентичности, коллективного сознания, прежде чем сформировать нацию.

Конечно, представляется, что существование этнической группы характеризовалось прежде всего объективными отношениями, такими как обычаи, религия, диалект, территория и

т.д. Каждый из её членов имел несколько идентичностей, но ни одна не преобладала. Осознание того, что нужно сформировать группу, присутствовало не всегда. Мы вернемся к этому позже.

С точки зрения идеально-типической перспективы, нация отличается от этнической группы не только национальным самосознанием её членов, но и как минимум пятью характеристиками: иерархическая социальная структура, включающая образованную элиту, участвующую в политической власти; институционализируемая внутренняя администрация и автономное управление национальной территорией; статус субъекта в международных отношениях; гомогенизированная культура, принимаемая всеми, основанная на едином, если не кодифицированном, языке; коллективная память, связанная с идентификацией общего прошлого персонифицированной нации.

Не случайно фундаментальная проблема, связанная с этими типичными различиями, заключается в различии между традиционными и современными обществами. И в этом смысле, как мы увидим, трансформация этнической группы в нацию является частью перехода от преמודерна к современному обществу. Несомненно, этнические группы существовали в феодальный период, когда политическая граница была важнее этнических различий. Изменения политической границы, такие как распределение феодальных вотчин, редко учитывали этнические различия. Несмотря на это, во многих государствах сформировались этнические регионы, определяемые этнической принадлежностью знати. Многие этнические группы были частично или полностью ассимилированы в результате формирования таких «центральных» этнических регионов. Стабилизация политической границы была не единственным фактором ассимиляции: имели место и миграции, такие как немецкая колонизация Восточной Европы и шведская колонизация финского побережья.

В эпоху раннего модерна политическая граница укрепилась, а абсолютистское государство оказало объединяющее воздействие, особенно в языковом плане. Однако, поскольку большинство европейских государств того времени были полиэтническими, пересечение политических и этнических границ было особенно сложным. Существовали политические границы государства, исторические границы теперь уже автономного средневекового образования (т.е. границы исторических

областей), этнические границы по отношению к доминирующему национальному государству и этнические границы по отношению к другой недоминирующей этнической группе.

Формирование государств в Средние века изначально было делом рук представителей господствующего класса и «тонкого слоя» образованных людей. Независимо от используемых терминов – *natio*, *gens*, *lingua* – сохранившиеся документы дают нам множество информации, отражающей сильное «национальное» сознание [3; 23, pp. 285–305; 22; 21; 6]. Некоторые выражения напоминают нам современные националистические стереотипы и лозунги.

Однако использовать термин «национализм» в контексте Средневековья было бы неуместно. Помимо национальных идентичностей, связанных с политической принадлежностью, нам известны примеры идентичностей, определяемых на языковой основе, начиная с раннего Средневековья, особенно в условиях конфликта. Примеры любви к родному языку относятся к IX веку. Язык также использовался в качестве аргумента в стремлении к государственной автономии, например, в Уэльсе в XIII веке или в Богемии в XV веке [16; 18]. Но это не должно служить «примордиалистскому» тезису. Точно так же, как мы проводим различие между этнической группой и современной нацией, мы должны противопоставить государство-нацию феодального общества и современное национальное государство. Если современная нация и национальное государство конгруэнтны, то этого нельзя сказать о монархической «нации» Средневековья. Некоторые этнические группы, чьи дворяне стали «основателями государства», превратились в средневековые нации и дожили до современности.

Судьба «не доминирующих этнических групп» в Средние века была очень разной. Как следствие, столь же сильно менялись интенсивность и качество коллективного сознания их членов. В этой связи Энтони Смит выделяет два типа: «этническую категорию», члены которой не имели чувства принадлежности, и «этническую общину», члены которой осознавали себя исторической группой [19]. Такое разграничение не следует считать абсолютным. Скорее, эти два типа представляют собой два последовательных этапа в развитии недоминирующей этнической группы. Возможно, в ближайшем будущем исследования позволят сравнительно описать развитие «категории» или «общности» в конкретных

этнических группах. Та же типология применима и внутри каждой этнической группы, поскольку её члены по-разному осознавали свою принадлежность. Наконец, можно сказать, что процесс национального реформирования в условиях не доминирующей этнической группы мог быть успешным только тогда, когда хотя бы часть группы осознавала свою этническую идентичность, свою специфику и свое отличие. Но и в этом случае говорить о национальной науке было бы упрощением: этническое сознание изначально было лишь одной из форм идентичности [17].

Отношения с прошлым – *pastness* в терминах Иммануила Валлерстайна – были ещё одним условием процесса формирования нации. И. Валлерстайн рассматривает отношения с прошлым как центральное условие социализации индивидов и поддержания групповой солидарности. Это не историческое сознание в современном понимании, а скорее коллективный миф об общем происхождении, общей судьбе, общих этических нормах, основанных на габитусе.

Прежде чем осуществить анализ перехода от этнической группы к нации, выделим два основополагающих этапа в процессе современного государственного строительства. Первый охватывает Средневековье и начало современности, а второй, решающий этап начинается во второй половине XVIII века. На первом этапе мало примеров, позволяющих рассмотреть контуры современной нации, но, тем не менее, мы можем говорить о процессе формирования нации в Средние века, даже когда статус «не доминирующей этнической группы» не был преодолен. Действительно, первобытные связи укреплялись не меньше, чем язык и религия. Сеть первобытных связей укреплялась на протяжении веков до такой степени, что между этническими группами стали проводиться четкие границы, причем не только племенные.

Подобно тому, как государства Средневековья не шли прямым путём к современной нации, этнические группы также претерпевали альтернативные развития, инволюции, ассимиляции и так далее. Многие известные средневековые государства исчезли, как и многие этнические группы. Иными словами, не было телеологически ориентированного развития от конкретной этнической группы к современной нации. Однако если этническая группа доживала до XIX века, она рано или поздно становилась объектом патриотических исканий и формировала в своих рядах группу,

которая несла национальное движение вперед. И период, и первоначальная сила этой группы зависели от перехода от «категории» к «сообществу», иными словами, от того, в какой степени идея принадлежности присутствовала среди её членов. Разумеется, эта идея находила более благодатную почву там, где этническая группа могла возродить остатки древней государственной традиции, а также там, где внешнее давление создавало чёткую демаркацию от доминирующей «нации».

Эмпирические данные показывают, что в любой «не доминирующей этнической группе» несколько образованных членов рано или поздно приходят к выводу, что их группа является угнетённой, заброшенной, «спящей» «нацией» и что их патриотический долг – возродить её. На практике это означало, что эти интеллектуалы организовывали национальную агитацию, направленную на то, чтобы убедить каждого члена группы гордиться своей национальной принадлежностью. Начало этой агитации варьировалось хронологически: в одних случаях, в частности среди норвежцев, чехов, мадьяр и греков, национальная агитация началась около 1800 года; в других – не ранее середины XIX века (финны, эстонцы, словенцы и др.) или даже позже (литовцы, белорусы, каталонцы, баски) [11].

В большинстве случаев, хотя и не всегда, агитация была успешной и смогла мобилизовать массы. После этого процесс формирования нации становился необратимым. Правда, национальное движение замедлялось, запрещалось, а его сторонники преследовались, но не известно ни одного примера, когда этот процесс был бы полностью обращен вспять. Поэтому мы должны считать решающими два поворотных момента на пути от этнической группы к «нации»: начало национальной агитации, с одной стороны, и массовое национальное движение, ставшее результатом этой успешной агитации, с другой. Интерпретация и объяснение этих двух событий дают ключ к пониманию всего процесса формирования наций, особенно в Центральной Европе XIX века, а также в Восточной и Южной Европе. Общий знаменатель этих событий – изменение идентичности.

Как это происходило? В первом случае, в начале национальных волнений, нам необходимо знать, что побудило некоторых интеллектуалов искать новую идентичность. Если мы обратимся к эмпирическим данным, то увидим, что начало национальных волнений всегда совпадало с социально-политическим

или этическим кризисом, или потрясением. Для многих национальных движений это были Французская революция и Наполеоновские войны, для других – революция 1848 г., великий русский кризис конца 1850-х гг. и так далее. С помощью социально-психологической теории можно увидеть, что, по мнению ряда авторов, любое фундаментальное изменение социальных условий делает существующие идентичности шаткими [5].

Иными словами, поиск новой национальной идентичности коренится в кризисе старых систем ценностей, старого социального порядка и старой политической и религиозной легитимности. Именно благодаря таким изменениям, как эмансипация крестьянства, секуляризация мысли в эпоху Просвещения, социальные и административные реформы и растущая маркетизация, старые связи, лояльность и уверенность были поколеблены. Эта неопределенность воспринималась в первую очередь теми, кто благодаря своему образованию или профессии находился ближе к ядру перемен, а не массами. Любое изменение идентичности, по крайней мере в теории, кажется индивидуальным решением. На практике, однако, выбор идентичности был «предопределен», если не социально дисциплинирован многими внешними обстоятельствами. Концепция пробуждающейся этнически определённой нации была проста, очерчена и понятна всем, поскольку соответствовала повседневному опыту каждого человека, который мог общаться за пределами своей деревни.

Какие альтернативы были доступны этой национально определённой идентичности? Прежде всего, это была государственная идентичность в двух вариантах, соответствующих этапам общественного развития. Династическая идентичность государства, наследие последнего периода абсолютизма, имела разную степень успеха и не смогла пережить буржуазные трансформации даже там, где она утвердилась. Однако в условиях многонациональной империи её не затмило растущее национальное самосознание. Более того, в последний период абсолютизма национальная агитация часто достигала определённого успеха, если умела интегрировать династическую идентичность.

После успеха буржуазных революций национальная агитация была настолько развита, что гражданский вариант полиэтнического государства стал менее эффективным и был «принят» как дополнение к национальной идентичности. Последняя была одновременно

и гражданской, а этнонациональная территория заменила полиэтническое государство. По такому пути к национальной идентичности пошли норвежцы, мадьяры, каталонцы, ирландцы и, с некоторым опозданием, чехи. Иная ситуация сложилась там, где национальные волнения начались в контексте конституционализма и гражданских прав. Концепция идентичности гражданина государства, независимо от этнической принадлежности, успешно дополнила этнонациональную концепцию в Бельгии (фламандская идентичность), Великобритании (шотландская и валлийская идентичности), а затем и в Германской империи (польская, датская и сорбская идентичности). В случае с Германией идентичности гражданина и династического государства явно пересекались.

Помимо государственной идентичности, в процессе формирования нации значительную роль играла еще одна идентичность, о которой мы пока не говорили. Речь идёт о региональной идентичности, роль которой будет более подробно проанализирована ниже. Предварительно следует отметить различие между региональной и местной идентичностью.

В отличие от локальной идентичности, которая, безусловно, является одной из самых древних, региональная идентичность охватывает большую территорию и относится не к собственному положению («моя» деревня, «мой» город), а к существованию региона. Объективными характеристиками региона обычно являются административные, а также исторические, географические или экономические.

Растущее значение региональной идентичности в Европе XVIII века, несомненно, связано с патриотизмом эпохи Просвещения. Этот патриотизм был в первую очередь регионально ориентированным: идентификация со страной. Не имело значения, родился ли патриот в данном регионе или принадлежал к той же этнической группе, что и его жители. Для патриота эпохи Просвещения региональная идентичность означала принятие на себя ответственности за служение «своей» стране и полезность для неё. Это была высокоинтеллектуальная идентичность, которая всё ещё была чужда простому человеку. По этой причине она вряд ли могла стать эффективной альтернативой этнической идентичности. Это не исключает того, что некоторые из первых протагонистов национальных волнений брали за точку отсчёта не принадлежность к «не

доминирующей этнической группе», а региональную идентичность. Если в регионе проживала изолированная этническая группа, она естественным образом интегрировалась в региональную идентичность. Таким образом, эти две идентичности ни в коем случае не были взаимоисключающими. Особенно на первом, интеллектуальном этапе национального движения деятельность патриотов была обусловлена региональной идентичностью: они хотели быть полезными «своей» стране и её жителям, возможно, изучая язык, культуру и прошлое «не доминирующего этноса». На последующем этапе национальной агитации отношения между региональной и национальной идентичностью были как конкурентными, так и кумулятивными.

Упрощая, можно сказать, что формирующаяся национальная идентичность питалась из двух источников: осознания этнической принадлежности и региональной идентичности. Однако в каждом национальном движении взаимные отношения и вес этих двух компонентов, а значит, и их влияние на национальную идентичность, были разными. Даже если национальная идентичность в конечном итоге доминировала, она сопровождалась, дополнялась, а иногда и ослаблялась различными региональными идентичностями разной интенсивности. Несколько примеров взаимодействия этнической и региональной идентичности проиллюстрируют эти совпадения.

В Литве в начале XIX века царил обновлённое региональное самосознание. Польско-язычное литовское дворянство называло себя *gente Lithuanus, natione Polonus*. Литовская этническая группа оставалась замкнутой в себе, без следов национального самосознания до 1860–1870-х гг. Только тогда региональная идентичность части литовской интеллигенции нашла связь с этническим сознанием группы и привела в движение национальную агитацию, которая спустя полвека приведёт к общему распространению национального самосознания среди литовского населения.

Региональная идентичность была уделом исключительно немецких баронов и литераторов, в то время как среди латышей и эстонцев преобладала местная идентичность. Эстонское и латышское национальные движения утверждали себя независимо от региональной идентичности, и региональные различия не имели большого дезинтегрирующего эффекта. Разделение словенской этнической группы на несколько стран с региональной идентичностью для немецкого дворянства и буржуазии

было ещё более выраженным. В этом случае переход от этнического сознания к национальной идентичности был скорее стимулирован извне: следствием «иллиризма», когда словенцы воспринимались как часть южнославянской нации. Региональные идентичности частично присоединялись к словенской этнической группе, а иногда играли дезинтегрирующую роль.

В Богемии и Моравии патриотизм дворянства усилился во второй половине XVIII века как реакция на габсбургский централизм. Этнические особенности большинства населения служили контраргументом. Сильная региональная идентичность повлияла на первое поколение чешских патриотов. Когда после 1800 г. в Чехии начались волнения, были предприняты попытки трансформировать региональную идентичность в национальную активность, с разной степенью успеха. Позже региональная идентичность использовалась в качестве аргумента для поддержки требований чешской нации о власти в Богемии. Развитие региональной идентичности в Моравии изначально было независимым; долгое время она была достаточно сильной, чтобы не допустить распространения чешской национальной агитации из Богемии в Моравию. Только в последней трети XIX века чешское национальное самосознание стало преобладать в Моравии, хотя это не привело к ослаблению моравского регионального самосознания.

В Каталонии региональное самосознание было ослаблено испанским абсолютизмом и возродилось только во второй половине XIX века. Стремление к национальной идентичности сопровождалось ссылками на каталонскую идентичность, а региональная идентичность рассматривалась как замена национальной, даже после первых успехов агитации. Так, долгое время каталонское движение идентифицировало себя как «регионалистское», а прилагательное «национальный» или «националистический» появилось только после 1900 года. Похоже, что в данном случае региональная и национальная идентичности развивались параллельно.

Эти несколько примеров демонстрируют разнообразие отношений между этнической и региональной идентичностью. В целом можно сказать, что региональная идентичность приобретала определённое значение, особенно в тех случаях, когда речь шла о бывших политико-административных образованиях. В этих условиях этнонациональное движение не доминирующей группы могло возродить былую

политическую автономию, которая с тех пор была утрачена или ослаблена. Региональная идентичность играла интегрирующую роль в нации там, где территория нации была этнически однородной, населённой в большинстве своем представителями «не доминирующей этнической группы». Так было в Каталонии, Норвегии, Финляндии, Богемии и Хорватии. С другой стороны, когда «не доминирующая этническая группа» одновременно проживала в других регионах (возможно, в меньшинстве), национальная идентичность закреплялась там лишь с трудом, с некоторой задержкой или не закреплялась вовсе. Так было в Моравии и Далмации.

Иной тип национальной идентичности формировался, когда «не доминирующая этническая группа» не могла отнести себя к определённому региону или исторической стране, как, например, украинцы, словаки или белые русские в Галиции. В таких случаях инклюзивная региональная идентичность не возникала. Разделение этнической территории на несколько регионов имело явно дезинтегрирующий эффект для словенцев (карниолов, штайермаркцев, каринтийцев, истрийцев и т.д.) или сорбов (саксонцев и пруссов из Лужицы). Учитывая территорию проживания этих ограниченных этнических групп, местная идентичность (долина, район вокруг города) смогла заменить региональную идентичность.

Хотя региональная и этнонациональная идентичности не противоречат друг другу, их не следует путать. Их функции в процессе формирования нации различны. Если обе идентичности относятся к компактной территории, то представления о ней различны. Хотя национальная территория стремится установить точную границу между «нами» и «ими», эта черта не обозначает центральных характеристик региона. Национальная территория населена представителями нации, в то время как территория региона может быть этнически смешанной. В условиях социальной мобильности эмигранты, принадлежащие к одной нации, сохраняют свою национальную идентичность, в то время как отъезд из региона может сопровождаться полной сменой идентичности. В культурном и языковом плане разница очевидна. Национальная идентичность основана на существовании автономной и самобытной культуры и литературного языка. Региональная культура является частью одной или нескольких национальных культур, и даже если у неё есть свои особенности, они являются частью более широкого

национального целого. Эти две идентичности могут дополнять друг друга в культурном плане. Более того, они социопсихологически совместимы: национальная идентичность относится к представлению «персонифицированной» нации, тела, тогда как региональная идентичность всегда относится только к части этого тела, а то и к частям нескольких наций.

Существенным отличием являются отношения с центральной властью. Само определение региона подразумевает принадлежность к периферии, тогда как в многонациональных империях отношения между национальной идентичностью и центром иные: в случае конфликта речь шла не о том, чтобы периферия подчинялась центру, а о том, чтобы периферия хотела утвердиться в роли центра, а возможно, и отделиться от прежней группировки. Политическая власть в регионе всегда была частичной и подчинённой; национальная идентичность открывала возможность для развития требований к власти в пределах национальной территории. Политические цели, связанные с национальной идентичностью, могли доходить до самоопределения, в то время как региональная идентичность в лучшем случае стремилась к автономии. Короче говоря, если национальная идентичность рассматривалась как следствие национального движения, созданного не доминирующей этнической группой, то региональная идентичность выполняла скорее посредническую функцию между этнической группой и национальным движением. Сформулированная в «генеалогической» перспективе, национальная идентичность была более продвинутой стадией в эволюции формирования современной идентичности по сравнению с региональной идентичностью и чувством принадлежности к не доминирующей этнической группе. В этом процессе региональная идентичность была полезным посредником на пути от этнической группы к нации.

До сих пор мы имели дело с «не доминирующей этнической группой», не рассматривая вопрос о том, что составляет этническое различие. Этническая основа (по Смитсу) национальной идентичности, безусловно, очень сложна, но, с типологической точки зрения, два фундаментальных критерия определяют как этническую специфику, так и различия между нациями: язык и религия. Эти два критерия не исключали друг друга, но один из них был доминирующим. Когда они совпадали, путь этнической группы к национальной идентичности (то есть фаза национальных

волнений) был гораздо короче. Например, греки и сербы против османов; ирландцы против англичан. Но такие случаи были редки. Даже если время появления политической программы было обусловлено другими причинами (в частности, социальной структурой не доминирующей этнической группы), нельзя игнорировать тот факт, что в случае с этническими группами, основанными на религиозном отличии от доминирующей нации, она часто действовала, начиная с фазы национальной агитации. Было ли это связано с тем, что языковая программа сначала должна была обрести стабильность через создание единого языкового стандарта, в то время как религия уже была «готовым» и общепринятым критерием?

Разграничение между этносами и нациями было более чётким, когда их различал критерий религии. Это объясняется тем, что целые группы населения могли стать двуязычными, но не «двурелигиозными», и что языковая ассимиляция – индивидуальная ассимиляция – была проще, чем религиозное обращение. В отличие от языковой ассимиляции, религиозное обращение всегда контролировалось администрацией.

В заключение мы рассмотрим взаимосвязь между процессом государственного строительства и модернизацией. Для начала вспомним старые дебаты о последствиях «общественного разделения труда» для этнических трансформаций. Если функционалистская теория [8] видит последствия в разрушении этнической солидарности, то реактивная теория подчеркивает его стимулирующее воздействие на укрепление этнических связей. Если оставить в стороне теорию и поискать эмпирические данные, то мы находим свидетельства в пользу обоих подходов, хотя в пользу реактивной теории их больше. В любом случае, обе теории разделяют мнение о том, что представители этнических групп чувствуют угрозу и неуверенность в себе в связи с процессами модернизации – ситуация, которая в любом случае должна была повлиять на процесс государственного строительства. Вопрос в том, был ли этот процесс частью модернизации. Для ответа на этот вопрос необходимо квалифицировать эти отношения в соответствии с фазами национального движения. На первой, научной, фазе зарождающееся национальное движение явно соответствовало общей тенденции к расширению научных знаний и народного образования. Для того чтобы воспитывать и обучать народ, необходимо

было, прежде всего, лучше его узнать: изучение народного языка и литературы, обычаев и прошлого было, таким образом, далеко не самоцелью. Однако новые знания патриотов не ограничивались этническими вопросами, а охватывали и социально-экономические проблемы. В этом отношении симптоматично, что личность патриота эпохи Просвещения является частью позитивных традиций как больших сложившихся наций, так и новых «малых».

На этапе национальной агитации отношения с модернизацией были более сложными. Успех агитаторов среди представителей «не доминирующей этнической группы» не был автоматическим, «запрограммированным», а зависел от ряда обстоятельств. Помимо растущей интенсивности социальных коммуникаций и вертикальной мобильности, а также успеха первой фазы, преобладающим было противостояние интересов государственной важности. Здесь очевидна связь с процессом модернизации в условиях социальной дезорганизации и нового общественного разделения труда.

В начале статьи мы отмечали, что в любом случае существовала причинно-следственная связь между началом национальных волнений, поиском новой национальной идентичности и трансформацией общества, кризисом ценностей и старых представлений. Национальный ответ на вызов модернизации должен был быть субъективным и антимодернистским, и это также верно в отношении первых успехов национальных волнений. Вот несколько примеров: чешский ремесленник опасался роста немецкой торговли и промышленного производства в немецкоязычных регионах; священник, связанный со старым обществом, испытывал беспокойство по поводу иосифлянской секуляризации; литовский, украинский или словенский крестьянин возмущался растущим значением немецко- или польскоязычного города; каталонский владелец поместья с недоверием относился к прогрессу всё более централизованной капиталистической индустриализации. Примеры можно приводить бесконечно. Возникали и другие столкновения интересов, имевших прогрессивное национальное значение. Так, норвежский купец стремился освободиться от контроля иностранного государства (сначала датского, затем шведского); украинский крестьянин боролся за отмену феодальных повинностей против польского помещика. С успехами национальной агитации, особенно в

условиях массового движения, противостояние интересов национального значения умножалось, а антимодернисты становились всё более редкими в движении.

Некоторые из гильдий ремесленников и мелких торговцев сами становились предпринимателями и крупными купцами, а освобождённые крестьяне интегрировались в рыночные отношения, конкурируя с крупными землевладельцами и участвуя в модернизационных мероприятиях, что придавало иную окраску отношениям между городом и деревней. Борьба за позиции в администрации, школах и политике была интегрирована в борьбу за демократизацию общества и равенство граждан. Однако это происходило в условиях,

когда нация была более или менее сформирована, и не входит в рамки данной статьи. Однако очевидно, что модернизация могла бы принести больше пользы всем в условиях формирующейся нации, а не «не доминирующей этнической группы». И в этом смысле различие между национальной и региональной идентичностью имеет большое значение.

Таким образом, именно благодаря патриархальному антимодернизму национальное движение стало важным фактором модернизации и попутно приобрело репутацию защитника, хотя бы частично, территории бывшей этнической группы от провинциальной (в смысле внутреннего колониализма) или ретроградной судьбы.

Список литературы:

1. Аршин, К. Нация / К. Аршин // *Философская антропология*. – 2018. – №2. – С. 103–116.
2. Гранин, Ю.Д. «Нация» и «этнос»: эволюция подходов и интерпретаций в философии и науке XVIII – XX столетий: пер. с рус. / Ю.Д. Гранин. – 2015 // *Вопросы философии*. – 2015. – № 7. – С. 5–16.
3. Armstrong, John. *Nations Before Nationalism* / John Armstrong. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1982. – 410 p.
4. Bauer, O. *Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie* / O. Bauer. – Wien: Ignaz Brand, 1907. – 500 p.
5. Bloom, W. *Personal Identity, National Identity, and International Relations* / W. Bloom. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 194 p.
6. Dann, O. *Nationalism in Vorindustrieller Zeit* / O. Dann. – Munich: R. Oldenbourg Verlag, 1986. – 153 p.
7. Hayes, C.J. *The Historical Evolution of Modern Nationalism* / C.J. Hayes. – New York: Smith, 1931. – 327 p.
8. Hechter, M. *Towards a Theory of Ethnic Change* / M. Hechter // *Politics and Society*, – 1971. – 2 (1) – Pp. 21 – 45.
9. Hertz, F. *Nationalism in History and Politics* / F. Hertz. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner, 1945. – 417 p.
10. Hobsbawm, E.J. *Nations and nationalism since 1780: programme, myth, reality* / E. J. Hobsbawm. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1992. – 206 p.
11. Hroch, M. *Social Preconditions of National Revival in Europe* / M. Hroch. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 220 p.
12. Kohn, H. *The Idea of Nationalism* / H. Kohn. – New York: Collier Books, 1967. – 736 p.
13. Lemberg, E. *Nationalismus* / E. Lemberg. – Hamburg: Rohwolt Taschenbuch Verlag, 1964. – tomes I (344 p.), – II (184 p.)
14. Meinecke, F. *Weltbürgertum und Nationalstaat: Studien zur Genesis des deutschen Nationalstaates* / F. Meinecke. – Oldenbourg, 1917. – 537 p.
15. Neumann, Fr. J. *Volk und Nation: Eine Studie* Duncker & Humblot / Fr. J. Neumann, 1888. – 164 p.
16. Richter, M. *Giraldes Cambrensis. The Growth of the Welsh Nation* / M. Richter. – Aberyswyth. – 1976. – 142 p.
17. Ross, J.A. *Language and the mobilization of ethnic identity*. In H. Giles & B. Saint-Jacques (Eds.), *Language and ethnic relations* / J.A. Ross. – Oxford, England: Pergamon Press, 1979. – Pp. 1–13.
18. Smahel, F. *The Idea of the Nation in Hussite Bohemia* // *Historica. Les sciences historiques en Tchécoslovaquie*. 1969. 17. – 1969. – Pp. 143 – 249.
19. Smith, A.D. *National Identity* / A.D. Smith. – Londres: Penguin Books, 1991. – 227 p.

20. Smith, A.D. Nationalism and modernism: A critical survey of recent theories of nations and nationalism / A.D. Smith. – L.; N.Y.: Routledge, 1998. – 270 p.
21. Szücs, J. Nation und Geschichte / J. Szücs. – Vienne et Budapest: Corvina, 1981. – 378 p.
22. Tripton, C.L. Nationalism in the Middle Ages / C.L. Tripton. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1972. – 116 p.
23. Werner, K.F. Les nations et le sentiment national dans l'Europe médiévale / K.F. Werner // Revue historique. – 1970. – Pp. 285–305.

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

² ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура», Калуга, РФ

УДК 32.019.5

*Т. В. Демина, В.В. Курков***МАХАТМА ГАНДИ И МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ: К ВОПРОСУ О СРАВНИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ЛИЧНОСТНЫХ КАЧЕСТВ И СТИЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА**

Статья посвящена сравнительному анализу личностных качеств и стилей политического лидерства Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, являющихся важными фигурами новейшей истории XX века и ключевыми представителями движения направленного против национального и расового угнетения, осуществлявших свою борьбу за права и свободы в таких исторически разных странах как Британская Индия и США на основе общей идеи ненасилия, которая обеспечила сплочение широких слоев общества и реализацию заявленных целей, хотя за победу оба лидера заплатили собственной жизнью, обретя ореол национальных героев. В статье сделан акцент на то, как существование в разных культурных контекстах позволило Махатме Ганди и Мартину Лютеру Кингу создать свои уникальные политические стратегии ненасилия, разработать собственные самобытные и оригинальные стили политического лидерства, на то, как неповторимые исторические особенности двух величайших фигур XX века были сформированы исключительно на основе уникального набора личностных качеств, которые помогали прокладывать путь к сердцам людей и вести их за собой в борьбе за справедливость. В материалах статьи рассматривается то влияние, которое оказали личностные качества лидеров на завоевание доверия в обществе, а также степень политического успеха, которая была достигнута благодаря проявлению личных характеристик лидеров. При анализе стилей лидерства и личностных качеств учитывается контекст исторической эпохи существования лидеров, как один из ключевых критериев влияющий на возможность развивать и распространять идеи ненасилия в обществах разной культуры.

Ключевые слова: Махатма Ганди; Мартин Лютер Кинг; справедливость; ненасилие; личностные качества; политическое лидерство.

*T. V. Demina, V.V. Kurkov***MAHATMA GANDHI AND MARTIN LUTHER KING: ON THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PERSONAL QUALITIES AND STYLES OF POLITICAL LEADERSHIP**

The article is devoted to a comparative analysis of personal qualities and styles of political leadership of Mahatma Gandhi and Martin Luther King, who are important figures in the modern history of the 20th century and key representatives of the movement against national and racial oppression, who carried out their struggle for rights and freedoms in such historically different countries as British India and the United States on the basis of a common idea of non-violence, which ensured the unity of broad sections of society and the implementation of the declared goals, although both leaders paid for the victory with their own lives, acquiring the aura of national heroes. The article focuses on how existence in different cultural contexts allowed Mahatma Gandhi and Martin Luther King to create their unique political strategies of non-violence, develop their own distinctive and original styles of political leadership, how the unique historical features of the two greatest figures of the 20th century were formed exclusively on the basis of a unique set of personal qualities that helped pave the way to the hearts of people and lead them in the struggle for justice. The article examines the influence that personal qualities of leaders had on winning trust in society, as well as the degree of political success that was achieved due to the manifestation of personal characteristics of leaders. When analyzing leadership styles and personal qualities, the context of the historical era of the existence of leaders is taken into account as one of the key criteria influencing the ability to develop and disseminate ideas of non-violence in societies of different cultures.

Keywords: Mahatma Gandhi; Martin Luther King; justice; nonviolence; personal qualities; political leadership.

Мохандас Карамчанд Ганди и Мартин Лютер Кинг являются основными историческими личностями, которых вспоминают в контексте идей ненасилия. Их вклад в историю своих стран, Индии и США, служит демонстрацией значимости способа решения острейших политических проблем ненасильственным путем. Ба лидера существовали в разных культурных и религиозных контекстах, но это не помешало им создать такие стратегии борьбы с помощью ненасилия, которые привели их к достижению исторических побед на поле борьбы за справедливость. Их идеи помогли изменить не только отношение людей к сложившимся на тот момент предрассудкам, но и с помощью своих стратегий они достигли решающих изменений как в социальной, так и политической сферах жизни.

Махатма Ганди родился в Индии в 1869 г. в семье, которая относилась к касте банья, принадлежащих к варне вайшьев. Мохандас, получив образование в Британии, начал работать юристом в Южной Африке, где и приступил к созданию своей концепции ненасилия, исходя из желания бороться за равные права для индийского населения. Свои политические кампании ненасилия он назвал «сатьяграхи», что означает «твёрдость в поиске истины» [2, с. 65–66]. Сама концепция подразумевает под собой идею борьбы, основанную на ненасильственных акциях гражданского неповиновения. Важно именно то, что в его понимании борьба означает активное действие, которое выполняется без насилия и агрессии с целью достижения истины и справедливости. Философия Ганди включает в себе ненасилие, которое основано на компромиссе. Для Мохандаса компромисс является способом, с помощью которого можно решить проблему, избежав насилия. Целью своей борьбы Ганди делает процесс созидания [7, с. 84–85]. Его цель заключалась в том, чтобы не только вывести Индию из-под колониального влияния Британии, но и создать Индию как новое государство, которое будет обладать самостоятельностью в политике, будет иметь право выбора в позиционировании себя миру и будет по-новому относиться ко всем слоям населения, проживающим на территории данного государства. В тактическом плане Махатма Ганди вёл борьбу разными способами, одним из них были массовые протесты, которые проводились для демонстрации несогласия со сложившейся ситуацией в государстве. За его идеями следовало большое количество

людей, которые не всегда поддавались контролю и не всегда соблюдали принципы ненасилия. Понимая это Ганди говорил о том, что при превращении теоретических идей в практические действия, важно помнить о том, что не все средства хороши в осуществлении политической борьбы [8, с. 87–88]. По его мнению, если протест переходил грань ненасилия, то он должен был быть немедленно завершён, несмотря на свою успешность в ранее осуществляемых действиях.

Мартин Лютер Кинг родился в Атланте, США, в 1929 г. Кинг был человеком, прошедшим все ступени американской системы образования, и получившим степень доктора философии [10, с. 31–32]. Он достаточно глубоко изучал философию и религию, преуспевал в участии в различных дискуссиях, где демонстрировал своё ораторское мастерство. Все полученные знания он профессионально адаптировал в своей философии и практических концепциях гражданского неповиновения. Переняв идеи Ганди о ненасилии, он скорректировал их под реалии своей страны. Мартин Лютер Кинг направлял свою борьбу против расовой сегрегации. Он был намерен изменить исторически сложившуюся дискриминационную парадигму в обществе по отношению к афроамериканцам. Но победить сегрегацию было не единственной целью борьбы Кинга. Посредством массовых митингов и демонстраций он стремился изменить не только социальные устои общества, но был нацелен и на внесение серьёзных изменений в законодательство США. Для Кинга его марши гражданского неповиновения носили важный характер, потому что помогали претворить в жизнь его философию равенства, сливающуюся с религиозным мировосприятием. Мартин Лютер Кинг умело управлялся со СМИ: для большего охвата населения и привлечения внимания людей к острым проблемам расового неравенства он профессионально использовал медиа в целях распространения своих идей. Он верил, что его способы ненасильственной борьбы против социальной несправедливости способны продемонстрировать людям какой может быть жизнь в условиях политического равенства, независимо от цвета кожи. Он закладывал в свою борьбу моральные принципы, считая, что именно с помощью морали можно решить острые политические проблемы, избежав применения насилия. В его концепции ненасилия важен был не только отказ от применения физического насилия, но он также выступал и за то, чтобы отказаться от

применения морального насилия. Центральным понятием своей борьбы Кинг сделал понятие любви, ведь именно с помощью любви, по его мнению, можно было искоренить зло и ненависть к друг другу в американском обществе [6, с. 95]. Его идеи были способны интегрировать людей в условиях острого политического конфликта.

Таким образом, применительно к обоим политическим лидерам: к Ганди и Кингу, концепция гражданского неповиновения мотивировала людей на применение активных усилий на пути к достижению справедливости. Проводя сравнительный анализ стилей политического лидерства и личностных качеств Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга, можно выявить как общие черты, так и отличительные моменты, которые делают их стратегии оригинальными. Общие черты позволяют выявить близкие закономерности развития идей ненасилия при разных условиях их применения. Отличительные черты укажут на уникальные признаки, которые подчеркнут самобытную специфику как данных личностей, так и их концепций.

Первое, что для начала нужно обозначить, это контекст, в котором оба лидера проводили свою деятельность. Центральным моментом борьбы у Ганди была независимость Индии. В то время являясь британской колонией, Индия представляла хаотичный набор из разных религий, этносов и каст, которые погрязли в конфликтах друг с другом. Ганди, воплощая свои идеи в жизнь был заинтересован в объединении общества для достижения независимости Индии. Контекст борьбы Кинга заключался в борьбе за гражданские права и против расовой сегрегации в США. Он боролся за справедливость не против внешнего врага, который проводил колониальную политику, а против системы дискриминаций, выстроенной родным государством. В своей борьбе Кинг должен был противостоять не только государству как системе, но и ещё был вынужден бороться против той части населения, которая выступало за сохранение расовой сегрегации. Оба контекста сложны и особенно по-своему, это позволяет говорить о том, что в стилях политического лидерства и в проявлении личностных качеств каждого из представленных исторических фигур, каждая личность будет демонстрировать себя с разных сторон.

Для характеристики стилей политического лидерства стоит начать с методов борьбы, которые использовали Махатма

Ганди и Мартин Лютер Кинг (см. Таблица 1). Мохандас Карамчанд Ганди впервые в истории взял за основу своей борьбы метод ненасильственного сопротивления, т.е. активные действия, не носящие в себе насилия. Он подбирал такую тактику, которая была сконцентрирована на моральном давлении. Ганди понимал, что бойкот не даст таких плодов, как, например, демонстрации. Проводя их, Махатма использовал различные символы, которые отзывались в душах населения. Привлечение большого количества людей дало вес идеям Ганди и это позволило выдвигать свои требования в переговорах с властями Британии. На переговорах Мохандас чётко держался своих принципов и шёл на компромиссы для того, чтобы была возможность совершить новые манёвры в свою пользу. Мартин Лютер Кинг выставлял свою тактику борьбы. Он использовал бойкоты как основной метод борьбы, который по меркам Ганди был не эффективным, но в модернизации Кинга давал свои плоды. Также он проводил марши справедливости, на которых выступал с речами для ещё большего привлечения внимания граждан. Разница методов борьбы заключалась и в том на какую аудиторию работали лидеры. Кинг был сфокусирован на чернокожем населении США, подвергавшемся расовой дискриминации. В то время как Ганди приходилось работать на широкую аудиторию, представленную разными этносами и кастами.

Понимая важность аудитории и социальной базы в политической борьбе, стоит рассмотреть способы вовлечения масс в ненасильственные акции. Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг находили способы, которые именно в их условиях давали максимальный результат по привлечению людей к своим идеям. Ганди привлекал людей за счёт собственного образа жизни и поведения, которое виделось в честном диалоге с народом [5, с. 32–33]. Его образ жизни был аскетичным и заключался больше во внутренней работе над собой, чем во внешнем проявлении. Искренняя вера Ганди в свои идеи ненасилия также не оставляла людей равнодушными и способствовала их включению в борьбу за независимость Индии. Ганди на личном примере показывал воплощение своих стратегий, отдаваясь процессу борьбы без остатка, такая самоотдача вдохновляла общество подниматься на активную борьбу за свободу. Для более эффективного привлечения внимания к своим идеям Ганди также обращался к религии [1, с.

105]. В ней он черпал символы, с помощью которых более детально доносил до общества свои идеи. Он использовал веру не как инструмент для достижения цели, а преобразовывал её в свои принципы ненасилия для большей привлекательности в глазах людей. Мартин Лютер Кинг также постоянно был в центре политических событий, что свидетельствовало о его включенности в процесс, вдохновляя людей на такие же действия. Также одним из способов вовлечения людей в свои идеи были речи Кинга. За счёт высокого уровня своего ораторского мастерства он привлекал внимание общественности, умело используя в своих речах различные метафоры и образы из религиозных писаний, что позволяло заинтересовать людей и доносить до них суть проводимой им борьбы. Все созданные им образы находили отклики в душах людей и это способствовало тому, что они начинали доверять Кингу и его идеям. Кинг транслировал в своих речах актуальные для людей ценности, способствуя созданию эмоциональных связей и объединению людей. Вовлечение масс в свои движения у обоих лидеров строилось как на уникальных моментах, так и на сходствах, которые, например, заключались в том, что оба использовали религию как инструмент для мобилизации сторонников, но масштаб включённости религии был разным. Кинг делал акцент на христианстве, в то время как Ганди не останавливался на конкретной религии, а использовал особенности разных верований.

Чтобы раскрыть полную картину лидерства Махатма Ганди и Мартина Лютера Кинга нужно рассмотреть подходы к лидерству которые они использовали. Ганди свой подход демонстрировал в виде духовного пути, на основе которого следовало осуществлять политическую борьбу. Такой тип борьбы давал людям возможность объединяться во имя принципов морали и нравственности, что позволяло через обращение к себе очистить разум и душу. Кинг в своём подходе к лидерству делал акцент на борьбу с системой [4, с. 68]. Его подход был направлен на изменение сферы законодательства, что являлось ключом к достижению справедливого отношения ко всем

слоям населения США. Сходство в данных подходах было в том, что они оба лидера не использовали прямое противостояние, а делали акцент на осуществлении ненасильственного сопротивления. Взаимодействие со СМИ тоже сыграло важную роль в формировании стилей лидерства. Ганди сделал свои акции и походы способом общения с обществом, он своим личным примером доносил до людей суть его идей и борьбы. Мартин Лютер Кинг очень активно использовал СМИ в своей деятельности как один из способов взаимодействия с аудиторией. Через СМИ разного вида, газеты и телевидение, он продвигал свои идеи и рассказывал о несправедливости, которая происходила в государстве по отношению к афроамериканцам.

Подход к достижению поставленных целей у обоих лидеров тоже имел как сходства, так и отличия. Махатма Ганди и Мартин Лютер Кинг добивались изменений в обществе. Их цели были направлены на улучшение жизни людей и восстановление справедливости. Все их шаги были поступательными и последовательными, что давало возможность избежать поспешных действий. Ганди в своём подходе к достижению цели делал акцент на духовное состояние человека. Он считал, что только через внутреннюю работу над собой можно позвать истину в борьбе за справедливость и только через принятие и понимание себя можно добиться этих целей ненасильственным путём. Кинг был больше сфокусирован на внешних факторах достижения цели, хотя он также не пренебрегал обращением к моральным ценностям людей. Его подход к достижению целей заключался в том, что он задействовал в своих стратегиях всевозможные внешние ресурсы для решения проблем, возникающих на пути к цели.

Можно убедиться, что в формировании стилей политического лидерства Махатма Ганди и Мартина Лютера Кинга присутствуют разные факторы, которые формировали их уникальные стили. Умение видоизменять под свой контекст данные компоненты стилей лидерства позволило им развивать свои идеи в обществах с различным культурным опытом.

Таблица 1

Сравнение стилей политического лидерства М.К. Ганди и М.Л. Кинга [1, 4, 5].

Критерии сравнения	Махатма Ганди	Мартин Лютер Кинг
Контекст борьбы	Боролся против социальной несправедливости в отношении «цветного» населения в Южной Африке и колониальной политики Британии в Индии	Боролся за гражданские права и против расовой сегрегации в США
Фокус борьбы	Объединение различных слоёв общества для получения независимости	Решение расовых вопросов, борьба с сегрегацией
Методы борьбы	Организовывал сатьяграхи (акции гражданского неповиновения)	Организовывал мирные демонстрации и митинги
Способ вдохновения масс	Личный пример, демонстрация аскетичной жизни, использование простых символов	Ораторское мастерство, эмоциональные речи, сочетание светских и религиозных образов
Стиль жизни	Аскетизм, отказ от благ цивилизации, ношение простой одежды, жизнь в общине	Жил традиционной жизнью среднего класса, сочетал роли пастора, общественного деятеля и семьянина
Подход к лидерству	Рассматривал политическую борьбу как духовный путь, стремился к очищению личного и коллективного через политическое действие	Опирался на политическую и социальную сферы, делал упор на конкретных законодательных и политических изменениях
Использование религии	Глубоко включал различные религиозные традиции в свою философию	Использовал библейские аллюзии в своей риторике
Отношение к политике	Рассматривал политические и социальные изменения как часть более широкого процесса духовного и морального изменения	Активно использовал политическое давление и мобилизацию общественного мнения
Использование СМИ	Использовал свои публичные выступления как форму взаимодействия с обществом	Активно использовал телевидение и печатные СМИ для формирования общественного мнения
Навыки переговоров	Мастер политических переговоров, находил баланс между требованиями и уступками	Стремился к компромиссам, лоббировал принятие законодательных решений, работал с обеими сторонами
Подход к достижению целей	Более сконцентрирован на внутреннем духовном состоянии	Более сконцентрирован на окружающей действительности, использовал внешние ресурсы

Продолжая проводить сравнительный анализ, стоит охарактеризовать личностные качества Махатма Ганди и Мартина Лютера Кинга (см. Таблица 2). Такой анализ даст возможность рассмотреть личности обоих лидеров со стороны того, как персональные качества влияют на эффективность продвижения идей и стратегий ненасилия в обществах с разным культурным кодом.

Первое, на что стоит обратить внимание, анализируя личностные качества, это настойчивость и упорство лидеров. Махатма Ганди в течение продолжительного периода боролся за независимость Индии. Проводя эту

борьбу, он систематически работал над тем, чтобы совершенствовать свою концепцию ненасилия. Регулярная работа над стратегией и тактикой борьбы получалась только благодаря упорной настойчивости Ганди. Его личность также проявлялась в терпении, когда он продолжал идти по своему пути, хотя результат и не был достигнут с первых попыток [3, с. 28]. Настойчивость Ганди носила и психологический характер. Он создавал свою стратегию борьбы против британской колониальной политики и понимал, что борьба будет длительной, а значит нужно быть готовым духовно и нравственно продвигать свои идеи и

принципы в условиях долгосрочной перспективы достижения поставленных целей. Такой подход к проявлению настойчивости в рамках долгосрочной перспективы был характерен для Ганди по причине того, что он был воспитан в среде постепенных изменений, где традиции ненасилия были обычным укладом неспешной пасторальной жизни. Борьба Мартина Лютера Кинга также была ярким примером проявления настойчивости характера. Среда, которая окружала Кинга всю жизнь, способствовала формированию упорства, но в другом её проявлении. Временной промежуток борьбы Кинга был короче, чем у Ганди, что требовало от Мартина более резких решений и приводило к более быстрым результатам. Такой темп социальной активности оказывал давление как на самого Кинга, так и на стратегии, применяемые им. Кингу в своей борьбе приходилось сталкиваться с противостоянием тех, кто считал сегрегацию нормальной частью общества. Проведение бойкотов тоже требовало настойчивости как от Кинга, так и его последователей. Для привлечения к своим идеям ненасилия и проведения акций гражданского неповиновения, Кинг упорно обращался к социальным проблемам, которые волновали общество [11, с. 236–238]. Погружение в контекст данных проблем и донесение идей до умов людей через свои речи, также требовало от Мартина проявления настойчивости, черты которой он умело направлял в работу над своей концепцией ненасилия.

Второе важное качество – эмпатия. Махатма Ганди ещё в самый первый раз столкнувшись с несправедливостью в отношении индийского населения в Южной Африке, не смог остаться равнодушным. Ганди всегда был близок к обществу и его проблемам. Он вёл аскетичный образ жизни, отказываясь от многих материальных благ, чтобы быть наравне с теми, ради кого он создавал свои идеи, продумывая стратегии борьбы за справедливость. Его проявление эмпатии можно охарактеризовать как сопереживающую, потому что Ганди он не только был наблюдателем за тем, что испытывают люди, столкнувшиеся с несправедливостью, но и сам испытывал эти чувства, на которых и были выстроены идеи ненасилия. Эмпатия Кинга также имела свои особенности. В своих речах он часто говорил о любви и сострадании. Именно эти ценности он пытался донести до людей. Он, обладая чувством эмпатии, был активным в проявлении помощи и поддержки для разных групп населения. Его эмпатию можно

охарактеризовать как непредвзятую, потому что даже сталкиваясь с недовольством белого населения, он старался понять их чувства и проблемы, не прибегая к критике взглядов отличных от его собственных.

Третье качество, характерное для обоих лидеров, это сила воли. Особенность силы воли Ганди заключалась в том, что он проявлял её в разных аспектах. Его сила воли была непоколебима, когда он выражал своё несогласие с проводимой политикой Британии с помощью проведения маршей [9, с. 155–156]. Сила воли также прослеживалась в его аскетичном образе жизни. А в моменты, когда его идеи о ненасильственном сопротивлении стояли под угрозой по причине применения насилия с одной из сторон конфликта, он объявлял голодовку, демонстрируя крепкую силу воли, протестуя против нарушения его идей. Силу воли Кинга можно характеризовать через целеустремленность. Он двигался к своим целям несмотря на преграды, которые возникали на его пути в виде регулярного давления как со стороны государства, так и со стороны части населения, которая выступала за сохранение расовой сегрегации. Кинг ради восстановления справедливости в обществе, пренебрегал комфортом личной жизни, полностью отдаваясь интересам людей, которые поддерживали его идеями.

И, последнее качество, о котором стоит сказать: это наличие у обоих лидеров стратегического мышления. Стратегическое мышление Ганди можно назвать долгосрочным, потому что он прекрасно понимал, вступая в борьбу за независимость Индии, какая долгая и трудная борьба ему предстоит. Он был сфокусирован на чётком планировании своих стратегий, опирающихся на принципы сатьяграхи. Его мирные протесты были нагружены разными символами, которые отзывались в душах людей и в то же время показывали Ганди как стратега с глубоким аналитическим мышлением. Стратегическое мышление Кинга можно назвать системным. Он грамотно интегрировал разные инструменты в свою риторику, помогавшие ему продвигать собственные идеи, например, СМИ, позволявшие охватывать большее количество людей. Он продумывал свой путь к решению вопросов о расовой сегрегации в условиях борьбы против структуры, сложившейся в государстве в отношении афроамериканского населения.

Таким образом, проведя сравнительный анализ стилей политического лидерства и

личностных качеств Ганди и Кинга, можно сделать вывод о том, что несмотря на отличные друг от друга контексты, в которых оба лидера реализовывали свои идеи, их объединяет гуманистический подход к осуществлению задуманных планов. Претворяя свои идеи в жизнь, они чётко продемонстрировали возможность различных комбинаций религиозных воззрений, культурных ценностей и политических взглядов. Их концепции ненасилия

показав свою эффективность, внесла значительный вклад в историю Индии и США, обретя известность по всему миру. Разработанные ими политические стратегии до сих пор остаются актуальными, что в очередной раз подчеркивает уникальность и высокий профессионализм Махатмы Ганди и Мартина Лютера Кинга как неповторимых лидеров своего времени.

Таблица 2

Сравнение личностных качеств М.К. Ганди и М.Л. Кинга [3, 9, 11].

Критерии сравнения	Махатма Ганди	Мартин Лютер Кинг
Настойчивость	<ul style="list-style-type: none"> - продолжительная борьба за независимость Индии; - систематическая работа над совершенствованием концепции ненасилия; - терпение, готовность продолжать идти по своему пути несмотря на неудачи; - целеустремленность, помогавшая привлекать людей к борьбе за справедливость; - психологическая настойчивость, понимание необходимости долгосрочной борьбы 	<ul style="list-style-type: none"> - более резкие решения и быстрые результаты, чем у Ганди; - необходимость противостоять тем, кто считал сегрегацию нормальной; - креативный подход к проведению борьбы, использование альтернативных методов (бойкоты, демонстрации); - настойчивость в доведении идей ненасилия до общества через речи и социальные проблемы
Эмпатия	<ul style="list-style-type: none"> - сопереживающая эмпатия, Ганди не только наблюдал, но и сам испытывал чувства угнетенных; - ведение аскетичного образа жизни, чтобы быть на одном уровне с теми, за кого боролся 	<ul style="list-style-type: none"> - непредвзятая эмпатия, Кинг старался понять чувства и проблемы противников, не прибегая к критике; - проявление помощи и поддержки различным группам общества
Сила воли	<ul style="list-style-type: none"> - демонстрация приверженности принципам ненасилия через аскетичный образ жизни и отказ от материальных благ; - способность преодолевать личные страдания ради достижения общественной справедливости 	<ul style="list-style-type: none"> - выдерживание постоянного давления со стороны властей и расистских организаций; - жертвование личным комфортом ради общественной справедливости
Стратегическое мышление	<ul style="list-style-type: none"> - разработка многоступенчатой стратегии сатьяграхи (гражданское неповиновение, мирные протесты, голодовки); - умелое использование собственного образа для привлечения внимания к идеям ненасилия 	<ul style="list-style-type: none"> - более реактивная стратегия, основанная на быстром реагировании на актуальные события и проблемы; - использование различных методов ненасильственного сопротивления (марши, бойкоты, сидячие протесты); - умелое использование СМИ для распространения идей и мобилизации общественной поддержки

Список литературы:

1. Билалов, М.И. Постигание истины: уловимость, объяснимость, выразительность / М.И. Билалов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 2017. – 337 с.
2. Ганди, М.К. Моя жизнь, или История моих экспериментов с истиной / М.К. Ганди; [перевод с английского И. Моничева]. – М.: Издательство АСТ, 2020. – 576 с.
3. Гусейнова, А.А. Этика ненасилия / А.А. Гусейнова; Под ред. А.А. Гусейнова и Р.Г. Апреяна. Сост. Философское об-во СССР. – М.: Наука, 1991. – 242 с.

4. Кинг, М.Л. Есть у меня мечта... Избранные труды и выступления / М.Л. Кинг. – М.: Наука, 1970. – 225 с.
5. Комаров, Э.Н., Литман, А.Д. Мировоззрение Мохандаса Карамчанда Ганди / Э.Н. Комаров, А.Д. Литман; Отв. ред.: Р.А. Ульяновский. – М.: Наука, 1969. – 236 с.
6. Миллер У.Р. Мартин Лютер Кинг. Жизнь, страдания и величие. – М: Рудомино: Текст, 2004. – 285 с.
7. Полонская, Л.Р. Махатма Ганди: смысл жизни. Святой или политический деятель? / Л.Р. Полонская // Новая и новейшая история. – 1991. – № 4. – С. 84–110.
8. Пряхин, Н.Г. Феномены ненасилия и толерантности в социально-философской парадигме современного общества / Н.Г. Пряхин, И.С. Андронов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2016. – 186 с.
9. Burns, J.M. Transforming Leadership: A New Pursuit of Happiness / J.M. Burns. – New York: Grove Press, 2003. – 320 p.
10. Carlson, K. The Autobiography of Martin Luther King Jr. / K. Carlson. – New York: Intellectual Property Management with Warner Books, 2014. – 271 p.
11. Nojeim, M. Gandhi and King: the power of nonviolent resistance / M. Nojeim. – London: Bloomsbury Academic, 2004. – 331 p.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 32.019.5

*А. С. Панков**Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент А. В. Штепа***ВЛИЯНИЕ ХАРИЗМЫ ЧЕЛОВЕКА НА ЕГО ПРОДВИЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КАРЬЕРЕ НА ПРИМЕРЕ В. В. ЖИРИНОВСКОГО**

В данной статье рассматривается влияние харизмы на успешное продвижение человека в политической карьере. Харизма – личностное качество, без которого в политической деятельности не всегда удаётся проявить свои умения и навыки публично, оказать влияние на людей и повести их за собой, уверяя в правильности своего мнения. На примере В.В. Жириновского – известного российского политика, философа, оратора и человека с ярко выраженной харизмой показаны его основные успехи в политике благодаря ценному и редкому качеству личности. Целью работы является показать прямое влияние харизмы на политическую карьеру, используя историю жизни и деятельности Владимира Вольфовича. Автором предложены факты и доказательства влияния харизмы на политическую деятельность отдельно взятого человека.

Ключевые слова: харизма; политика; политическая деятельность; политическая карьера.

*A.S. Pankov**Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor A.V. Shtepa***THE INFLUENCE OF A PERSON'S CHARISMA ON HIS ADVANCEMENT
IN A POLITICAL CAREER ON THE EXAMPLE OF V.V. ZHIRINOVSKY**

This article examines the influence of charisma on the successful advancement of a person in a political career. Charisma is a personal quality, without which in political activity it is not always possible to show your skills and abilities in public, influence people and lead them, assuring them of the correctness of your opinion. Therefore, charisma is given due attention by many studies. The example of V.V. Zhirinovskiy, a great Russian politician, philosopher, orator and a man with pronounced charisma, will show his main successes in politics due to a valuable and rare personality quality. The aim of the work is to show the direct influence of charisma on a political career, using the story of Vladimir Volfovich. The author offers facts and evidence of the influence of charisma on the political activity of a single person.

Keywords: charisma; politics; political activity; political career.

Ни одно историческое событие в нашем обществе не происходило без человека, которого прошлые поколения называли по-разному: вождь, старейшина, военный вождь, князь, царь, император и т.д. Это люди, которые создавали, а затем воплощали в реальной жизни свои идеи и желания, порой очень революционные и эфемерные для той или иной эпохи. Подобным людям приписывалась какая-то черта, качество, способность, заставляющая толпы идти за ними. Так что же это за качество, заставляющее людей отдавать свои интеллектуальные и физические ресурсы ради воплощения в жизнь чужой идеи? Это «харизма», в переводе с греческого языка – благодать, божественный дар. В социальных науках, прежде всего в политической социологии и социологии религии, это совокупность исключительных, вне обыденных, экстраординарных качеств и способностей, приписываемых духовному, религиозному или политическому лидеру его последователями и

служащими [5; 8; 12]. Понятие «харизмы» получило социологическое истолкование в трудах М. Вебера и Э. Трёлча. Харизматическое господство, по Веберу, является одним из идеальных типов легитимного господства, наряду с легально-рациональным и традиционным. В роли харизматических лидеров в разных исторических ситуациях могли выступать пророки, «народные герои», выдающиеся полководцы, государственные деятели, реформаторы, революционные вожди и другие. Носители харизмы в глазах своих сторонников всегда наделялись неоспоримым авторитетом, талантами и добродетелями, которыми обычные люди не обладали, например: мудрость, прозорливость, дальновидность, сила духа, смелость и военная доблесть, богоизбранность и дар предвидения, контакт с высшими силами и т.п. Долгое время харизму воспринимали как уникальную способность, которая дана человеку самим Богом, но последние научные исследования, объясняют происхождение

харизмы на физиологическом и социальном уровне, а также показывают, как можно приобрести необходимые навыки и умения, чтобы быть харизматичным. В общем и целом, харизма включает в себя следующее: эмпатию, коммуникабельность, уверенность, обаяние, развитые навыки ораторского искусства, убедительность, способность мотивировать и вдохновлять.

На физиологическом уровне харизма работает следующим образом: за работу нашей центральной нервной системы и когнитивных функций мозга отвечают гормоны и нейромедиаторы – передатчики нервных импульсов между клетками мозга и всем организмом. На наличие харизмы влияют следующие важные вещества: дофамин, тестостерон, окситоцин и кортизол. Дофамин – это ключевой стимулирующий нейромедиатор центральной нервной системы, влияющий на процессы мотивации, стимулирующий когнитивные функции (мышление, память, речь, концентрацию внимания и т.д.), дающий чувство удовлетворения от выполненных задач, поэтому его относят к «гормонам удовольствия и счастья». Кроме того, дофамин повышает двигательную и речевую активность. Человек быстро говорит, много жестикулирует, выглядит бодрым. В 2016 г. профессор психологии университета Кливсленда (Австралия) Уильям фон Хиппель провел исследование: в нём участвовало несколько десятков небольших групп друзей, их попросили пройти тесты на интеллект и особенности личности, а потом как можно быстрее ответить на вопросы на общие знания, а друзья должны были оценивать харизму отвечающего. В результате выяснилось, что наиболее харизматичными называли участников, которые отвечали на вопросы быстрее прочих, чья речь была выразительнее и «живее» [15]. При этом уровень интеллекта, багаж знаний и личные особенности здесь были ни при чём – это доказало изучение результатов тестирования перед опросами. Кроме того, дофамин связан с эмоциональной сферой, в том числе – с работой зеркальных нейронов, которые отвечают за эмпатию. Люди со здоровым и повышенным уровнем дофамина лучше «считывают» эмоции собеседников и подстраиваются под них. Далее следует тестостерон. Это стероидный мужской гормон из группы андрогенов, отвечающий за формирование вторичных половых признаков и половую функцию. Тестостерон играет важную роль в формировании харизмы мужчины. Этот гормон не только отвечает за сексуальное

влечение и поведение, но также влияет на уверенность, агрессивность, энергию и стойкость. Исследования показывают, что уровень тестостерона в организме мужчины может быть связан с его способностью привлекать внимание, влиять на окружающих и вызывать доверие. Высокий уровень тестостерона часто ассоциируется с харизмой, уверенностью в себе и способностью быть лидером. Следующий гормон – окситоцин, в 1909 г. выделенный у человека из задней доли гипофиза Генри Дейлом. Само название гормона в переводе с греческого языка означает «быстрые роды». Исследованиями доказано, что мужском организме происходит центральный синтез и секреция окситоцина в гипоталамусе, а также имеются периферические участки его секреции и обширный рецепторный аппарат в различных клетках и тканях, свидетельствующие, что окситоцин обладает широким спектром физиологических эффектов как у женщин, так и у мужчин. В последние годы накопилась информация, которая подтверждает весомую роль окситоцина как ключевого гормона социализации, общения, эмпатии и доверия, который «объединяет» людей в пары, группы и коллективы. Этот гормон может влиять на наличие и развитие эмпатии и эмоционального интеллекта, способствовать нравственному поведению и лидерству, предопределять память на эмоционально значимые события, улучшая её, повышает обучаемость и уровень стратегического мышления, усиливая положительные социальные эмоции.

Кортизол – это гормон, который вырабатывается надпочечниками. Он играет важную роль в адаптации организма к стрессовым факторам, травмам и шоковым состояниям. Кортизол влияет на харизму мужчин тем, что его уровень может определять способность контролировать эмоции и проявлять эмоциональную стабильность. Мужчины с низким уровнем кортизола обычно более спокойные и уравновешенные, что может придавать им харизму и привлекательность. Наоборот, повышенный уровень кортизола может вызывать эмоциональную нестабильность, депрессию, настроенческие скачки, раздражительность и злость.

Можно с уверенностью сказать, что люди, имеющие оптимальный уровень четырёх названных гормонов, являются кандидатами на звание харизматика. Но не стоит забывать об особенностях каждого отдельного человека и связи физиологического и социального в нашем организме, поэтому следует

упомануть об интеллекте, который отвечает за общий уровень познавательных способностей, и довольно часто упоминается как один из факторов, влияющих на харизму.

Интеллект – это сложное и многогранное понятие, которое охватывает широкий спектр когнитивных способностей, включая мышление, понимание, обучение, решение проблем, восприятие, память и адаптацию к новым ситуациям. Интеллект может быть определён как способность индивида использовать свои умственные ресурсы для анализа информации, принятия решений и выполнения задач. Интеллект может значительно повлиять на харизму мужчины. Умные и образованные мужчины обычно обладают привлекательностью, обаянием, уверенностью, эмпатией, всем тем, что является основой харизмы. Их знания и умения обычно ассоциируются с привлекательностью для окружающих, способностью объединять людей вокруг себя, умением поддержать любой разговор, возможностью успешного продвижения по карьерной лестнице. Обычно такие мужчины более привлекательны для женского пола. Но стоит сказать, что это частные случаи, поскольку у таких мужчин физиологическое и социальное находится в гармонии, что и позволяет им проявлять себя. Их физиология стабильна: все перечисленные гормоны в норме, а что ещё важнее его социальное: такой мужчина социализирован, общителен, открыт, не имеет социофобии и других психических проблем во взаимодействии с окружающими. А сверху на всё это накладывается острый ум, любознательность, заинтересованность, открытость ко всему новому, чёткое видение мира и своей цели, можно сказать: имеет признаки интеллекта. Только при наличии всех этих условий в совокупности мужчина обладает харизмой, которая будет всю его жизнь сопровождать и помогать в достижении целей. Ведь интеллект без других развитых качеств и умений не даёт уверенности, бойкости, напористости, обаяния, стойкости, смелости, всего того, что характеризует поведение харизматичного лидера, не показывает его в глазах масс тем, кого они привыкли видеть и кому привыкли подчиняться. Человек может быть интеллектуальным и образованным, но скучным, закрытым, необщительным, неинтересным и не умеющим высказывать свою мысль для окружающих. Поэтому такой человек не сможет привлечь к себе внимание, склонить к своей точке зрения и объяснить окружающим, почему именно он прав в своём высказывании

и почему люди должны слушать и следовать только за ним. Не стоит забывать, что многие известные учёные обладали высоким уровнем интеллекта, но мало кто из них был харизматичным человеком.

О харизме писал Дейл Карнеги – американский педагог, лектор, писатель, оратор-мотиватор. Так, в одной из своих книг он рассказывает, что такое харизма. «В человеческой личности есть нечто, ускользающее от объектива фотографа, – то, что не может написать художник, не может изваять скульптор... Харизма, этот особый шарм. Она способна управлять даже сильными личностями, да что там – она может влиять на судьбы целых народов! Люди, обладающие этой магической силой, бессознательно влияют на нас. В их присутствии мы как будто становимся более значительными, чувствуем прилив сил и ощущение освобождения, словно исчез тяжкий груз, лежавший на наших плечах. Важные составляющие личностного магнетизма – хорошие манеры, тактичность, здравый смысл и хороший вкус. Желаемые личностные черты можно приобрести. Люди не рождаются одинаковыми: у нас разный интеллект, разная физическая сила, разный уровень энергии. Но при желании все мы можем стать харизматичными, развив в себе определенные личностные черты. Главное – неустанно работать над собой...» [6, с. 10]. Можно заметить, Дейл Карнеги считает, что харизму можно приобрести.

Следует сказать и о Никколо Макиавелли – итальянском политическом философе и писателе, основоположнике политологии. Он несколько раз упоминал харизму в своих произведениях и рассматривал её как важное качество лидера, способного управлять государством или обществом. Макиавелли считал, что харизма может быть использована для того, чтобы убедить и вдохновить подданных или сограждан на выполнение своих указаний. В своем известном труде «Государь» он писал, что лидер должен обладать как качествами воина (сильным воинским духом), так и качествами льва (харизмой и убежденностью) [3, с. 91]. Обладая всеми навыками и умениями, харизматик способен вызвать доверие и создать положительные и доверительные эмоции у людей. Политические лидеры с харизмой обычно обладают способностью вдохновлять людей и мобилизовать их к совместным действиям. Они часто обладают убедительностью и умением эффективно коммуницировать с широким кругом лиц. Харизматичные политики могут легко привлечь внимание СМИ и

общественности, что помогает им обрести популярность и узнаваемость. Стиль общения носителей харизматических черт часто создает ощущение близости и доступности, что делает политика более привлекательным для избирателей. Однако лишь одна харизма сама по себе не является гарантом продвижения человека в социальной иерархии, а особенно в политической карьере. Следует подчеркнуть, что харизматичных личностей замечают чаще, и привести к власти в политике харизма сможет, но не гарантирует результата. Политика очень сложная наука и явление, имеющая совокупность многовековых традиций и обычаев. В связи с этим в ней происходят постоянные события и процессы, уследить и понять которые тяжело простым людям, но если говорить о продвижении в политической карьере, то на это, помимо харизмы, влияют и другие не менее важные каналы продвижения: происхождение, связи, финансовый капитал и др. Часты ситуации когда у власти находятся совершенно разные люди, не харизматичные по своей природе настолько, что им с трудом удаётся выступить перед коллегами, избирателями, но используя указанные каналы, они могут проще достигнуть властных вершин, оставаясь «на плаву» очень долгое время. Они также имеют возможность передать власть своим детям, внукам и следующим поколениям, если представится возможность. Поэтому харизма хоть и является таким же каналом продвижения в политической карьере, но реальность такова, что добиться власти «с нуля» получается крайне редко. А те, кто это делает считаются легендарными и гениальными личностями. В истории есть примеры таких людей: Владимир Путин, Фидель Кастро, Наполеон Бонапарт.

Интересно, что в политической сфере людям больше важны эмоции, поведение и личность политика, что, собственно, и привлекает людей в нём, нежели его интеллектуальные способности, которые как уже упоминалось создают идеальную связь для того, чтобы считаться гением и харизматиком. Данные слова можно подтвердить ярким примером. ВЦИОМ 29–30 сентября 2007 г. провёл опрос на тему: «Что больше всего привлекает россиян в В.В. Путине», опросив около 1600 чел. из 153 населённых пунктов в 46 областях, республиках и краях РФ. Несмотря на то, что в опросе участвовало мало людей, результаты достаточно любопытны. Так, при оценке нашими соотечественниками В.В. Путина как политика и личность, многие видят в нём

энергичного и инициативного человека (91%), хорошо разбирающегося в разных вопросах (88%), умеющего предлагать новые идеи (64%). Считали его компетентным 88% россиян, 60% определили как принципиального человека, решительным назвали 86% респондентов, современным руководителем – 75%, который заботится о благополучии страны (79%). Кроме того, многие участники опроса высказались о доброжелательности и приветливости В.В. Путина (83%), о его честности и порядочности (72%), доступности (65%) и искренности (60%) [11]. Можно сказать, что россияне в Президенте в первую очередь привлекают те качества, которые способны вызывать эмоции и создать доверительные отношения «власть – народ». По результатам опроса также не были выделены такие качества, умения и черты как: гениальность, начитанность, интеллект, уровень политических и правовых знаний. Это говорит о том, что людей больше привлекают эмоции и чувства, которые они испытывают по отношению к В.В. Путину. Из этого можно сделать вывод о том, что реальность политической сферы часто расходится с теми представлениями, которые находятся в умах людей, поскольку многие явления, происходящие в обществе либо нельзя объяснить, либо можно попробовать объяснить с помощью политической социологии, которая во многом связывает заложенное в нас природой с политическими событиями и процессами.

Настоящая статья посвящена личности Владимира Вольфовича Жириновский – российского политика, основателя и долгое время бессменного лидера ЛДПР, известного своими острыми высказываниями, провокационными выступлениями и нестандартными подходами к политике. Жириновский считается одним из самых ярких и противоречивых политиков в современной истории России. Его часто обвиняют в экстремистских высказываниях, провокациях и подстрекательстве к насилию, но при этом признают наличие у него лидерских и стратегических качеств. Жириновский обладал харизмой и магнетизмом, способными привлечь внимание аудитории. Он умело использовал свой нестандартный стиль общения с избирателями для создания имиджа сильного и решительного лидера. В ходе своих выступлений Жириновский часто вызывал смех, удивление и возмущение, что делало его выступления запоминающимися. Жириновский играл значительную роль в российской политике и общественной жизни, оказывая влияние на ход событий и общественное мнение.

Владимир Жириновский появился на свет 25 апреля 1946 г. в Алма-Ате в семье Александры Жириновской и Вольфа Эйдельштейна. В 1970 г., окончив Институт восточных языков при МГУ им. М. В. Ломоносова, он получил квалификацию специалиста по Турции и турецкому языку. В 1977 г. будущий известный политик окончил вечернее отделение юрфака МГУ. С раннего возраста Владимир Вольфович любил читать книги по политике, экономике и философии, благодаря своему интеллекту, упорному труду он смог овладеть необходимыми знаниями, а соединив их с умением чувствовать толпу обеспечил себе любовь и поддержку достаточно широких слоёв населения и многих лидеров политической элиты, что, конечно, повлияло на его продвижение по карьерной лестнице. В 1998 г. он защитил диссертацию, став доктором философских наук.

С 1975 по 1983 годы Владимир Вольфович работал консультантом в отделе Европы Иностранной юридической коллегии Министерства юстиции СССР, а затем возглавил юридический отдел издательства «Мир». Жириновский стал известен благодаря своим ярким публичным выступлениям, особенно во время выборов. В 1990-е гг. он активно критиковал власти, выступал за защиту русскоязычных граждан в бывших советских республиках, предлагал упразднить национальные автономии в России и акцентировать внешнюю политику на азиатском направлении. Жириновский был депутатом всех созывов Государственной Думы и почти всегда возглавлял фракцию ЛДПР, занимая пост вице-спикера. Политик шесть раз пытался стать президентом России, сначала в РСФСР, а затем в Российской Федерации. Трижды он занимал третье место на выборах. Наилучший результат Жириновский показал в 2008 г., а наихудший — в 2000-м [10]. Когда Владимир Жириновский впервые в 1989 г. появился на центральном телевидении, его образ отличался уникальным тембром голоса, приподнятым подбородком, строгим взглядом и характерным положением рук. Эти черты сохранились в его политическом имидже и после распада СССР, но именно в переходный период им был сформирован запоминающийся эксцентричный стиль, который сделал его известным на всю страну. Барабанщик рок-группы «ДК» Сергей Жариков, работавший политтехнологом в ЛДПР в её ранние годы, утверждает, что именно он создал этот образ. По его словам, дерзкий и провокационный стиль Жириновского должен

был заменить устаревший имидж партийных функционеров из КПСС и произвести впечатление на зрителей. Основные черты этого образа включали крайнюю эмоциональность, хулиганское поведение и особую манеру аргументации. Эмоциональность проявлялась в отсутствии стеснения, что позволяло Жириновскому говорить на любые темы без ограничений; хулиганское поведение выражалось в использовании крепких слов и экстравагантных поступков, таких как раздача денег избирателям; а специфическая аргументация заключалась в том, что Жириновский говорил так, будто игнорировал мнение собеседника, демонстрируя, что ему не важно, что о нём подумают. Благодаря всем этим навыкам Владимир Вольфович занимал высокие позиции в политике всегда. Он никогда не боялся, не стеснялся и всегда проявлял себя, чем и смог обеспечить достойную карьеру. Также не стоит забывать о высоком уровне интеллекта, способности понимать массы, умении вызвать яркие эмоции, а главное – сплотить народ. Также В.В. Жириновский много раз с точностью в датах предсказывал мировые события, к всеобщему удивлению, многие предсказания сбылись и продолжают сбываться в настоящее время. Можно вспомнить ярчайшее выступление Жириновского на Парламентской Ассамблее Совета Европы в Страсбурге в 1998 г., где он был проницателен, точен, правдив и смел, отстаивая интересы России на мировой арене. В.В. Жириновский: «Когда вы говорите про Рай в Европе, вы забываете, что этот рай обеспечила русская армия, спасая вас от агрессии с Востока. Тысячу лет, да тысячу лет у нас не было демократии, потому что тысячу лет мы воевали. И сейчас продолжаем воевать, чтобы у вас в Европе была демократия. Кровь русских солдат продолжает литься на Балканах и в других регионах, потому что мы продолжаем что-то делать для Европы. Постоянно. Россия стоит между Азией и Европой. Мы вам сделали теплицу. Вы в теплице созреваете под тёплым солнышком, потому что на ваши головы не падают бомбы, потому что на Востоке стоит русская армия. Этот молодой чех, которому всего двадцать пять лет, он помнит шестьдесят восьмой год, но он не помнит девятое мая сорок пятого года. Когда война была закончена, а мы всё равно послали свои танки в истекающую кровью Прагу и вы сейчас все здесь сидите, а сидели бы в Бухенвальде, в немецком концлагере, если бы не наша армия, которая пятьдесят лет назад освободила, а южная Европа была бы под гнётом

турок, мы разбили турецкие армии, тридцать раз воевали с турками ... Это вы европейцы блокировали Ирак, Ливию и Югославию, и миллионы людей сегодня умирают от голода из-за вашей политики: из-за политики Совета Европы, из-за политики НАТО. Если вы будете применять двойной стандарт и говорить, что Россия – больна, больная, а вы больница, вы заблуждаетесь, мы к вам можем прийти, но в качестве врачей» [4]. Все присутствующие нехотя слушали столь пронизательную и яркую речь, подкреплённую исторической правдой, но в силу великолепной харизмы российского политика и необыкновенному таланту убеждения, зал молчал, лишь иногда высказывая недовольство. Владимир Жириновский — это яркий и противоречивый политик, чья роль в российской политике бесценна. Жириновский вошёл в категорию тех людей, которые благодаря харизме и интеллекту смогли возглавить политическую иерархию, не обладая богатством и знатным происхождением.

А что же говорили о В.В. Жириновском его коллеги и оппоненты после смерти? Можно привести некоторые высказывания:

1. Президент России Владимир Путин: «Владимир Жириновский был опытным политиком, энергичным, открытым к общению человеком, ярким оратором и полемистом. Основатель и бессменный лидер одной из старейших политических партий страны, он многое сделал для становления и развития российского парламентаризма, отечественного законодательства, искренне стремился внести вклад в решение важнейших общенациональных задач. И всегда, в любой аудитории, в самых острых дискуссиях отстаивал патриотическую позицию, интересы России» [10].

2. Заместитель председателя Совбеза Дмитрий Медведев: «Как и многие другие жители нашей страны, я впервые увидел Владимира Жириновского по телевидению. Его риторика не произвела на меня особого впечатления, хотя она привлекала внимание; его высказывания были яркими и иногда провокационными, что выделяло их на фоне большинства политиков того времени. Позже, когда я встретился с Владимиром Вольфовичем лично, я осознал, что первое впечатление, как это часто бывает, может вводить в заблуждение. Он действительно часто предлагал новые

идеи, активно делился своими геополитическими и социальными проектами и привлекал к своим мыслям исторические факты. Его образование было впечатляющим. Но не только это: он проявил себя как человек с государственным мышлением, являясь взвешенным аналитиком и прагматиком в сфере политики» [10].

3. Мэр Москвы Сергей Собянин: «Ушёл Владимир Жириновский. Одарённый человек и яркий политик. Многих людей покоряли его нестандартные идеи, харизма. Вместе с тем Владимир Вольфович всегда горячо откликался на происходящие в стране и мире события. Смело отстаивал свои взгляды и программу возглавляемой им партии. Он был деятельным участником новой политической эпохи России и внес большой вклад в её устройство» [10].

4. Глава Следственного комитета Александр Бастрыкин: «Владимир Вольфович был ярчайшей фигурой отечественной политики и всей государственной системы. Яркий, смелый, он никогда не боялся говорить правду и всегда выступал с новаторскими идеями. Он всегда отличался хлесткими, порой даже резкими высказываниями и суждениями, но за этой жесткостью стояли истинное сопереживание и беспокойство за судьбу Родины и за сограждан. Он искренне любил Россию и чувствовал её потенциал» [10].

Итак, мы рассмотрели основные аспекты, влияющие на формирование харизмы человека, и определяющие характер его политической карьеры, пришли к заключению о том, что биологически наличие харизмы определяется сложным сочетанием многих гормонов, оказывающих прямое влияние на формирование поведенческих форм человека. К тому же успешная комбинация гормонов должна сойтись с определёнными чертами личности, такими как острый ум, любознательность, заинтересованность, открытость ко всему новому, чёткое видение мира и своего места в нём и т.д. В совокупности всего этого мы получаем харизматический тип лидерства, который ярко, успешно и прагматично проявляет себя в политической и управленческой деятельности, что можно проследить на примере политической биографии В.В. Жириновского.

Список литературы:

1. В.В. Жириновский. Биография // РБК-ТВ: офиц. сайт. URL: <https://www.rbc.ru/person/617bfb79a7947fc327a3bcb> (дата обращения: 10.04.2024).
2. В.В. Жириновский. Биография // Википедия.ру. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Жириновский,_Владимир_Вольфович#Эксцентричный_образ_и_мемы (дата обращения: 10.04.2024).
3. Государь. О военном искусстве / Никколо Макиавелли; [пер. с итал.]. – М.: АСТ, 2023. – 416 с. – (Эксклюзивная классика).
4. Жириновский, В.В. Выступление на Парламентской Ассамблее Совета Европы в городе Страсбург в 1998 году / В.В. Жириновский. URL: <https://inforuss.info/inostrantsy-o-zhestkoj-rechizhirinovskogo/> (дата обращения: 10.04.2024).
5. Захарова, Е.А., Коваль, М.В. Харизма, как средство достижения успеха / Е.А. Захарова, М.В. Коваль // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2001. – № 3–4 (23). – С. 32–33.
6. Карнеги, Д. Как располагать к себе людей / Д. Карнеги. URL: <https://qamalladinuniversity.online/wp-content/uploads/2023/08/64.-D%C2%9AD%Do-N%C2%80D%N%C2%81D%D%D%D%D%N%C2%82N%C2%8C-Do-N%C2%81D%D%D%D%D%N%C2%8ED%D%D,I%C2%86.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
7. Киуру, К.В. Дискурс-исследование харизматичности политика / К.В. Киуру // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006. – №8(63). – С. 122–126.
8. Тюзиков И.А., Греков Е.А., Смирнов А. В. Окситоцин – незаслуженно забытый гормон у мужчин? // Андрология и генитальная хирургия. – 2023. – № 24(2). – С. 66–76.
9. Регулирующая роль кортизола в формировании сексуального поведения у молодых самцов. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/behavioral-neuroscience/articles/10.3389/fnbeh.2020.552567/full> (Дата обращения: 10.04.2024).
10. «Умел играть с непростой реальностью». Российские политики о В.В. Жириновском (06.04.2022) // РБК-ТВ: офиц. сайт. URL: <https://www.rbc.ru/politics/06/04/2022/624d76009a794747b2fa966d> (дата обращения: 10.04.2024).
11. Россиян в В. Путине больше всего привлекает харизма – исследование ВЦИОМ (05.10.2007) // РБК-ТВ: офиц. сайт. URL: <https://www.rbc.ru/society/05/10/2007/5703c9499a79470eaf7673d2> (дата обращения: 10.04.2024).
12. Фрейк, Н.В. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологической обозрение. – 2001. – Том 1. – №1. – С. 5–23.
13. Чалдини, Р. Психология влияния / Р. Чалдини. URL: <https://trinity-mission.ortox.ru/files/2016/03/Chaldini-Psihologiya-vliyaniya.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
14. Шарма, Р.С. Лидер без титула. Современная притча о настоящем успехе в жизни и в бизнесе / Р.С. Шарма. – М.: АСТ, 2010. URL: <https://artsakhlib.am/wp-content/uploads/2020/06/%D0%A0%D0%BE%D0%B1%D0%B8%D0%BD-%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B0-%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80-%D0%B1%D0%B5%D0%B7-%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%BB%D0%B0.pdf> (дата обращения: 10.04.2024).
15. Torres, Nicole. Fast Thinkers Are More Charismatic (Быстро мыслящие люди более харизматичны). Об исследовании Уильяма фон Хиппеля / Nicole Torres // Harvard Business Review. – 2016. – March. – Pp. 28 – 29. URL: <https://hbr.org/2016/03/fast-thinkers-are-more-charismatic> (дата обращения: 10.04.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

ПРАВО

УДК 347.626

М. А. Антонова, А. Г. Федоров

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ В СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ

В данной статье рассматриваются особенности правового регулирования брачного договора в России и Китае, акцентируется внимание на институциональных началах брачного договора, оказывающего существенное влияние на судебную практику, сложившуюся в этих странах при расторжении брачных отношений. Возрастающее внимание к брачному договору, как способу защиты имущественных прав в семейно-брачных отношениях, обусловлено появлением у супругов значительной имущественной массы, раздел которой в судебном процессе вызывает проблемы определения того имущества, которое не должно быть отнесено, по их мнению, к категории совместно нажитого имущества. В этих случаях только брачный договор изначально может устранить такие судебные споры, однако в анализируемых правовых системах России и Китая восприятие его институциональных особенностей имеет свои характерные черты, что влияет в итоге на правовое регулирование таких отношений. В статье анализируются доктринальные основы и сложившаяся правовая база исследуемых правовых систем, влияющие на заключение, осуществление и расторжение брачных договоров в России и Китае. Это позволяет глубже понять в целом совокупность правовых норм, регулирующих такой интересный, с точки зрения учёных и практиков институт семейно-брачных отношений, как брачный договор, в контексте современных трансформаций общества обеих стран.

Ключевые слова: брачный договор; Китай; Россия; Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс КНР, супруги; семейно-брачные отношения; защита имущественных прав.

М. А. Antonova, A. G. Fedorov

MARRIAGE CONTRACT AS A WAY OF PROTECTION OF PROPERTY RIGHTS IN FAMILY AND MARRIAGE RELATIONS: FEATURES OF LEGAL REGULATION IN RUSSIA AND CHINA

This article examines the features of the legal regulation of the marriage contract in Russia and China, focuses on the institutional principles of the marriage contract, which has a significant impact on the judicial practice that has developed in these countries during the celebration of marriage. The increasing attention to the marriage contract as a way of protecting property rights in marital relations is due to the emergence of a significant property estate among the spouses, the division of which in the judicial process causes problems in determining the property that should not be classified, in their opinion, as jointly acquired property. In these cases, only a prenuptial agreement can initially eliminate such legal disputes, however, in the analyzed legal systems of Russia and China, the perception of its institutional features has its own characteristics, which ultimately affects the legal regulation of such relations. The article analyzes the doctrinal foundations and the established legal framework of the legal systems under study, which affect the conclusion, implementation and termination of marriage contracts in Russia and China. This allows for a deeper understanding of the totality of legal norms governing such an interesting institution of family and marriage relations as the marriage contract, from the point of view of scientists and practitioners, in the context of modern transformations of society in both countries.

Keywords: marriage contract; China; Russia; Family Code of the Russian Federation, Civil Code of the People's Republic of China, spouses; family and marital relations; protection of property rights.

«Брачный договор» – это соглашение между партнёрами, которое устанавливает их имущественные права и обязанности в рамках брака или при его расторжении. Он позволяет определить режим собственности на имущество, организовать раздел имущества после развода и решать другие финансовые аспекты. Данный договор заключается по обеим сторонам и может быть изменён или аннулирован по согласию супругов. В современном обществе брачный договор играет важную роль, так как помогает защитить имущественные интересы и упорядочить финансы, особенно для тех, кто владеет значительными активами или имеет бизнес. Он способствует снижению напряжения и конфликтов в процессе развода, предоставляя чёткие указания касательно имущественных прав. Кроме того, брачный договор может оказаться полезным для планирования наследства и управления долгами, а также для согласования доходов и расходов обеих сторон. В целом, он выступает важным инструментом обеспечения финансовой устойчивости в браке и защиты интересов супругов в случае развода. Для анализа особенностей брачного договора будет рассмотрен опыт России и Китая.

В России регулирование брачного договора осуществляется Семейным и Гражданским кодексами. В ст. 40 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) дано легальное определение брачного договора. «Брачным договором» признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и (или) в случае его расторжения. Брачный договор может быть заключен до или после государственной регистрации, однако важно учитывать, что он требует обязательной письменной формы и нотариального удостоверения. Стоит учесть, что брачный договор заключенный до государственной регистрации заключения брака вступает в законную силу со дня государственной регистрации заключения брака [1, ст. 40, 41].

В современной России супруги могут определять режим собственности, как на уже имеющееся, так и на будущее имущество. В соответствии с частью 3 ст. 42 СК РФ брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей; предусматривать положения, ограничивающие право

нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания; содержать другие условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства [1, ст. 42]. При этом изменения в договоре возможны только по обоюдному согласию, а односторонний отказ не допускается. Кроме того, суд может аннулировать договор, если его условия ставят одного из супругов в невыгодное положение. Действие брачного договора распространяется на весь период брака. С момента прекращения брака действие брачного договора прекращается, за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака.

Практика применения брачного договора в России показывает, что он становится всё более популярным среди молодых семей, и это связано с ростом числа людей, стремящихся защитить свои имущественные интересы и избежать конфликтов при разводе. Однако практика применения брачного договора также выявляет некоторые проблемы и ограничения. Во-первых, многие люди не понимают, как правильно составить брачный договор и какие условия можно включить в него. Во-вторых, некоторые нотариусы и юристы не имеют достаточной квалификации для работы с брачными договорами. В-третьих, некоторые суды могут рассматривать брачные договоры как несправедливые, не учитывая их при разделе имущества. Таким образом, регулируя поведение своих граждан, государством устанавливаются правила, обязывающие их соблюдать не только собственные интересы, но и интересы других субъектов права. Формируя такую систему правоотношений, государство руководствуется положениями ст. 2 Конституции РФ, в которой определено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью [7, с. 26].

В Китае вопрос брачных договоров также становится всё более актуальным, особенно с ростом уровня жизни и увеличением имущественных активов граждан. По данным Китайского информационного Интернет-центра, в условиях активно стареющего общества (по данным Всекитайской переписи 2000 г. в КНР насчитывалось 88,11 млн человек старше 64 лет, что составляет 7% населения), «... государство пытается укрепить традиционные семейные ценности ... осознаёт всю серьёзность процессов, идущих в китайском обществе, в сфере семейных отношений, и пытается найти

способы их регулирования и преодоления негативных последствий для общества» [10]. Основным законодательным актом, регулирующим брачные отношения до 2021 г., являлся Закон КНР «О браке» 1980 г. в редакции 2001 года [3]. С 1 января 2021 г. в Китае вступил в силу Гражданский кодекс КНР (ГК КНР), который «является первым за всю историю КНР с момента образования (1949 г.) гражданским кодексом и первым нормативным правовым актом, который содержит в своём названии слово «кодекс» (典) [2]. При этом в китайском законодательстве о браке большое внимание уделяется вопросам личных неимущественных отношений, морали, что, по всей вероятности, обусловлено традиционной национальной приверженностью идеям Конфуция о гармонии. Таким образом, законный режим доминирует в семейно-брачных отношениях, если в брачном договоре не установлено иное. Супруги имеют равные права по распоряжению имуществом, находящимся в их совместной собственности. При этом законодательно уточняется, какие виды объектов и имущественных прав при отсутствии соглашения о принадлежности имущества в период семейно-брачных отношений могут оставаться в личной собственности одного из супругов. Это, вещи и права имущественного характера, которые появились у одного из супругов до брака, а также в период брака в результате дарения и или его наследования, пособия по инвалидности и иные выплаты на медицинское лечение [3, ст. 17, 18]. В отличие от России, брачный договор в Китае не требует обязательного нотариального удостоверения, но он должен быть составлен в письменной форме. Супруги могут свободно устанавливать условия распределения совместно нажитого имущества, что делает данный инструмент гибким и удобным для обеих сторон. На данный момент в китайских нормативных актах отсутствует дефиниция брачного договора. Законом КНР «О браке» определено, что супруги могут заключить соглашение, регулирующее имущественный характер отношений в браке и после его расторжения [3, абз. 1 ст. 19]. Таким образом, сам закон предусматривает брачный договор как соглашение между супругами. Также законодательно закрепляется то, что соглашение между мужем и женой относительно имущества, приобретенного во время существования брачных отношений, и имущества до вступления в брак является обязательным для обеих сторон. Если муж и жена

посредством совместного соглашения принимают на себя договорный характер семейно-брачных отношений, то у них возникают правовые последствия имущественного режима раздельной собственности, либо частично совместной и частично раздельной собственности. При этом долговые обязательства одного из супругов перед кредиторами будут погашаться исключительно за счёт принадлежащей ему имущественной массы [3, ст. 19].

Гражданский кодекс КНР 2021 г., отметив ряд важнейших законов в сфере гражданского права, в том числе и Закон КНР «О браке», объединил большинство правовых норм, регулирующих гражданские правоотношения по семи направлениям (частям, книгам): общую часть, вещное право, договоры, права личности, семья и брак, наследование и деликтная ответственность. Таким образом, пятая часть (книга) ГК КНР регулирует вопросы семьи и брака и она, базируясь на положениях Закона КНР «О браке», дополняется за счет судебных разъяснений, принятых на основании данного закона.

Например, в своей научной статье Н.В. Илтакова со ссылкой на П. Бажанова, приводит ряд Разъяснений Верховного народного суда КНР «О некоторых вопросах применения Закона КНР «О браке» [6, с. 109–110, 4, с. 111]. Так Разъяснения Верховного народного суда КНР 2003 г. с дополнениями от 2011 г. содержат правила, которые регулируют споры о недвижимости: когда средства для приобретения недвижимости предоставлены родителями одного из супругов до его вступления в брак; когда родители одного из супругов приобрели недвижимость во время брака; когда недвижимость была приобретена родителями обоих супругов, но она зарегистрирована на одного из супругов; когда недвижимость приобретается по договору ипотечного кредитования. Также можно отметить разъяснения Верховного народного суда КНР от 28 февраля 2017 г. и 8 января 2018 г. о рассмотрении дел, связанных с ответственностью супругов по обязательствам перед третьими лицами.

При довольно широком выборе законодатель отказался от открытой модели договорного режима имущества супругов (когда они сами конструировали режим, определяли разновидности собственности), существовавшей в первоначальной редакции. Такие китайские юристы, как Цай Фухуа (Cai Fuhua), Ван Цзюнькай (Wang Junkai), Хэ Чжи (He Zhi), объясняют это требованиями к безопасности сделок и защитой интересов третьих лиц, а

также борьбой с дискриминацией женщин при подписании договоров с мужьями. Это полностью соответствует принципу равенства мужчин и женщин, провозглашенному на международном уровне и в законодательстве Китая [5, с. 13]. Например, по мнению Хэ Чжи «брачный договор рассматривается как гражданско-правовая сделка в той мере, в какой регулируемые им отношения составляют предмет гражданского права, а когда регулируемые им отношения носят личный, неимущественный характер, он не может считаться гражданско-правовой сделкой» [9]. При этом, исследователь Ху Найсинь считает, что брачный договор может быть заключён супругами и будущими супругами свободно, может допускать вариативность в отношении правового регулирования имущественных отношений супругов, и его целью является не только определение режима имущества супругов. В тоже время, из-за того, что в семейном законодательстве КНР в норму о договорном режиме имущества супругов не включается определение о брачном договоре, соглашение о договорном режиме имущества супругов не обязательно заключается в форме брачного договора, а определение, касающееся данного соглашения, не совсем относится к брачному договору. То есть, брачный договор не является специально закреплённым законом отдельным видом договора, изменяющим законный режим имущества супругов [8, с. 4].

Тем не менее, культура и общественные нормы в Китае могут влиять на восприятие брачных договоров, и зачастую они считаются «предварительными шагами к разводам», что может вызвать недовольство. Зачастую молодые пары предпочитают не заключать такие соглашения, полагаясь на доверие друг к другу. Однако интерес к брачным договорам растёт, благодаря выходу на рынок нового поколения, более ориентированного на защиту своих финансовых интересов.

В институте семейно-брачных отношений двух стран существуют некоторые отличия. В законодательстве России прямо предусмотрено определение брачного договора, и обязательным условием является нотариальное удостоверение брачного договора. В КНР

брачный договор является соглашением между супругами. Стоит также отметить, что в законодательстве касающегося семейных отношений в КНР предусмотрены долговые обязательства супругов как их совместные.

Брачные договоры в КНР и РФ имеют свои уникальные аспекты и значимые отличия, что делает их важными инструментами в сфере регулирования семейных отношений. В Китае, на фоне традиционных представлений о семье и браке, брачный договор часто воспринимается как способ защиты индивидуальной собственности и стабильности финансовых отношений. Законодательство Китая предлагает гибкие возможности для сторон, позволяя им самим определять условия и последствия договора в соответствии с их личными интересами. Например, законодательство КНР, ограничивая субъектный состав брачного договора только супругами, разрешает им распорядиться режимом как имущества, приобретённого в период супружества, так и «добрачной собственностью». Дополнительным достоинством китайского законодательства является отказ от режима «мужской собственности», который можно было установить в 1930-е гг. [5, с. 13].

В России также брачный договор приобретает всё большую популярность, особенно в свете современных реалий, когда вопросы финансовой безопасности становятся приоритетными для многих семей. Российское законодательство также предоставляет возможность гибкой настройки условий договора, однако оно должно учитывать не только интересы сторон, но и общественные нормы.

Тем не менее, в обеих странах важность правовой грамотности и тщательного подхода к составлению брачного договора нельзя недооценивать. При этом прослеживается тенденция развития семейно-брачных отношений, как в российском, так и в китайском семейном праве, в виде постепенного ухода от частного права к праву социальному, что в последующем позволит избежать потенциальных конфликтов в сфере анализируемых имущественных правоотношений и обеспечить справедливое распределение прав и обязанностей между супругами.

Список литературы:

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 11.12.2024).
2. Гражданский кодекс Китайской народной республики (Принято на третьей сессии Тринадцатого Всекитайского собрания народных представителей 28 мая 2020 г.) // Законодательство по международному частному праву стран Восточной Азии: сайт. URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA> (дата обращения: 14.12.2024).
3. Закон КНР «О браке» от 10.09.1980 г. в редакции от 28.04.2001 г. // Правительственный портал Китая: сайт. URL: https://www.gov.cn/banshi/2005-05/25/content_847.htm (дата обращения: 14.12.2024).
4. Бажанов, П. Регистрация браков в Китае / П. Бажанов // CNLegal: блог о законодательстве в КНР. URL: https://cnlegal.ru/civil_law/china_marriage_registration/ (дата обращения: 16.12.2024).
5. Долинская, В.В. Брачный договор в праве Китайской Народной Республики и Российской Федерации / В.В. Долинская // Юридическая наука в Китае и России. – 2021. – № 4. – С. 9–14.
6. Илтакова, Н.В. Некоторые аспекты правового регулирования института семьи и брака в современном Китае / Н.В. Илтакова // Социальная компетентность. – 2019. – Т. 4. – № 2. – С. 106–111.
7. Федоров, А.Г. Право государства на применение мер обязывающего характера к гражданину как средство обеспечения его правомерного поведения / А.Г. Федоров // Вестник Калужского университета. – 2020. – № 1 (46). – С. 26–30.
8. Ху, Найсинь. К вопросу о правовой природе и содержании брачного договора в современном праве Китайской Народной Республики / Найсинь Ху // Закон и право. – 2019. – №4. – С. 87–90.
9. Чжи, Хэ. Договорное регулирование имущественных отношений в семье / Хэ Чжи. – Пекин: Издательство китайского университета политики и юриспруденции, 2016.
10. Новая редакция закона КНР о браке // Russian.China.org.cn: сайт. URL: http://russian.china.org.cn/links/txt/2007-12/04/content_9343921.htm (дата обращения: 16.12.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 340.11

*И. А. Иванников***ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

В статье рассмотрены авторские взгляды на возможные перспективы совершенствования правовой жизни общества в аспекте реализации принципа равенства и законодательства. Предметом исследования является проблема реализации принципов равенства и социальной справедливости в современном обществе с учётом оптимизации правосознания, правовой культуры, законодательства. Целью статьи является краткий анализ причин неравенства, которые ведут к дискриминации. По мнению автора, главной причиной, по которой не может быть реализован принцип равенства, является бедность и имущественное неравенство. В силу этого не может быть у граждан такого уровня правового сознания, которое соответствовало бы гражданам правового государства. Поэтому формально правовые государства по своей сущности в реальности таковыми не являются. Сформулированы выводы, определены новые возможности реформирования законодательства по преодолению неравенства.

Ключевые слова: принцип равенства; бедность; законодательство; справедливость; социальная справедливость; правовое сознание; правовое государство; теория правового государства; практика построения правовых государств.

*I.A. Ivannikov***THE PROBLEM OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF EQUALITY IN LEGISLATION**

The article discusses the author's views on possible prospects for improving the legal life of society in the aspect of implementing the principle of equality and legislation. The subject of the study is the problem of implementing the principles of equality and social justice in modern society, taking into account the optimization of legal consciousness, legal culture, and legislation. The purpose of the article is a brief analysis of the causes of inequality that lead to discrimination. According to the author, the main reason why the principle of equality cannot be realized is poverty and property inequality. Because of this, citizens cannot have a level of legal consciousness that would correspond to citizens of a rule-of-law state. Therefore, formally legal states by their essence in reality are not such. Conclusions are formulated and new opportunities for reforming legislation to overcome inequality are identified.

Keywords: principle of equality; poverty; legislation; justice; social justice; legal consciousness; constitutional state; theory of the rule of law; practice of building rule of law states.

Проблема равенства в юридической и политической науке является вечной. История философско-правовой мысли со времён античности и до наших дней предметом изучения имеет справедливость, в основе которой некоторым авторам виделось понятие равенства (Аристотель, И. Кант), а другим – неравенство (Платон, И. А. Ильин).

М.А. Бакунин стремился к реализации принципа социальной справедливости, под которой понимал не ту, которая закреплена в законах современных государств, а той, «...суть которой передаётся одним словом: *равенство*» [6, с. 39].

Некоторые сторонники правового государства фактически признавали неравенство между людьми. В силу этого их теории по сравнению с анархистскими, развитого социалистического государства выглядят менее

предпочтительными и справедливыми. Так, М. Вебер подчёркивал, что господство одних людей над другими, должно опираться на насилие. Особенность насилия в государственно-организованном обществе лишь в том, что оно опирается на закон, является легитимным [7, с. 646].

Согласно статье 1 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г. «все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах». Однако решить проблему неравенства закреплением формального равенства в законодательстве, перераспределением доходов от богатых к бедным нельзя.

Конституции многих передовых стран в вопросе построения правового и социального государства стран провозгласили равенство всех перед законом и судом, запрещая дискриминацию по признаку пола, вероисповедания,

расы, языка, происхождения, политических взглядов, но он не содержит норм, которые защищали бы человека от первичной дискриминации – дискриминации по причине бедности. В жизни люди подвергаются дискриминации чаще всего по причине бедности.

Дискриминация по признаку бедности не позволяет быть активными участниками государственно-правовой жизни, ограничивает человека в передвижении, в получении хорошего образования, а отсутствие образования ограничивает доступ к высокооплачиваемой работе. Бедность не позволяет улучшить жилищные условия, питание и т.д.

В истории человечества проблема имущественного неравенства являлась причиной участия граждан в протестных акциях и революциях. Государственно-правовая жизнь в СССР несмотря на то, что законодательство союзных республик во многом дублировало нормы Конституции СССР и союзного законодательства, была основана на принципах верховенства Советов, партийности, классового подхода, но основывалась на принципе социальной справедливости.

Всенародное обсуждение и принятие Конституций СССР 1936 г. и 1977 г. позволили создать законодательство не только на высоком уровне юридической техники, но и закрепляющим принцип социальной справедливости.

После прекращения СССР в России не учитывался положительный советский опыт и традиции. В октябре 1993 г. были расстреляны Верховный Совет Российской Федерации и его защитники [4]. Эти факты продемонстрировали существенные противоречия между теорией и практикой построения правового государства в России. Текст Конституции России 1993 г. был одобрен Венецианской комиссией Совета Европы. Сторонники либеральных ценностей и теории правового государства не заметили того, что граждане России не обсуждали проект Конституции своего государства, что были нарушены другие законы, имеющие отношение к референдуму и деятельности высших органов государственной власти. Все остальные нарушения законодательства в период с 1993 г. по 2000 г. уже не имели большого резонанса в российском обществе. Принимаемые законы часто содержали дискриминационные нормы.

Принятый в 1996 г. Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) защитил новую правовую систему, которая в вопросе социальной справедливости существенно

отличалась от советской. В УК РФ можно обнаружить неравенство богатых и бедных. В ст. 30 УК РСФСР закреплялось, что «замена штрафа лишением свободы и лишение свободы штрафом не допускается» [2]. Эта норма в УК РФ 1996 г. отсутствует, но появились санкции, устанавливающие за одно и то же преступление разные наказания: штраф, ограничение свободы, лишение свободы и другие (смотрите статьи 159 (мошенничество), 290 (получение взятки), 291 (дача взятки) и др.).

В части 2 ст. 54 УК РФ указано, что арест не применяется к женщинам, имеющим детей до 14 лет. Но дети до 14 лет могут быть и у мужчины, который растит их один. Данная норма закрепляет неравенство по гендерному признаку. Статья 57 УК РФ запрещает применять в отношении женщин наказание в виде пожизненного лишения свободы. Оно применяется только к мужчинам [1]. Насколько это обосновано, если в России продолжительность жизни мужчин ниже, чем у женщин?

Дискриминационными можно считать нормы российского законодательства, согласно которым не индексируются пенсии работающим пенсионерам. Индексация пенсий работающим пенсионерам не производится с 1 января 2016 г. на основании ст. 26.1 ФЗ № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (в ред. от 11 марта 2024 года) [3].

Проблема равенства существует и в европейском законодательстве. По утверждению болгарского профессора права Я. Стоилова, самый низкий средний уровень дохода и самая низкая минимальная заработная плата в странах Европейского Союза в Болгарии, а в самом ЕС формируется периферия по неравенству доходам граждан. Он верно отмечает, что растёт неравенство между самыми богатыми и бедными [6, с. 262–264].

Конституционная реформа в России 2020 г. существенно изменила деятельность органов публичной власти, судебную систему государства, но не решала проблему социальной справедливости.

В законодательстве стран мира необходимо учесть опыт конституционного правотворчества Швейцарии и некоторых других государств. В Конституции Швейцарской Конфедерации привлекательной является ст. 112, которая закрепляет, что пенсии должны покрывать потребности существования. Сказано также, что максимальная пенсия не должна быть выше минимальной более чем в два раза [5]. Швейцария привлекательна и своей практикой принятия законов на

референдуме после, порой длящегося годами обсуждения, есть единственный путь борьбы с неравенством и дискриминацией.

При всенародном обсуждении законов неизбежен учёт мнения большинства населения и закрепление идеи социальной справедливости в юридических документах. Такая практика позволяет принимать законы не только на высоком уровне юридической техники, но и отразить в них идеи социальной справедливости, способствует гражданам принять самое активное участие в государственно-правовой жизни страны, повысит не только их уровень правосознания и правовой культуры, но и снизит в обществе уровень дискриминации бедных и незащищённых слоёв населения, повысит индекс счастья в стране.

Важной проблемой во многих странах мира является реализация принципа равенства граждан перед законом. То, что не может быть

равенства между гражданами и не гражданами, не вызывает дискуссий, но предъявление одинаковых прав, свобод, обязанностей и юридической ответственности к гражданам вызывает многолетние споры в государствах мира, в том числе и в тех, которые на конституционном уровне провозгласили себя правовыми и социальными. Если не реализуется принцип равенства граждан перед законом, то правосознание общества не будет соответствовать уровню правового государства, а само правовое государство не будет восприниматься как ценность. Правосознание граждан будет способствовать усилению авторитета права, государственной власти, а следовательно, законности и правопорядка лишь тогда, когда граждане воспринимают право как справедливое, не только закрепляющее равенство граждан перед законом, но и обеспечиваемое всей системой органов государственной власти в процессе его реализации.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 06.02.2024).
2. Уголовный Кодекс РСФСР от 27 октября 1960 года // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 06.02.2024).
3. Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 N 400-ФЗ (от 11 марта 2024 года) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения: 06.02.2024).
4. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. N 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14733/ (дата обращения: 06.02.2024).
5. Конституция Швейцарии (Швейцарской Конфедерации) // <https://legalns.com/download/books/cons/switzerland.pdf> (дата обращения: 25.04.2024).
6. Бакунин, М.А. Философия. Социология. Политика / М.А. Бакунин. – М., 1989. – 622 с.
7. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М.: Издательство «Прогресс», 1990. – 808 с.
8. Стоилов, Я. Принципы права: понятие и принятие: монография / Я. Стоилов. – М.: Проспект, 2023. – 312 с.

Всероссийский государственный университет юстиции, (РПА Минюста России), Сочинский филиал, Сочи, РФ

УДК 343.01

*Ю.А. Ленкова**Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Д.Е. Дроздов*

ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются законодательные и теоретические основы уголовной ответственности. Выделяются наиболее распространенные подходы к определению уголовной ответственности в юридической доктрине и практике, а также определяется их целевая направленность и сфера практического применения. Помимо этого, определены обстоятельства, вследствие которых, термин уголовная ответственность получил дискуссионный характер.

Ключевые слова: уголовная ответственность; уголовное законодательство; понятие; определение; наказание; преступление; позиция; принуждение.

*Y.A. Lenkova**Supervisor of studies – Candidate of Historical Sciences, docent D.E. Drozdov*

THE CONCEPT OF CRIMINAL LIABILITY

The article examines the legislative and theoretical foundations of the concept of criminal liability. The most common and widespread approaches to the definition of criminal liability in the legal literature are highlighted, as well as their target orientation and scope of practical application are determined. In addition, the circumstances are indicated, because of which the term "criminal liability" is controversial

Keywords: criminal liability; criminal law; concept; definition; punishment; crime; position; coercion.

Уголовная ответственность является одной из разновидностей юридической ответственности, а также ключевой категорией уголовного права.

Момент наступления уголовной ответственности в законе не определён, но в большинстве случаев принято считать, что им является совершение преступления лицом, достигшим возраста уголовной ответственности. Так же, ст. 11 УК РФ устанавливает, что лица, которые совершают преступление на территории РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ. Кроме того, 11-й главой УК РФ предусмотрены некоторые основания, при которых лица совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности [9].

Несмотря на неоднократное применение в российском уголовном законе термина уголовная ответственность, в действующем законодательстве нет его точного определения. Более того, в УК РСФСР также не содержалось определения уголовной ответственности несмотря на то, что она часто упоминалась в нём. Не раскрывается содержание уголовной ответственности и в зарубежном уголовном законодательстве, за исключением УК

Республики Беларусь, в ч. 1 ст. 44 которого установлено: «Уголовная ответственность выражается в осуждении от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания, либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом» [8].

В теории уголовного права предлагаются различные варианты трактовки уголовной ответственности. Дискуссионный характер понятия уголовной ответственности ряд авторов (Кузнецова Н.Ф., Тяжкова И.М., Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С.) связывают с отсутствием законодательного закрепления момента реализации уголовной ответственности [5]. Бобраков И.А. полагает, что уголовная ответственность возникает сразу после совершения лицом преступления, но моментом начала её реализации считается вынесение данному лицу обвинительного приговора за совершенное общественно опасное деяние. Тогда как окончанием реализации уголовной ответственности будет считаться момент полного отбытия назначенного наказания виновным [1]. Исходя из этого, можно полагать, что под уголовной ответственностью стоит понимать

реализацию назначенной меры наказания лицом, совершившим противоправное общественно опасное деяние.

А.В. Наумов и А.Г. Кибальник рассматривают уголовную ответственность в двух аспектах, как позитивную и ретроспективную. Позитивная уголовная ответственность заключается в соблюдении норм уголовного законодательства обществом и в осознании им своей обязанности соблюдать эти нормы, а также не совершать запрещённые уголовным законом деяния. Такая ответственность не является допустимой, поскольку только психологическая составляющая ответственности лишает её правового смысла. Действительно правовому применению подлежит ретроспективная уголовная ответственность, которая заключается в применении в отношении лица, нарушившего уголовный закон, государственной уголовно-правовой санкции [4]. Таким образом, уголовная ответственность представляет собой меры воздействия со стороны государства и уполномоченных органов на лиц, нарушающих уголовный закон.

Ещё одно мнение относительно понятия уголовной ответственности выражает Сверчков В.В., утверждая, что преимущественным определением уголовной ответственности среди множества авторов, является её трактование как обязанности лица понести наказание за совершенное им противоправное деяние [2]. Однако, данное утверждение является ошибочным, так как не предоставляется возможным приравнять правовую ответственности к правовой обязанности лица, совершившего преступление. Так, ответственность не является обязанностью лица нести назначенное ему наказание за совершение общественно опасного деяния, однако ответственность – это само претерпевание виновным лицом уголовного наказания посредством принуждения со стороны государственных органов. То есть, ответственность является способом принуждения к исполнению обязанности, поскольку сама по себе обязанность может быть исполнена лицом, а может быть и проигнорирована им.

Вышеизложенные позиции являются основными среди многообразия трактовок понятия уголовной ответственности, предлагаемых различными авторами в юридической литературе. Но, тем не менее, существует немалое количество иных интерпретаций определения уголовной ответственности.

Так, Н.П. Смотровяева полагает, что феномен уголовной ответственности берет своё

начало из философских учений о свободе воли. Сущность таких учений состоит в том, что у людей есть обязанность действовать определённым образом, а равно имеется возможность самостоятельно определять свои действия и осознавать ответственность последующую за свои поступки. Следовательно, если индивид нарушит обязанность действовать дозволенным образом, то со стороны государства, его действия будут расценены отрицательно, за что последуют определённые меры наказания. Таким образом, именно в этом и содержится суть уголовной ответственности [3].

Некоторые авторы отождествляют понятия уголовной ответственности и наказания, что таковым не является. Относительно этого суждения, можно привести точку зрения В.В. Векленко, утверждающего, что уголовная ответственность представляет собой некую совокупность, содержащую процесс применения меры уголовного принуждения в виде наказания и процесс отбытия этого наказания лицом, к которому данная мера была применена. Таким образом, уголовная ответственность является узловым элементом, связывающим совершённое преступление с, последующим за это преступление, наказанием. То есть, уголовная ответственность подразумевает своим последствием наказание, а не является им [7]. Уголовная ответственность также постоянно сопряжена с государственным принуждением. Поэтому, допустимо утверждать, что принуждение представляет собой условие исполнения уголовной ответственности. Таким образом, уголовная ответственность понуждает общество соблюдать требования уголовного законодательства, основываясь на мерах государственного принуждения.

Кроме того, в теории уголовного права понятие уголовной ответственности рассматривается как правоотношение или совокупность правоотношений, возникших вследствие совершения лицом преступления. Касательно данного убеждения, Ф.Р. Сундуоров и И.А. Тарханов полагают, что указанные правоотношения относятся к уголовно-правовым и включают в себя реализацию государством принудительных мер наказания в отношении лица, совершившего противоправное общественно опасное деяние, а также наложение на обозначенное лицо тягот, различного рода, лишений и ограничений [6].

Учитывая все обозначенные подходы к пониманию уголовной ответственности,

представляется нужным сформулировать определение, охватывающее сущность уголовной ответственности в полной мере. Таким образом, под уголовной ответственностью стоит понимать – определённые последствия нарушения норм уголовного закона, согласно которым на лицо, ослушавшееся закон,

накладывают определённые меры воздействия со стороны государства и уполномоченных органов, посредством которых данное лицо будет обязано понести наказание, установленное уголовным законодательством.

Список литературы:

1. Бобраков, И.А. Уголовное право: учебное пособие для СПО / И.А. Бобраков. – Саратов: Профобразование, 2018. — 579 с.
2. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / В.В. Сверчков. – 12-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2025. – 332 с.
3. Смотряева, Н.П. Уголовное право. Общая часть. Часть 1: курс лекций / Н.П. Смотряева. – М.: Московский гуманитарный университет, 2016. – 288 с.
4. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов / А. В. Наумов [и др.]; ответственные редакторы А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 138 с.
5. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / Н.Ф. Кузнецова, И.М. Тяжкова, Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров. – М.: Зерцало, 2005. – 752 с.
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Л.В. Бакулина, А.М. Балафендиев, С.А. Балеев [и др.]; под редакцией Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. – М.: Статут, 2016. – 864 с.
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / В.В. Бабурин, В.Н. Баландюк, С.В. Векленко [и др.]; под ред. В.В. Векленко. – 3-е изд. – Омск: Омская академия МВД России, 2016. – 448 с.
8. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 г. №276-З (действующая редакция). URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Нк9900275> (дата обращения: 27.10.24).
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (действующая редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 27.10.2024).

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.3/7

*А.А. Маркина, А.В. Ильяхи***УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАЗВРАТНЫХ ДЕЙСТВИЙ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

В статье исследуются признаки состава преступления, предусмотренного статьей 135 Уголовного кодекса Российской Федерации (Развратные действия). Проводится историко-правовой анализ развития рассматриваемого состава преступления. Приводятся различные мнения учёных по вопросу содержания отдельных признаков состава преступления и анализируются проблемные аспекты их применения, для разрешения которых авторы обращаются к судебной практике и уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности; развратные действия; действия сексуального характера; уголовная ответственность; состав преступления; признаки состава преступления; признаки преступления.

*А.А. Markina, A.V. Ilyash***CRIMINAL AND LEGAL CHARACTERISTICS OF DEPRAVED ACTS:
QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE**

The article examines the elements of a crime provided for in Article 135 of the Criminal Code of the Russian Federation (Lewd acts). The historical and legal analysis of the development of the considered corpus delicti is carried out. Various opinions of scientists on the content of certain elements of a crime are presented and problematic aspects of their application are analyzed, for which the authors turn to judicial practice and criminal law doctrine to resolve.

Keywords: crimes against sexual integrity; lewd acts; sexual acts; criminal liability; corpus delicti; signs of corpus delicti; signs of a crime.

Несмотря на то, что понятие «состав преступления» в уголовном законе не раскрывается, в ст. 8 Уголовного кодекса Российской Федерации (Далее – УК РФ) в качестве основания для привлечения лица к уголовной ответственности предусматривается установление факта совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

В уголовно-правовой доктрине принято считать, что совокупность элементов, составляющих состав преступления включает в себя субъект, субъективную сторону, объект и объективную сторону. Теорией права сформулировано несколько основных подходов к определению понятия «состав преступления». Условно можно выделить 2 основных направления: *состав преступления как самостоятельное понятие* в теории уголовного права определяется следующим образом: это набор установленных и закреплённых в законе элементов и признаков деяний, признаваемых обществом и законодателем общественно опасными, наличие которых позволяет применить к нарушителю ряд мер государственного принуждения, включающих привлечение к уголовной ответственности [4, с. 37]; *понятие*

«соотношения состава преступления и преступления» - соотношение общего и частного, так как состав преступления выступает закономерно закреплённой формой характеристики деяния, признаваемого преступлением [15, с. 73].

Уголовный закон раскрывает понятие «преступление» в ст. 14 УК РФ через совокупность признаков: наличие вины, общественной опасности, запрещённость деяния под угрозой наказания. Можно сделать вывод о том, что выдвинутое законодателем определение отражает признаки состава преступления, но очень обобщенно. Таким образом, состав преступления представляется теоретической конструкцией, позволяющей отграничивать преступления друг от друга, а также преступления от правонарушений.

Для нас представляет интерес исследование признаков состава преступления, описанного в ст. 135 УК РФ «Развратные действия». Объектом рассматриваемого преступления являются общественные отношения в сфере охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних лиц возрастом до 16 лет. Дополнительным объектом преступления выступают интересы здорового физического и

морального развития несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего 16 лет. Преждевременный интерес к сексуальной сфере, спровоцированный внешними факторами, может нарушить процесс формирования моральных принципов в отношении сексуальных связей и привести к формированию у жертв циничного восприятия половых отношений [9, с. 562].

Согласно мнению В.Н. Сафронова, «объектом посягательства при совершении половых преступлений в отношении несовершеннолетних выступают половая неприкосновенность малолетних и лиц, не достигших 14 или 16 лет, а также их нравственное и физическое развитие» [11, с. 7].

Р.М. Полковников определяет объект данного преступления как «половую неприкосновенность, а также физическое и нравственное развитие малолетних и несовершеннолетних» [8, с. 203]. Существует мнение, что здоровье также должно входить в объект исследуемого преступления [6].

Развратные действия посягают на принятые в обществе взгляды о семье, здоровых половых отношениях между мужчиной и женщиной, традиционно не предполагающих участие в них детей [7].

Выделение в качестве объекта посягательства здоровья несовершеннолетнего может показаться спорным, однако исследованиями установлено, что психические расстройства, препятствующие надлежащему нравственному формированию личности, не позволяют адекватно воспринимать других людей, себя в итоге, приводят к разрешению сложных ситуаций насильственным способом и формированию личности серийного сексуального преступника [1].

Можно говорить о том, что преступления против несовершеннолетних в сфере половых взаимоотношений представляют особую категорию, так как объектом преступления наравне с половой неприкосновенностью выступает физическое и духовное здоровье потерпевших. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние в силу своего возраста и отсутствия жизненного опыта особенно уязвимы перед сексуальными посягательствами. Половая неприкосновенность – это состояние защищенности от любых посягательств на половую сферу человека, включая любые формы сексуальных контактов без его согласия. В случае с несовершеннолетними их половая неприкосновенность охраняется законом особо, поскольку они ещё не осознают в

полной мере значение и последствия сексуальных отношений. Физическое развитие несовершеннолетних, подвергшихся половому преступлению, может быть нарушено в результате травмирования, а также возникновения заболеваний, передающихся половым путем. Нравственное развитие также страдает, так как преступление наносит психике вред, нарушает формирование здоровых взглядов на сексуальность и отношения между полами. Помимо непосредственного воздействия на потерпевшего, половые преступления против несовершеннолетних подрывают сложившиеся в обществе социальные нормы и ценности. Они демонстрируют неприемлемость насилия в сфере сексуальных отношений и отрицательно влияют на воспитание и социализацию подрастающего поколения.

Наряду с объектом следует рассмотреть вопрос о потерпевшем. В этом случае не имеет значения уровень полового воспитания несовершеннолетнего, его опыт сексуальных отношений, осведомленность в вопросах половой жизни [2, с. 87–88].

В более ранней редакции УК РФ диспозиция статьи 135 содержала такой обязательный признак, характеризующий несовершеннолетнего потерпевшего, как недостижение им половой зрелости. Данная формулировка ставила в трудное положение правоприменителей, так как в праве отсутствовали сведения, раскрывающие этот признак.

В 2012 году в ФГБУ «Российский центр судебно-медицинской экспертизы» были разработаны методические рекомендации для определения половой зрелости, включавшие в себя совокупность физиологических признаков, указывающих на готовность ребенка к продолжению рода, а также психологических факторов и особенностей личности индивидуально в каждом конкретном случае.

Так как включение в качестве обязательного признака состава преступления наличие половой зрелости и отсутствие официальных разъяснений по данному вопросу породило серьёзные трудности при расследовании выявленных фактов нарушения УК РФ и отправлении правосудия, то большинство юристов поддержали исключение слов «и половой зрелости» из абзаца первого, части первой, ст. 135 Федеральным законом от 28.12.2013 №380-ФЗ [13, с. 20–21].

Согласно ст. 135 УК РФ, объективная сторона этого преступления состоит в совершении развратных действий без применения насилия. Определение термина «развратные

действия» вызывает трудности, поскольку уголовное законодательство не даёт его четкого раскрытия. Разврат (или развратность, развращённость, распущенность) – это понятие, относящееся к половым излишествам и нарушению общественно принятых моральных норм в области сексуальных отношений. В более широком смысле оно указывает на отсутствие скромности и стыда, испорченность нравов и низкий моральный уровень поведения [12].

Чтобы лучше понять юридическую природу развратных действий, полезно обратиться к исследованиям юристов. По мнению профессора Н.Г. Иванова развратные действия – ничто иное как поведение человека, целью которого является удовлетворение собственной половой страсти, в том числе через (или) возбуждение полового желания у несовершеннолетнего, без применения насилия. Например, демонстрация материалов порнографического характера, пошлые разговоры, мастурбация перед подростком и аналогичные акты» [5, с. 486].

Развратные действия – это конкретные действия, которые демонстрируют или изображают половое поведение или предмет, выходящий за рамки общепринятых социальных норм. Данные действия преследуют цель удовлетворения сексуального желания правонарушителя либо возбуждение или удовлетворение сексуального влечения несовершеннолетнего жертвы.

Объективная сторона развратных действий включает в себя следующие признаки:

1. Демонстрация порнографических предметов или фильмов. Сюда относятся изображения или видеоматериалы с явным сексуальным содержанием, которые могут вызвать у несовершеннолетнего нездоровый сексуальный интерес.

2. Ведение циничных разговоров на сексуальные темы. Эти разговоры могут быть откровенно грубыми, содержать непристойные выражения или обсуждать сексуальные практики, не соответствующие возрасту или уровню зрелости несовершеннолетнего, которые представляют угрозу для здоровья или нравственного развития детей. К таким беседам не стоит относить разговоры родителей с детьми на тему: «Откуда берутся дети» и т.п., так как взрослые, как правило, выбирают соответствующие возрасту ребенка тактики поведения и ведения разговора, а также обсуждение подобных тем не несёт под собой удовлетворение полового влечения виновного

или возбуждение такого влечения у несовершеннолетнего.

3. Обнажение или совершение иных действий сексуального характера в присутствии несовершеннолетнего. Эти действия могут включать в себя обнажение, прикосновения к гениталиям или мастурбацию. Однако в этом случае необходимо доказать умысел виновного на удовлетворение своей сексуальной потребности или возбуждения полового влечения несовершеннолетнего. В Ханты-Мансийске был осужден Иван Эстрих, достигший совершеннолетия и страдающий от алкогольной зависимости, по части 3 ст. 135 УК РФ. В состоянии сильного алкогольного опьянения, 20 июля 2017 г., он прогуливался по улицам Югорска и, не контролируя себя, «справил нужду в кустах», продолжив движение без шорт. Подростки, ставшие свидетелями его полуголого состояния, сообщили об этом своим родителям. Эстрих был задержан, его привлекли к административной ответственности за появление в общественном месте в нетрезвом виде, и против него было возбуждено уголовное дело за развратные действия, совершаемые в отношении нескольких лиц. За это преступление предусмотрено лишение свободы на срок от 5 до 12 лет. Иван был приговорен к 6 годам колонии строгого режима, но защита на процессе апелляционной инстанции указала на отсутствие состава преступления. Суд высшей инстанции отменил первоначальное решение, оправдав Эстриха и признав его право на реабилитацию. Таким образом, при расследовании и рассмотрении дела о развратных действиях большое значение имеет умысел виновного лица, необходимо точно определить на какой объект планируется или уже совершено посягательство. Каждое дело требует детального изучения всех имеющихся фактов, способствующих всестороннему рассмотрению дела.

В юридической науке долгое время велись споры о том, какие действия следует относить к развратным. Некоторые исследователи, такие как А.Н. Игнатов, утверждали, что к ним относятся только действия физического характера, совершаемые в присутствии несовершеннолетнего. Однако более распространенным является подход, согласно которому к развратным действиям также относятся демонстрация порнографических материалов и ведение непристойных разговоров. Некоторые исследователи, такие как А.А. Жижиленко, толковали это понятие ещё более узко, ограничивая его лишь действиями, связанными с

прямым физическим взаимодействием с детьми. Тем не менее, сегодня общественное мнение признаёт, что развратные действия могут проявляться как в физической, так и в интеллектуальной формах [2, с. 89].

Кроме того, развратные действия можно классифицировать по нескольким категориям. Первая категория включает в себя совершение активных действий без согласия на то потерпевшего.

Вторая категория включает вовлечение или принуждение потерпевшего на вступление в противоправный контакт с преступником. Сексуальные действия в этом случае происходят под принуждением, совершаемым различными психологическими методами, включающими манипуляцию, запугивание и введение в заблуждение, а также возможны формы физического воздействия на потерпевшего.

Третья категория связана с совершением сексуальных действий, включая половое сношение, в присутствии потерпевших. Это может происходить в публичных местах или в приватной обстановке, где потерпевшие вынуждены наблюдать за такими действиями. Главное, в этом положении то, что потерпевшие вынуждены наблюдать за совершением действий сексуального характера. Однако, судебная практика содержит и противоположные решения. Так, к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 135 УК РФ были привлечены двое студентов. Ситуация была следующей: в августе 2022 г. в Москве произошел инцидент. Два мальчика, 12 и 13 лет, катаясь на самокатах во дворе, заметили в окне соседнего дома двух раздетых молодых людей. Они рассказали об этом родителям, отметив, что юноши шумели, обливали себя водой и вели себя неподобающим образом. Мать одного из свидетелей обратилась в правоохранительные органы, в результате чего были задержаны 21-летний и 22-летний нарушители. Изначально против них было возбуждено уголовное дело по статье о сексуальных насильственных действиях, за что им грозило до 12 лет лишения свободы. Позже обвинение переклассифицировали на «развратные действия». Эксперимент, проведённый почти через год, показал, что с детской площадки увидеть происходящее в окне второго этажа невозможно. Тем не менее, осуждённые, Тимур и Даниил, свою вину не признали, и суд вынес им наказание – 5 и 5,5 лет лишения свободы в колонии строгого режима [2, с. 89].

Четвертая категория охватывает склонение или принуждение жертв к сексуальным действиям друг с другом. В этом контексте виновное лицо может выступать как промежуточное звено или настаивать на совершении подобных контактов. Отдельно стоит рассматривать совершение действий, повлекших за собой «растление» несовершеннолетней потерпевшей. В данном контексте «растление» предполагает разрыв девственной плевы действиями виновного при отсутствии признаков состава преступления, предусмотренного нормой 134 уголовного закона РФ. Следовательно, «растление» может рассматриваться в качестве признака состава развратных действий, но не является обязательным его элементом [2, с. 90].

Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда России от 4 декабря 2014 г. № 16, под развратными действиями в статье 135 УК РФ стоит понимать совершение любых действий, направленных на удовлетворение половой потребности, сексуального влечения виновного лица, а также направленных на побуждение у пострадавшего в возрасте от 12 до 16 лет интереса к сексуальным отношениям. В контексте развратных действий не могут рассматриваться вопросы полового сношения, мужеложства и лесбиянства. Отдельного внимания заслуживает положение, согласно которому, развратными считаются действия, совершённые при отсутствии прямого контакта с телом потерпевшего, в т.ч. совершённые посредством видеосвязи и возможностей сети «Интернет». Преступление считается завершённым с момента начала совершения развратных действий, следовательно, состав – формальный [10].

В заключение можно сказать, что для применения в отношении виновного лица ст. 135 УК РФ необходимо усмотреть в его действиях состав преступления, который может заключаться в совершении противоправных действий физического или интеллектуального характера в отношении несовершеннолетних в возрасте 12–16 лет. Данный возраст чётко определен в законе, так как законодатель считает, что лица моложе 12 лет не могут являться потерпевшими в силу своего беспомощного состояния, выражающегося в несформированной психике и отсутствии жизненного опыта. В состав развратных действий запрещено включать факты полового сношения, мужеложства и лесбиянства. Диспозиция исследуемой статьи предусматривает минимальный

возраст субъекта преступления – 18 лет, при этом его пол неважен.

Данное противоправное деяние может быть совершено только при наличии прямого умысла на его совершение: наличия осознания общественной опасности и желания ее наступления. Важным является осознание факта, что потерпевший – лицо в возрасте от 14 до 16 лет. Точка зрения, в соответствии с которой отсутствие признака заведомости в ст. 135 УК РФ допускает привлечение к ответственности лиц, не осознающих возраст потерпевшего [2, с. 90], не состоятельна. П.С. Яни, ссылаясь на позицию Верховного Суда РФ, утверждает, что в любом случае доказывание есть обязанность следственных органов [17].

Однако, в этой связи остается проблемным что же можно считать развратными действиями. Например, если родители случайно показали ребёнку порнографические материалы, будет ли это преступлением? По мнению А.В. Орлова, да, такая случайная демонстрация может считаться преступной. Тем не менее, в этом случае, представляется возможным возразить автору, так как виновный в совершении преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, должен осознавать не только возраст потерпевшего, но и фактическое содержание совершаемых действий. Таким образом, развратные действия могут совершаться только при наличии прямого умысла на их совершение.

Список литературы:

1. Антонян, Ю.М. Причины серийных сексуальных убийств / Ю.М. Антонян // Научный портал МВД России. – 2023. – №1 (61). – С. 72–81.
2. Байбарин, А.А. Половые преступления: учебное пособие / А.А. Байбарин, А.А. Гребеньков. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2013. – 108 с.
3. Борисова, В. Суд в Москве приговорил к реальным срокам студентов, которых дети заметили в окне обнаженными / В. Борисова // Москва онлайн: информационный портал. URL: <https://msk1.ru/text/criminal/2024/09/09/74067995/> (дата обращения: 06.12.2024).
4. Гладких, В.И. Уголовное право. Общая и особенная части: учебник / В.И. Гладких, М.Г. Решняк. – М.: Эксмо, 2022. – 558 с.
5. Иванов, Н.Г. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник для вузов / Н.Г. Иванов. – М.: Издательство «Экзамен», 2003. – 766 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 2: Особенная часть. Разделы VII – VIII. / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. – 371 с.
7. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809. // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://education.almazovcentre.ru/wp-content/uploads/2024/11/Ukaz_Prezidenta_RF_ot_09.11.2022_N_809.pdf (дата обращения: 01.11.2024).
8. Полковников, Р.М. Ответственность за ненасильственные половые преступления в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста (ст. ст. 134, 135 УК РФ) / Р.М. Полковников // Общество и право. – 2009. – №1. – С. 201 – 203.
9. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II. Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2012. – 680 с.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 N 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 06.12.2024).
11. Сафронов, В.Н. Преступления, посягающие на половую свободу и половую неприкосновенность (изнасилование): Лекция / В.Н. Сафронов. – М.: ЦИИНМОКП МВД России, 1999. – 33 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
13. Совершенствование законодательства о защите детей от сексуальной эксплуатации: Материалы парламентских слушаний 6 декабря 2012 года. – М.: Издание Государственной Думы, 2013. – 96 с.
14. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / Отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. – 442 с.

15. Уголовное право. Особенная часть. Семестр I: учебник для вузов / И.А. Подройкина и др. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 556 с.

16. Чернышов, В.Н. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, сопряженные с насилием [Электронный ресурс]: учебное пособие / В.Н. Чернышов, С.В. Медведева, О.П. Копылова. – Тамбов: Издательский центр ФГБОУ ВО «ТГТУ», 2023. URL: <https://tstu.ru/book/elib1/pdf/2023/hernuhev.pdf?ysclid=m6j90vmjes520247848> (дата обращения: 01.11.2024).

17. Яни, П.С. Вопросы квалификации половых преступлений / П.С. Яни // Законность. – 2013. – № 5 (943). – С. 16 – 21.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 347.62

*Б. И. Маркитанов, А. Г. Федоров***ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ
С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА**

В данной статье рассматривается нормативно-правовое закрепление понятий, связанных с проблемами международного частного права в сфере заключения, признания и расторжения брака, приводятся примеры субъективных и объективных характеристик предмета исследования, анализируются существенные характеристики данных понятий и их доктринальное понимание российским законодателем.

Ключевые слова: семейное право; международное частное право; семья; брак; семейно-брачные отношения; хромающий брак; признание брака; расторжение брака.

*B. I. Markitanov, A. G. Fedorov***FEATURES OF LEGAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS WITH
THE PARTICIPATION OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS**

This article examines the normative and legal consolidation of concepts related to the problems of international private law in the field of marriage, recognition and dissolution, provides examples of subjective and objective characteristics of the subject of research, analyzes the essential characteristics of these concepts and their doctrinal understanding by the Russian legislator.

Keywords: family law; international private law; family; marriage; family and marital relations; limping marriage; recognition of marriage; dissolution of marriage.

На протяжении всей истории человечества семья является базовой единицей общества, без которой нельзя представить ни одного процесса, возникающего в социуме. Неразрывным кажется и связь самих семейных взаимоотношений с их закрепления в праве. И пусть правовой норме не подвластны такие чувственные понятия как любовь, она всё же регламентирует рамки социально приемлемого создания, признания и расторжения брака, а соответственно и изменения самой состояния семьи. В зависимости от места нахождения общества, природного ландшафта его окружающего, соседей или собственной культуры, сформированной под воздействием разнообразных условий, социально приемлемое поведение меняется. Отражение этого различия мы можем наблюдать и сейчас в разности культур, права и самосознания разных государств. Проблемы, возникающие на границе данной разности, станут темой данной статьи.

Важность нахождения подобных проблем, возникающих на стыке семейно-правовых систем разных государств, неразрывно связана с эффективным функционированием самого государства. Так как семейные правоотношения являются не только основой для безопасного воспитания и развития новых поколений, но и для отдельных отраслей права, таких как наследственное, земельное,

уголовное и прочие. Здесь можно выделить основные направления для анализа, которые необходимо рассмотреть в целях определения поставленных задач исследования.

Первым направлением для исследования видятся особенности правового регулирования заключения брака между россиянами и иностранцами, либо лицами без гражданства, при оформлении таких брачных отношений на территории России.

Второе направление для исследования будет связано с расторжением брачных отношений россиян с иностранцами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации.

Третьем направлением для исследования становятся особенности признания заключения и расторжения брачных отношений россиян с иностранцами или лицами без гражданства, если такие действия совершаются за пределами России.

На сегодняшний день в научной среде не сложилось единой доктринальной позиции по поводу анализируемых отношений, формирующих судебную практику их разрешения.

Так, А.К. Гаврилова, ссылаясь на мнение Н.И. Марышевой [9], считает, что императивное подчинение личных и имущественных взаимоотношений супругов, не имевших общего места жительства, российскому праву в

принципе представляется непоследовательным, чему способствует непростая соподчиненная альтернативно-диспозитивная коллизийная норма, которая учитывает возможность широкого выбора права и ограничения автономии воли сторон [6, с. 98].

При этом, резюмируя, Н.И. Марышева считает, что по общему признанию коллизийные нормы семейного права, «лавирующие» между весьма стойкими и разнообразными нормами внутреннего права государств, – едва ли не самые сложные среди коллизийных норм международного частного права [9, с. 3]. Соглашаясь с этим, О.А. Ищенко продолжает высказанную мысль следующим выводом о том, что это определяется взаимоисключающими различиями правовых норм государств в этой области, когда речь идет о разных брачных возрастах, расовых, национальных ограничениях и запретах, допущении полигамии или однополых браков [10, с.1]. Развивая эту мысль, можно обозначить перечень коллизийных проблем, связанных с: формой заключения брака; условиями брака; правоотношениями в брачный период; применением имущественных и неимущественных прав супругов; расторжением брака; отношений с детьми и усыновлением, которые в свою очередь порождают материально-правовые и процессуальные вопросы локализации и устранения анализируемых проблем.

Учёными периодически предпринимаются попытки систематизации проблем правового регулирования семейных правоотношений, осложнённых иностранным элементом, в международном частном праве. Так, Л.В. Кудрявцева и В.С. Шевченко считают, что их систематизацию следует связывать: с формой и условиями заключения брака; с особенностями исторического развития государства, его культурой, выражающаяся в расовых и религиозных преградах; с запретом на заключение брака с иностранными гражданами; связанные с полигамными браками; с заключением однополых браков; связанные с «хромающими браками» [7, с. 39]. При этом И.Б. Иловыйский утверждает, что в силу национальных традиций семейно-брачных отношений в различных странах доминируют проблемы, связанные с: требованиями к брачному возрасту; основаниями для развода; порядком и формой заключения брака; истечением определённого срока после смерти супруга для регистрации нового брака (например, в Японии, это «обет верности» или «траурный срок»),

регистрацией брака только при материальной обеспеченности жениха и т.д. [11, с. 6].

Этот перечень различных мнений по поводу коллизийных норм международного частного права, направленных на регулирование семейных отношений, осложнённых иностранным элементом, можно продолжать и далее, однако прежде всего необходимо обозначить основные источники российского права, регулирующие брачные отношения россиян с иностранцами и лицами без гражданства.

В настоящее время вопрос правового регулирования трансграничного брака осуществляется в соответствии с положениями статей Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) [2, ст. 1, 6, 156–157].

В СК РФ устанавливается, что в России признается брак, заключённый только в органах записи актов гражданского состояния и само понятие брака, подразумевает «взаимное добровольное согласие мужчины и женщины, вступающих в брак, и достижение ими брачного возраста» [2, ст. 1, 12].

Это позволяет сделать вывод о следующем. Во-первых, в России не будет зарегистрирован или признан заключённым такой брак, вступление в который противоречило бы волеизъявлению хотя бы одной из сторон, а, следовательно, сложившиеся национальные традиции отдельных народностей, например, по похищению женихом невесты, будут оцениваться как противоправные деяния.

Во-вторых, так как брак – это согласованные действия мужчины и женщины, то такой брак может быть признан государством исключительно, как гетеросексуальный моногамный брачный союз. Любые другие формы полигамного или гомосексуального брака, признаваемые правом других государств, не будут зарегистрированы и признаны законными на территории России. Данная позиция закреплена в законодательстве РФ, а также подтверждена в определении Конституционного суда РФ от 16.11.2006 № 496-О, с ссылкой к положениям п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека, п. 1 ст. 10 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, преамбуле Конвенции ООН о правах ребёнка от 20.11.1989 г. о защите государством и обществом семьи как естественной и основной ячейки общества, естественной среды для роста и благополучия всех её членов, особенно детей, в том числе при образовании семьи, пока на её ответственности лежит забота о несамостоятельных детях и об их воспитании [3].

И, в-третьих, неотъемлемым условием заключения брака является достижение обеими сторонами брачного возраста [2, ст. 13]. В общем случае он равен восемнадцати годам, но при наличии уважительной причины органы местного самоуправления могут разрешить заключению брака лицам, достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Определившись с основными правовыми характеристиками брака, закреплёнными на территории России, можно перейти к рассмотрению вопросов связанных с правоприменением данных норм в случае брака, осложнённого иностранным элементом.

В соответствии с семейным законодательством, форма и порядок заключения брака на территории России определяются законодательством РФ, а, следовательно, все требования, установленные для брачных отношений между россиянами, будут распространяться на браки россиян с иностранцами и лицами без гражданства [2, п.1 ст. 156].

Основываясь на положениях этой же статьи, подобный брак так же будет заключаться на основании норм страны, гражданином которой является один из супругов. В случае наличия у данного супруга нескольких гражданств, среди которых будет и российское, такой брак на территории России будет заключаться по правилам семейного законодательства Российской Федерации.

Поскольку заключение брака даёт право упрощённой процедуры принятия в гражданство, то с учётом поправок в миграционное законодательство, принятых в 2024 г., обозначим такую проблему браков россиян с иностранцами, как фиктивное заключение брака. Исходя из общей судебной практики, отражённой в решении Кировского районного суда Калужской области от 19 мая 2020 г. по делу № 2-1-236/2020 [4], в настоящее время подобные браки признаются фиктивными с целью обеспечения интересов РФ и её граждан.

Ещё один проблемный аспект, требующий своего должного правового урегулирования связан с расторжением брака россиян с иностранцами и лицами без гражданства. В настоящее время он регулируется в следующем порядке – россиянин, проживающий вне территории РФ, вправе расторгнуть брак с проживающим за её пределами супругом независимо от его гражданства в российском суде, а также расторжение такого брака допускается в органах ЗАГС, а вне её пределов – в

дипломатических представительствах или в консульских учреждениях России [2, ст. 160].

При этом согласно ст. 158 Семейного кодекса РФ браки россиян, а также россиян с иностранцами и лицами без гражданства, заключённые за пределами Российской Федерации, осуществляются с соблюдением законодательства места регистрации данного брака. Такие браки будут признаны законными в России в том случае, если их заключение было совершено в соответствии с нормами семейного законодательства РФ.

При анализе данной категории браков мы сталкиваемся с проблемами признания браков, заключённых по религиозному обычаю в государствах, где такая форма приравнивается к государственной регистрации или является единственной формой заключения брачных отношений. В данном случае такие действия религиозной организации легитимизируются государством, что соответствует нормам российского законодательства. Однако могут возникнуть вопросы признания таких браков, когда они признаются иностранным государством, как законные, но не признаются таковыми законодательством РФ. Это касается полигамных или однополых браков, которые противоречат нормам семейного законодательства Российской Федерации и, следовательно, стороны подобных браков будут лишены прав и обязанностей, возникающих в результате регистрации брачных отношений [2, ст. 12]. Например, у них не возникнет прав на совместную собственность супругов [2, ст. 34] или право не свидетельствовать против супруга [1, ст. 51]. Подобные брачные союзы, признаваемые на территории одного государства и не признаваемые на территории другого, получили в международном частном праве название «хромающие браки». Проблемы, связанные с хромающими браками, уже долгое время остаются в числе сложнейших проблем, не нашедших своего решения. Можно согласиться с мнением Е.П. Войтович о том, что следствием нерешённости таких проблем являются сомнения в наличии у лица статуса или действительности совершенного за границей юридического акта. Практическая юриспруденция, столкнувшись с «хромающими» отношениями, сегодня ставит перед международным частным правом вопросы, которые до сих пор не имеют однозначного ответа [5, с. 213].

Обобщая результаты проведённого исследования, можно констатировать, что действующее российское законодательство в

основном учитывает особенности законодательств различных государств, но при этом отстаивает закреплённые национальным правом основополагающие позиции в вопросе охраны семейно-брачных отношений, как правового института. По этому поводу можно согласиться с мнением отдельных авторов, отмечающих важный и обоснованный шаг законодателя, вводящего новые правовые институты и юридические конструкции. Гражданам предоставляется самостоятельно определяться каким правовым инструментом им удобнее и целесообразнее воспользоваться для волеизъявления [12, с. 9].

При этом, как и любая другая сфера правоотношений, современное семейное законодательство, регулирующее брачные отношения россиян с иностранцами и лицами без гражданства не лишено правовых проблем, с которыми мы сталкиваемся в процессе судебных разбирательств. Это, несомненно, будет способствовать дальнейшим научным исследованиям учёных и юристов-практиков, что найдёт своё должное отражение в процессе совершенствования российского законодательства в таких отраслях права, как семейное право и международное частное право.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.12.2024).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 08.12.2024).
3. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2006 № 496-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Э. Мурзина на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 12 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66314/ (дата обращения: 11.12.2024).
4. Решение Кировского районного суда Калужской области от 19 мая 2020 г. по делу № 2-1-236/2020 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wrk6yBAAtSE65/> (дата обращения: 14.12.2024).
5. Войтович, Е.П. «Хромающие» отношения в международном семейном праве / Е.П. Войтович // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 211–226.
6. Гаврилова, А.К. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве / А.К. Гаврилова // «Эпомен. – 2021. – № 55. – С. 93–102.
7. Кудрявцева, Л.В., Шевченко, В.С. Проблемы коллизионного регулирования брачно-семейных отношений в международном частном праве / Л.В. Кудрявцева, В.С. Шевченко // Актуальные проблемы современности. – 2018. – № 3(21). – С. 38–43.
8. Малкин, О.Ю. Коллизионные вопросы заключения и прекращения брака / О.Ю. Малкин // Труды СГА. – 2009. – № 11. – С. 30–45.
9. Марышева, Н.И. Семейные отношения с участием иностранцев: правовое регулирование в России / Н.И. Марышева. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 328 с.
10. Ищенко, О.А. Проблемы применения коллизионных норм в семейном праве / О.А. Ищенко // Современная наука. – 2016. – №1. – С. 43–45.
11. Иловайский, И.Б. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом: учебное пособие / И.Б. Иловайский. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2021. – 94 с.
12. Федоров, А.Г., Федорова, М.А. Совместное завещание супругов: проблемы и перспективы / А.Г. Федоров, М.А. Федорова // Дневник науки. – 2021. – № 11 (59). – С. 1–9.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 347.457

*Д. Ю. Паршенков, А. Г. Федоров***ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ В ДОГОВОРАХ
ТОВАРНОГО И КОММЕРЧЕСКОГО КРЕДИТОВАНИЯ**

Проводимые в статье исследования посвящены анализу особенностей товарного и коммерческого кредитования, которые в современных экономических условиях играют важную роль в обеспечении финансовой стабильности и развитии бизнеса. Правовая неопределённость и неоднородность судебной практики, возникающие из-за отсутствия чёткой законодательной регламентации и неясности условий договоров, усложняют эффективное толкование и применение норм, регулирующих договоры с отсрочкой и рассрочкой платежа, а также начисление процентов на сумму неисполненного обязательства. Анализ судебных решений свидетельствует о необходимости дальнейшего научного осмысления проблем, связанных с квалификацией коммерческого кредита, и указывает на востребованность детального правового регулирования, разработки типовых договоров и более широкого внедрения современных цифровых технологий для усиления прозрачности и надёжности отношений.

Ключевые слова: товарное кредитование; коммерческое кредитование; правовая неопределённость; судебная практика; отсрочка и рассрочка платежа; начисление процентов; совершенствование законодательства; цифровые технологии.

*D. Yu. Parshenkov, A. G. Fedorov***PROBLEMATIC ASPECTS AND METHODS OF THEIR RESOLUTION IN
COMMODITY AND COMMERCIAL LENDING AGREEMENTS**

This article examines the characteristics of trade and commercial lending, which play a crucial role in modern economic conditions by ensuring financial stability and fostering business growth. Legal uncertainty and inconsistencies in judicial practice—stemming from the lack of clear legislative regulation and ambiguous contractual terms—complicate the effective interpretation and application of norms governing contracts with deferred or installment payments, as well as the accrual of interest on outstanding obligations. The analysis of judicial decisions indicates the necessity of further scholarly inquiry into issues related to the qualification of commercial credit and points to the demand for detailed legal regulation, the development of model contracts, and broader implementation of modern digital technologies to enhance transparency and reliability of these relationships.

Keywords: trade credit; commercial lending; legal uncertainty; judicial practice; deferred and installment payments; interest accrual; legislative improvements; digital technologies.

В современных экономических условиях товарное и коммерческое кредитование являются ключевыми инструментами финансовой стабильности и развития бизнеса, позволяя компаниям оперативно привлекать необходимые ресурсы. Однако эффективное использование этих инструментов осложняется серьёзными проблемами. Недостаточная правовая регламентация приводит к отсутствию чётких механизмов защиты интересов сторон при нарушении обязательств или возникновении споров, что создает правовую неопределённость. Неясность и недостаточная детализация условий в договорах усложняют интерпретацию соглашений, увеличивая риски финансовых и юридических конфликтов между

участниками сделки. Дополнительные сложности возникают с взысканием задолженности и недостаточной эффективностью инструментов разрешения споров, особенно в международных контрактах, где различия в правовых системах и экономическая нестабильность контрагентов усиливают эти риски. Все эти аспекты подчёркивают необходимость детального анализа и разработки решений для повышения прозрачности, правовой определённости и эффективности товарного и коммерческого кредитования.

Проблема недостаточной правовой регламентации договоров товарного и коммерческого кредитования является одной из ключевых причин возникновения споров и

нарушения обязательств между сторонами. Отсутствие чётких законодательных норм, регулирующих данные виды кредитных отношений, создаёт правовую неопределённость и препятствует эффективному функционированию механизма кредитования.

Правовед В.А. Микрюков отмечал, что «отсутствие единообразия при разрешении споров, возникающих из отношений товарного и коммерческого кредитования, обусловлено сложностью гражданско-правовой квалификации этих отношений» [9, с. 3]. Аналогичную позицию занимает Е.М. Белугин, подчёркивая, что отсутствие специальных норм в Гражданском кодексе РФ затрудняет практическое применение договоров товарного и коммерческого кредитования [7, с. 11].

Гражданский кодекс Российской Федерации содержит общие положения о кредитных обязательствах (ст. 819–821 ГК РФ), однако специальные нормы, регулирующие именно товарное и коммерческое кредитование, недостаточно разработаны. Ст. 823 ГК РФ упоминает коммерческий кредит, но не раскрывает его особенностей и порядка заключения и исполнения договоров данного типа. В результате стороны вынуждены самостоятельно определять условия таких договоров, что не всегда соответствует принципам добросовестности и справедливости [1, ст. 819–823].

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский выражают мнение, что недостаточная правовая регламентация препятствует формированию единообразной судебной практики по спорам, связанным с товарным и коммерческим кредитованием. Судебные органы часто сталкиваются с трудностями при разрешении таких споров из-за отсутствия чётких законодательных ориентиров. Это приводит к различным подходам в судебных решениях и снижает предсказуемость правоприменительной практики [8, с. 141].

Кроме того, Е.М. Белугин подчёркивает необходимость разработки специальных норм, регулирующих ответственность сторон по договорам коммерческого кредита, отмечая, что «правовая неопределённость в вопросах ответственности создает благоприятные условия для злоупотреблений и нарушений обязательств» [7, с. 10].

Таким образом, можно согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что «лишь у кредитных организаций при аккумуляции денежных средств есть возможность предоставить потенциальным заемщикам гарантии на получение кредита, и в таком случае

на кредитные организации возлагаются соответствующие обязанности в пределах консенсуального договора [10, с. 48].

Отсутствие специального законодательства также осложняет защиту прав кредиторов и заемщиков. Недобросовестные участники рынка могут использовать правовые пробелы в своих интересах, что приводит к финансовым потерям и подрыву доверия между контрагентами. Это особенно актуально в условиях рыночной экономики, где стабильность и прозрачность правовых механизмов играют ключевую роль.

Ещё более острой проблема становится в контексте неясности и недостаточной детализации условий самих договоров, что приводит к различным интерпретациям соглашений, увеличивая вероятность финансовых и юридических конфликтов. Отсутствие чётко сформулированных положений приводит к различному толкованию обязательств сторон, что создает почву для споров и затрудняет их разрешение.

В этом контексте одной из ключевых проблем становится анализ отдельных условий договоров, которые, на первый взгляд, могут свидетельствовать о наличии тех или иных обязательственных правоотношений, но на практике вызывают противоречивые интерпретации. Одним из таких условий является начисление процентов на сумму неисполненного обязательства.

Вопрос о том, свидетельствует ли условие договора о начислении процентов на сумму неисполненного обязательства о возникновении отношений по коммерческому кредитованию, остаётся предметом дискуссий среди учёных-правоведов и практиков.

Согласно ст. 823 ГК РФ, коммерческий кредит может предоставляться в форме аванса, предварительной оплаты, отсрочки или рассрочки платежа, а также сопровождаться начислением процентов, если это предусмотрено договором. Таким образом, наличие условия о начислении процентов может указывать на элементы коммерческого кредитования [1, ст. 823].

При этом Е.М. Белугин отмечает, что «начисление процентов на сумму задолженности по договору поставки может рассматриваться как признак коммерческого кредита, если оно связано с предоставлением отсрочки или рассрочки платежа». Это означает, что, если договор предусматривает оплату товара с отсрочкой и начислением процентов за пользование чужими денежными средствами,

такие отношения могут квалифицироваться как коммерческий кредит [7. с. 6].

Однако данный подход не является универсальным. Ряд учёных, включая В.В. Витрянского, М.И. Брагинского и других представителей юридической науки, указывают, что проценты могут начисляться и в рамках иных обязательств, связанных с нарушением сроков исполнения, и не обязательно указывают на существование отношений коммерческого кредита. Они отмечают, что в таких случаях проценты выступают мерой ответственности за просрочку исполнения обязательства и регулируются ст. 395 ГК Российской Федерации, а не являются элементом кредитного правоотношения. Такой взгляд позволяет шире интерпретировать природу начисления процентов, связывая их не только с кредитными обязательствами, но и с общими принципами возмещения убытков за несвоевременное исполнение обязательств [1, ст. 395].

Судебная практика подтверждает сложность однозначного подхода к квалификации таких условий. Различия в интерпретации могут быть связаны как с формулировкой договора, так и с характером отношений между сторонами. Одни суды признают наличие коммерческого кредита в подобных ситуациях, другие рассматривают проценты исключительно как компенсацию за неисполнение обязательств.

Например, Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (ВАС РФ) была рассмотрена ситуация, связанная с взысканием процентов за пользование денежными средствами в рамках исполнения государственного контракта. Министерство обороны РФ обратилось в суд с иском к федеральному государственному унитарному предприятию «Научно-исследовательский институт автоматики» о взыскании штрафа, неустойки и процентов за пользование коммерческим кредитом [2].

Решением Арбитражного суда города Москвы от 30 марта 2012 г. по делу № А40-4629/12-34-42 иск был частично удовлетворен: с ответчика взысканы неустойка в сниженной сумме и проценты, квалифицированные как плата за коммерческий кредит на основании статьи 823 ГК РФ. Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 июня 2012 г. и Постановлением Федерального арбитражного суда Московского округа от 25 сентября 2012 г. судебные акты оставлены без изменений.

Президиум ВАС РФ, рассматривая дело в порядке надзора, указал, что условие контракта о начислении процентов за пользование авансом в случае просрочки исполнения обязательства не может быть квалифицировано как условие о коммерческом кредите в смысле ст. 823 ГК РФ [2]. Суд сослался на разъяснения, содержащиеся в пункте 13 Постановления Пленума ВС РФ и ВАС РФ № 13/14 от 08.10.1998, согласно которым проценты на предварительно оплаченные суммы могут взиматься как компенсация за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ, если иное не предусмотрено договором. Учитывая, что договор не содержал положений о предоставлении коммерческого кредита, а проценты начислялись за просрочку возврата авансовых платежей, суд пришел к выводу о неправильном применении норм ст. 823 ГК РФ [3].

Президиум также отметил, что неверное применение ст. 823 ГК РФ не повлияло на законность итогового судебного акта, поскольку проценты фактически подлежали взысканию на основании ст. 395 ГК РФ и пункта 4 ст. 487 ГК РФ. Таким образом, оспариваемые судебные акты были оставлены без изменения.

Несмотря на позицию Президиума ВАС РФ о том, что условие договора о начислении процентов на сумму неисполненного обязательства не может быть квалифицировано как условие о коммерческом кредите, в судебной практике существует иное мнение. Некоторые суды, оценивая условия договоров, приходят к выводу, что проценты, начисляемые на сумму неисполненного обязательства, могут рассматриваться как плата за коммерческий кредит, если это прямо предусмотрено сторонами в договоре. Такой подход основан на буквальном толковании статьи 823 ГК РФ, которая допускает предоставление коммерческого кредита в виде отсрочки или рассрочки платежа с начислением согласованных сторонами процентов. Одним из примеров применения данной позиции является рассмотрение Арбитражным судом Поволжского округа дела о взыскании процентов за пользование коммерческим кредитом [5].

Арбитражным судом Поволжского округа (ФАС ПО) (Постановлением от 25.06.2019 г.) по делу № А49-9971/2018 [4] рассматривалась ситуация, связанная с взысканием процентов за пользование коммерческим кредитом и пеней за просрочку оплаты товара по договорам поставки. По условиям договоров, заключённых между обществом с

ограниченной ответственностью «Сурский хлеб» (поставщик) и сельскохозяйственным потребительским снабженческим кооперативом «Юность» (покупатель), предусматривалась отсрочка платежа на условиях коммерческого кредита, установленного ст. 823 ГК РФ. В случае нарушения сроков оплаты покупатель был обязан уплачивать проценты в размере 0,5% от стоимости товара за каждый день просрочки.

Решением Арбитражного суда Пензенской области от 26 декабря 2018 г. иски требования удовлетворены частично: взысканы пени, но во взыскании процентов за коммерческий кредит было отказано. Суд первой инстанции посчитал, что проценты по договорам поставки являются не платой за коммерческий кредит, а неустойкой [5].

Постановлением Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 февраля 2019 г. решение суда первой инстанции было отменено в части отказа во взыскании процентов, и указанные требования истца удовлетворены. Апелляционный суд пришёл к выводу, что проценты за пользование коммерческим кредитом являются согласованной сторонами платой за предоставление отсрочки платежа, а не мерой ответственности за нарушение обязательства [6].

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2019 года по делу № А49-9971/2018 апелляционное постановление было оставлено без изменения, а кассационная жалоба ответчика без удовлетворения. Суд округа согласился с выводами апелляционного суда о том, что проценты за пользование коммерческим кредитом соответствуют условиям договоров и квалифицируются как плата за кредит, предусмотренный статьей 823 ГК РФ [4].

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 23.12.2024).
2. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 февраля 2013 г. № 14798/12 по делу № А40-4629/12-34-42 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=327117#epYOmXU0iEtgHd6G1> (дата обращения: 23.12.2024).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13, Пленума ВАС РФ № 14 от 08 октября 1998 г. (ред. от 24.12.2020) «О практике применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о процентах за пользование чужими денежными средствами» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_20647/ (дата обращения: 23.12.2024).

По результатам рассмотрения дела суд сделал обоснованный вывод о том, что условие договора о начислении процентов на сумму неисполненного обязательства является условием о коммерческом кредите, так как проценты представляют собой согласованную сторонами плату за предоставленную отсрочку платежа, а не меру гражданско-правовой ответственности [4].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что проблемы, связанные с недостаточной правовой регламентацией, неясностью условий договоров и сложностями взыскания задолженности, указывают на необходимость комплексного совершенствования регулирования товарного и коммерческого кредитования. Для устранения этих системных недостатков требуется введение специализированных норм в Гражданский кодекс Российской Федерации, детализирующих содержание коммерческого кредита, разработка типовых договоров и методических рекомендаций, а также формирование единообразной судебной практики на основе разъяснений высших судебных инстанций. Внедрение цифровых технологий, таких как смарт-контракты и блокчейн, обеспечит автоматизацию и прозрачность договорных отношений, а развитие образовательных программ и систем внесудебного разрешения споров ускорит урегулирование конфликтов и снизит нагрузку на суды. Реализация этих мер создаст условия для минимизации правовой неопределённости, укрепления доверия между сторонами и повышения эффективности коммерческих отношений, что, в свою очередь, будет способствовать развитию товарного и коммерческого кредитования и росту экономической стабильности.

4. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25 июня 2019 г. по делу № А49-9971/2018. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/GvquizuHpWgK/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9049-9971%2F2018+&arbitral-lawchunkinfoarbitral-date_from=25.06.2018&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=30#snippet (дата обращения: 24.12.2024).

5. Решение Арбитражного суда Пензенской области от 26 декабря 2018 г. по делу № А49-9971/2018 – URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/7NGJTRCm2yLU/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9049-9971%2F2018+&arbitral-lawchunkinfo=arbitral-date_from=25.06.2018&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=16#snippet (дата обращения: 24.12.2024).

6. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда (11 ААС) от 18 февраля 2019 г. по делу № А49-9971/2018. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/OUMijPsl17b/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=%D0%9049-9971%2F2018+&arbitral-lawchunkinfo=arbitral-date_from=25.06.2018&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&snippet_pos=40#snippet (дата обращения: 24.12.2024).

7. Белугин, Е.М. Правовые особенности коммерческого кредита / Е.М. Белугин // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2015. – №2. – С. 104–115.

8. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. Договорное право / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. Кн. 5, т. 1: Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований – 2-е изд. – М.: Статут, 2011. – 736 с.

9. Микрюков, В.А. Проблема регулирования товарного и коммерческого кредита / В.А. Микрюков // Законодательство и экономика. – 2013. – № 11. – С. 39–42.

10. Федоров, А.Г., Исрапилова, А.Р. Регулирование заемных отношений в современном гражданском законодательстве: проблемные аспекты / А.Г. Федоров, А.Р. Исрапилова // Вестник Калужского университета. – 2021. – № 4 (53). – С. 47–50.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

УДК 343.34

А. А. Соболева

*Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ю.Н. Маторина*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШЕННЫМ В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ

В статье рассматриваются некоторые особенности преступления, предусмотренного статьей 205.6 УК РФ, а также анализируются правотворческие и правоприменительные проблемы, непосредственно связанные с этими особенностями. Предлагается авторский вариант совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за несообщение о преступлении.

Ключевые слова: бездействие; преступления террористического характера; несообщение о преступлении; объективная сторона преступления; возраст уголовной ответственности.

A. A. Soboleva

Scientific supervisor – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure Yu.N. Matorina

SOME FEATURES OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON TERRORIST CRIMES COMMITTED IN THE FORM OF INACTION

The article examines some of the features of the crime provided for in Article 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as analyzes law-making and law enforcement problems directly related to these features. The author's version of the improvement of criminal legislation is proposed, which provides for liability for failure to report a crime.

Keywords: inaction; terrorist crimes; failure to report a crime; the objective side of the crime; age of criminal responsibility.

Бездействие для уголовного права – явление противоречивое. С одной стороны, в науке ему не уделяется достаточного внимания, с другой же УК РФ предусматривает большое количество преступлений, объективная сторона которых реализуется в форме бездействия. Более того, это количество постоянно растёт: например, в 2016 г. в УК РФ была добавлена статья 205.6, в 2017 – статьи 199.3, 199.4, в 2022 – статья 201.3 и т.д. Данные изменения указывают на то, что бездействие охватывает всё больше разнообразных общественных отношений, требующих защиты со стороны законодателя.

Любому бездействию присущи два критерия. Первый из них – объективный, его сущность выражается в наличии возложенной на лицо обязанности действовать определённым образом и её невыполнении, второй – субъективный, заключается в наличии у лица самой возможности действовать. Так, если в силу объективных обстоятельств лицо не имело

указанной возможности, то это бездействие будет проявлением непреодолимой силы, следовательно, уголовная ответственность исключается.

Только наличие этих критериев в совокупности позволит привлечь лицо к уголовной ответственности за бездействие, их установление является обязательным для правоприменителя. Помимо этого, разумеется, преступное бездействие возможно рассматривать с точки зрения признаков состава преступления.

Бездействие в УК РФ представлено весьма разнообразно: от преступлений против жизни и здоровья (ст. 124 УК РФ) до преступлений против военной службы (ст. 339 УК РФ). Встречается бездействие и среди преступлений террористического характера, и в связи с этим особенно интересным и важным видится рассмотрение отдельных аспектов, относящихся к преступлению, предусмотренному ст. 205.6 УК РФ, поскольку ему, как и любому другому террористическому

преступлению, присуща высокая степень общественной опасности. Более того, проблема борьбы с терроризмом остаётся одной из самых актуальных для России, особенно в свете последних событий, когда неуклонно растёт количество организаций, признанных террористическими, что влечёт за собой и рост случаев их финансирования; резко увеличилось, в связи с проведением специальной военной операции, количество террористических актов.

Назвать массовым рассматриваемое преступление нельзя. Хотя из статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации следует, что количество осужденных по ст. 205.6 УК РФ так же растёт: в 2017 г. было вынесено всего 14 обвинительных приговоров, в 2022 г. – уже 82. В 2023 году наблюдается небольшое снижение осужденных по данной статье [3]. Очевидно, что статья на практике работает, но её недостатков это не исключает.

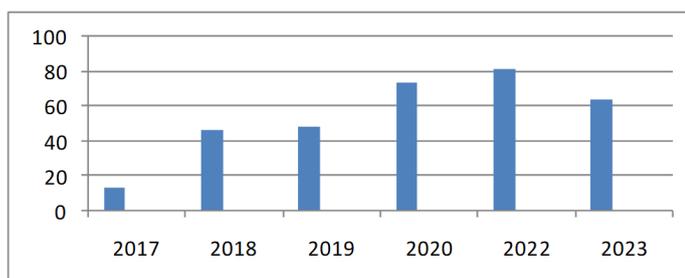

Рисунок 1. Общее количество осужденных по ст.205.6 УК РФ

Входя в перечень преступлений террористического характера, ст.205.6 УК РФ существенно отличается от преступлений указанного вида.

В силу специфики анализируемого преступления предметом рассмотрения в данной статье выступит именно объективный критерий бездействия.

В первую очередь, видится правильным привести пример приговора по данной статье. Так, из приговора Калужского районного суда Калужской области № 1-1270/2019 от 20 декабря 2019 г. по делу № 1-1270/2019 следует, что подсудимый Ибрагимов Б.А. был осведомлён о совершении иным лицом денежного перевода своему близкому родственнику, являющемуся членом запрещённой на территории России международной террористической организации. Данное деяние содержит признаки состава преступления, предусмотренного частью 1.1 статьи 205.1 УК РФ, следовательно, Ибрагимов обязан был сообщить о полученной им информации в правоохранительные органы. Он этого не сделал [2].

В любом приговоре за преступление, совершенное в форме бездействия, необходимо указать на то, как было реализовано это бездействие – такова устоявшаяся практика. Сама модель поведения у субъекта одинакова во всех случаях: лицо, осведомлённое о наличии у него обязанности действовать

определённым образом, умышленно проигнорировало эту обязанность. Возникает вопрос: откуда вытекает обязанность действовать? В приведённом приговоре, как и в большинстве других приговоров по статье 205.6 УК РФ, этот источник не указан.

В теории уголовного права выделяют по меньшей мере семь групп таких источников: к ним относят, например, закон, служебные обязанности, обязательства по договору и т. д., на практике же их количество огромно и зависит от специфики конкретной статьи. Применительно же к ст. 205.6 УК РФ, дискуссии в науке ведутся с самого момента введения её в кодекс: научное сообщество не устроило отсутствие акта, который накладывал бы на лицо обязанность сообщить о факте совершения другим лицом преступления из перечня, приведённого в диспозиции рассматриваемой статьи (или о намерении его совершить). Данная позиция видится нам неоправданной.

Статья 205.6 УК РФ не требует каких-либо дополнительных актов, обосновывающих обязанность действовать. Данный вопрос уже урегулирован рядом актов, первый из них – непосредственно УК РФ, причем в двойном проявлении:

С одной стороны, в той его части, которая криминализует само деяние, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ, и тем самым объясняет и устанавливает обязанность

действовать. Впрочем, некоторые учёные отвергают эту позицию, и считают недопустимым обосновывать наличие у лица обязанности действовать исключительно криминализацией бездействия.

С другой же стороны – в той части, которая предусматривает уголовную ответственность за те преступления, перечень которых дан в диспозиции статьи 205.6 УК РФ. Имеется в виду, что сама по себе рассматриваемая статья несамостоятельна: для привлечения лица к уголовной ответственности по ней необходимо, чтобы другое лицо хотя бы начало подготовку к совершению преступления из перечня.

И преступления эти преимущественно относятся к террористическим. С учётом этого, обязанность действовать – то есть сообщить об их подготовке или совершении уже вытекает из степени их общественной опасности и абсолютной очевидности их преступности для большинства членов общества.

Вторым же основополагающим актом является Федеральный закон «О противодействии терроризму». Он не содержит уголовно-правовых запретов и предписаний, но в общем смысле устанавливает ряд положений, обуславливающих обязанность лица сообщать о преступлении террористического характера. Например, во второй статье указанного ФЗ содержится принцип приоритета мер предупреждения терроризма, а также принцип сотрудничества государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму.

Речь, при этом, не идёт о том, что с очевидностью необходимость сообщить о готовящемся преступлении террористического характера вытекает из норм морали: данные преступления могут повлечь огромные человеческие жертвы.

Исходя из вышесказанного, очевидным становится, что ст. 205.6 УК РФ не требуется принятие каких-либо дополнительных нормативных правовых актов для повышения эффективности её применения, но верной видится выработка практики указания источника, из которого вытекает обязанность действовать, в процессуальных актах по делам о преступлениях, предусмотренных данной статьёй.

Во-первых, подобное решение будет служить единообразию практики, что важно при систематизации и анализе преступлений по определённым категориям.

Во-вторых, сам факт того, что проблема, созданная введением в Кодекс новой статьи, вызывает дискуссии, свидетельствует о недостаточно высоком уровне законодательной техники – значит, решение этой проблемы указывает и на пути её совершенствования.

Проблемным видится и вопрос об определении субъекта рассматриваемого преступления. Статья 205.6 УК РФ – единственное преступление, предусматривающее ответственность за чистое бездействие, ответственность за которое наступает с 14 лет (часть 2 статья 20 УК РФ).

Связано это с тем, что составы, объективная сторона которых реализуется в форме бездействия, сложнее по конструкции, охраняемый ими объект, как правило, специфичен, и их общественная опасность неочевидна для несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 16 лет [5]. И, несмотря на сниженный возраст уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ, сказанное выше верно и применительно и к ней.

Несовершеннолетний, в первую очередь, должен осознавать общественную опасность преступлений, о которых он не сообщает – ответственность по многим из них наступает лишь с 16 лет (статьи 205.1, 205.2, 220, 221, 278, 279 УК РФ). Возникает вопрос: как несовершеннолетний в возрасте от 14 до 16 лет должен осознать необходимость сообщения о преступлении, если, по мнению самого законодателя, его общественную опасность несовершеннолетний осознать в принципе неспособен.

Решений может быть несколько: первое – установить общий возраст уголовной ответственности по статье 205.6 УК РФ, второе – исключить из её диспозиции преступления, для которых установлен общий возраст уголовной ответственности. Последнее кажется нецелесообразным, поскольку эти преступления составляют значимую часть перечня, приведённого в диспозиции статьи 205.6 УК РФ.

Ещё один интересный аспект, относимый к субъекту данного преступления – конституционные права граждан. Согласно примечанию к статье 205.6 УК РФ, лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления его супругом или близким родственником. Перечень последних дан в УПК РФ (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки) [4], и, помимо прочего, в нем установлен ряд других

исключений, как и иными федеральными законами.

Однако речь в них идёт именно о даче свидетельских показаний, а не о сообщении о преступлении – действии совершенно ином [1, с. 31–32]. Правильным видится установить в примечании к статье 205.6 УК РФ общее правило, сформулированное следующим образом: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за несообщение о подготовке или совершении преступления в тех случаях, если оно не подлежит допросу в качестве свидетеля по уголовному делу о данном преступлении».

В целом же, в научных кругах широкой критике подвергаются статьи, вводимые в УК РФ в течение последнего десятилетия, и критика эта зачастую обоснована. Статья 205.6 УК РФ, разумеется, также подвергается

критике и не лишена недостатков, которые по большей части носят характер теоретический – то есть, не препятствуют её применению на практике, а потому и не вызывают острой необходимости их устранения. Однако это было бы полезно для целей научных, аналитических.

Те немногие недостатки, которые действительно могут отразиться в правоприменительной деятельности, пока не повлекли существенного нарушения прав и свобод и, следовательно, не вызвали каких-либо заметных дискуссий среди практиков. Их устранение в текущий период было бы своевременным и полностью обоснованным, поскольку статья демонстрирует тенденцию к росту количества вынесенных приговоров.

Список литературы:

1. Маторина, Ю.Н., Маторин, М.А. Уголовная ответственность за несообщение о преступлении как одна из мер противодействия терроризму: проблемы теории и практики / Ю.Н. Маторина, М.А. Маторин // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2020. – №3 (40). – С. 27–32.
2. Приговор по уголовному делу № 1-1270/2019 от 20.12.2019 г. по ст. 205.6 УК РФ Калужского районного суда Калужской области // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GB4KUI544CWx/> (дата обращения: 10.12.2024).
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2022 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 10.12.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2594.

Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Калуга, РФ

УДК 343.7

*М. И. Соломянова**Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент Д.Е. Дроздов***ПОНЯТИЕ ВМЕНЯЕМОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Понятие «вменяемость» в уголовном праве – это необходимая категория, определяющая возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное деяние. История развития и формирования этого критерия отражает эволюцию правового и общественного представления о природе преступности и вынесения справедливого наказания. В статье анализируются подходы учёных, изучающих данный вопрос в различных исторических периодах. Обосновываются этапы, которые в своей совокупности составляют периодизацию, определяющую процесс закономерного изменения содержания вменяемости.

Ключевые слова: вменяемость; невменяемость; исторический анализ; субъект; преступление; состав преступления.

*М. I. Solomyanova**Supervisor of studies – Candidate of Historical Sciences, docent D.E. Drozdov***THE CONCEPT OF SANITY: HISTORICAL ASPECT**

The concept of “sanity” in criminal law is a necessary category that determines the possibility of bringing a person to criminal responsibility for a committed act. The history of development and formation of this criterion reflects the evolution of legal and public perception of the nature of criminality and imposition of fair punishment. The article analyzes the approaches of scientists studying this issue in different historical periods. The article substantiates the stages, which in their totality constitute the periodization, determining the process of regular changes in the content of sanity.

Keywords: sanity; insanity; historical analysis; subject; offence; crime; corpus delicti.

В уголовном праве институт признания лица вменяемым является актуальным в силу необходимости обеспечения защиты от необоснованного привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, которые не могли осознавать свои действия и их последствия ввиду психического заболевания. За последние годы наблюдается рост числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, у которых выявляются различные психические отклонения. На данный момент отсутствует законодательное закрепление понятия «вменяемость», необходимость его введения на уровне нормативных правовых актов является дискуссионным вопросом в теории уголовного права. Стоит отметить, что наиболее полному раскрытию данный уголовно-правовой термин подлежит в научной литературе, касающейся вопросов субъекта преступления. Так, Бастрыкин А.И. обоснованно отмечает, что понятие вменяемости сочетает в себе интеллектуальный и волевой признаки и представляет собой способность осознавать фактический характер своих действий и руководить ими [10, с. 75]. Институт вменяемости имеет длительную историю

становления, его развитие продолжается и в современной науке уголовного права.

Рассуждая о пути зарождении института вменяемости, некоторые исследователи приводят историческую периодизацию развития этого важного уголовно-правового понятия. Так, Бекман О.А. раскрывая данный вопрос обоснованно указывает на следующие этапы развития института вменяемости: древний период, имперский период, советский период, современный период [4].

Законодательство Древней Руси не рассматривало термин «вменяемость» как важную характеристику для вынесения справедливого наказания и деятельной оценки содеянного. Анализ древних источников права даёт основание сделать вывод, что вопрос субъекта преступления у славян по существу не решался. В то время отмечается большое влияние традиций и устоев как на обычную жизнь населения, так и на уголовное законодательство. Бекман О.А. обоснованно отмечает, что становление понятия «невменяемость» произошло ещё в период средневековья, однако тогда различные психические отклонения приравнивались к колдовству, таких людей

провозглашали безумцами и одержимыми злыми духами, и нечистой силой. Над лицами страдающими психическими заболеваниями, которые признавались ведьмами и колдунами проводились судебные процессы, миллионы людей были сожжены на костре и подвергнуты пыткам. В средневековых государствах присутствовала практика привлечения к ответственности не только людей, но и животных, растений [4].

Душенко К.В. подчёркивает, что в XVI в. среди учёных средневековья возникла точка зрения, о том, что животные виновные в различных преступлениях подлежат суровому наказанию, так как обладают достаточной разумностью для того, чтобы нести ответственность за свои деяния. Отмечались случаи возбуждения уголовных дел в отношении домашних животных, которых обвиняли в причинении тяжкого вреда здоровью, а также убийствах. Чаще всего под подобного рода уголовное преследование попадали свиньи, данный факт объясняется тем, что они численно преобладали среди млекопитающих животных того времени, имели свободу передвижения. В средневековом мировоззрении свиньи занимали особое положение, так, в отличие от современной точки зрения, где ближайшим родственником человека является обезьяна, для средневековых учёных наиболее схожим к человеку животным была именно свинья. Это объясняется не только схожестью различных физиологических аспектов, но и приписыванием свинье интеллектуальных способностей [5].

При более детальном изучении законодательства XV в., можно отметить, что такой критерий как вменяемость не получал широкого распространения как в нормативных правовых актах, так и в правоприменительной практике, однако обоснованно обозначается существование в тот период предпосылок к утверждению в законодательстве указания на необходимость признания вменяемым лица, совершившего преступление, для привлечения его к ответственности. Так, в ст. 140 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» перечисляются обстоятельства, которые влияют на последующее наказание. Пункт 4 данного Уложения закрепляет, что вина уменьшается, «если преступление учинено им по легкомыслию или же слабоумию, глупости и крайнему невежеству, которым воспользовались другие для вовлечения его в сие преступление» [3].

Б.А. Спасенников отмечает, что в период XIV–XVI вв. душевные болезни были подразделены на несколько групп. Первая группа включает в себя заболевания, которые ведут к полному отсутствию вменяемости, в данном случае речь идет о различных тяжёлых формах слабоумия. Ко второй группе автор относит психические заболевания не исключают, а напротив усугубляющие вменяемость поскольку симптомы расстройства совпадали с признаками преступления. Автор также характеризует данную часть заболеваний, как «богохульные», что отражает представление о психических расстройствах как о проявлении одержимости злыми духами. В третью же группу включались болезни «определяющие вменяемость в случае совершения преступлений против российского государства, самого государя и членов его семьи, иных должностных лиц, православия» [9]. Диагностика подобных состояний в историческом контексте данной классификации была значительно менее достоверной, по сравнению с современными видами экспертиз, диагноз ставился, в основном, на основе наблюдения.

В научной литературе обозначается определённая несостыковка в законодательстве того времени, так, согласно положениям Стоглава 1551 г., ответственности подвергались только те люди, которые посягали на жизнь Царя или благополучие церкви, в случаях, когда их признавали одержимыми, в других же случаях они не подлежали уголовной ответственности [4]. Данный факт указывает на не совершенность и не достаточную разработанность института вменяемости и уголовного законодательства в целом, так как подобные разночтения в законе способствовали самоуправству высших органов власти.

Большинством учёных указывается, что существенный вклад в развитие дифференциации причин, исключая уголовную ответственность, был сделан Петром I в период его правления. Принятые им нормативные правовые акты способствовали развитию понятия «невменяемость», так как указывали на смягчение ответственности лица в том случае, если оно не могло руководить своими действиями в силу различных психических заболеваний. Так, в ст. 195 Артикула воинского отмечалось, что «Наказание воровства обыкновенно уменьшается, или весьма отставляется, ежели кто из крайней голодной нужды (которую он доказать имеет) съестное или питейное, или иное что невеликой цены украдет, или кто в лишении ума воровство учинит, или вор будет

младенец, которых дабы заранее от сего отучить, могут от родителей своих лозами наказаны быть» [1].

Исмаилов Д.А. обоснованно считает, что со временем понятие «преступление» стало трактоваться как акт воли сознания самого лица и начиная с конца XVII века законодатель предпринимает попытки исключить из перечня привлекаемых к ответственности за совершение тех или иных преступлений лиц, которые являются душевно больными и в силу определённых обстоятельств не могли совершить осознанно-волевой выбор [6]. Лица, которые в силу определённых причин не могли осознавать свои действия не рассматривались как субъекты привлечения к уголовной ответственности, что показывает движение науки уголовного права в сторону всестороннего закрепления такого понятия как «невменяемость».

Житков А.А. указывает, что в дореволюционном российском уголовном праве исследователи, изучая понятие «вменяемости», вместо привязки к психиатрическим диагнозам рассматривали его как сложную и многогранную способность, формирующуюся под влиянием биологических, психологических и социальных факторов. Ключевым показателем в данном случае являлось не наличие или отсутствие определённого заболевания, а степень его развития и полнота влияния на социализацию личности. «Способность к вменяемости» определялась не только медицинским освидетельствованием, но и анализом индивидуальных характеристик обвиняемого, его жизненного опыта и уровня социализации. В качестве иллюстрации данного подхода отмечается рассмотрение дел с участием глухонемых обвиняемых. Так, решение о вменяемости принималось индивидуально с учётом возможности у лица в течение жизни сформировать представление о социальных нормах и правилах, судом оценивалось был ли у обвиняемого доступ к образованию, а также насколько он был интегрирован в общество. Обоснованно отмечается, что анализировалось и подпадало под медицинскую и правовую оценку не само заболевание, а его влияние на формирование способности лица осознавать весь объём ответственности за свои деяния. [11]

В ранний период советской власти понятие вменяемости рассматривалась только с медицинской точки зрения, юридический аспект не затрагивался, что являлось причиной того, что в советском законодательстве

отсутствовало указание на юридическое значение вменяемости для расследования различных преступлений [7].

Однако эволюция развития уголовного права получила своё дальнейшее продвижение и в рамках этого была введена статья, которая закрепила вменяемость как важнейший признак субъекта преступления. Так, ст. 14 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик определила, что «не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло осознавать значение своих действий или руководить ими вследствие хронического психического заболевания, временного расстройства психики, слабоумия или иного болезненного психического расстройства» [2]. Данное положение способствует защите прав лиц, которые в силу определённых психических отклонений и заболеваний не имели возможности осознавать и руководить своими действиями. Развитие уголовного законодательства в данной сфере также подчеркивает необходимость комплексного подхода к оценке, совершенного лицом деяния, что способствует более гуманному отношению к лицу, совершившему преступление, и помогает предотвратить возможное злоупотребление полномочиями со стороны правоохранительных органов.

В 1960–1970-е гг. в науке советского уголовного права обозначался вопрос о введении нормы об «ограниченной вменяемости». Данное положение получило практическую реализацию в 1991 г. Так, Верховным Советом СССР были приняты «Основы уголовного законодательства Союза ССР» и союзных республик, где устанавливалось понятие «ограниченной вменяемости», в современном уголовном праве концепция данной нормы получила развитие в ст. 22 Уголовного Кодекса Российской Федерации [8, с. 52].

Таким образом, институт вменяемости в уголовном праве – это фундаментальное понятие, определяющее возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное деяние. Его историческое развитие представляет собой сложную эволюцию, отражающую изменение в понимании психики человека, природы совершаемых преступлений и целей уголовного преследования. На протяжении веков взгляды на то, какие факторы и обстоятельства образуют собой понятие «вменяемость» претерпевали существенные изменения и трансформацию, от мифических

представлений, построенных на легендах и предположениях, до современных объяснений, основанных на научных исследованиях, касающихся психологии поведения и мышления человека. На современном этапе институт вменяемости является комплексным, динамичным и постоянно развивающимся понятием. Его правильное применение требует глубокого понимания не только норм права, но и особенностей психики человека. Только комплексный подход позволит обеспечить справедливое правосудие и организацию эффективной профилактики совершения общественно-опасных деяний.

Список литературы:

1. «Артикул воинский», 6 мая 1715 года // Конституция РФ: справочно-правовой портал <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/2008/> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4905#gfw37bUMKdOnPN1p> (дата обращения: 23.12.2024).
3. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб.: Типография 2 отделения СЕИВК, 1845. – [4], IV, 898, XVII с.
4. Бекман, О.А., Пилюгина, Ю.Г. Вменяемость как признак субъекта преступления: исторический анализ / О.А. Бекман, Ю.Г. Пилюгина // Государственная служба и кадры. – 2022. – №2. – С. 151–153.
5. Душенко, К.В. М. Пастуро. Судебные процессы над животными / К.В. Душенко // Вестник культурологии. – 2014. – №2 (69). – С. 95–97.
6. Исмаилов, Д.А., Иванчук, Д.В., Мишунина, А.А., Мамина, А.О. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия «преступление» в России / Д.А. Исмаилов, Д.В. Иванчук, А.А. Мишунина, А.О. Мамина // Скиф. – 2023. – №10 (86). – С. 163–168.
7. Молчанов, Б.А., Анциферова, Ю.С. Категории «Вменяемость» и «Невменяемость» в российском уголовном праве XIX – начала XX вв. / Б.А. Молчанов, Ю.С. Анциферова // Пенитенциарная наука. – 2013. – №3 (23). – С. 4–8.
8. Морозова, Е.А. К вопросу об истории становления и развития института невменяемости в уголовном праве России / Е.А. Морозова // Actualscience. – 2017. – Т. 3. – № 2. – С. 52–54.
9. Спасенников Б.А., Пономарев С.Б. Проблема вменяемости в российском уголовном праве XVI–XIX веков / Б.А. Спасенников, С.Б. Пономарев // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – №2. – С. 119–122.
10. Уголовное право России. Практический курс: учеб.-практ. пособие: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина; ред. А.В. Наумов. – М.: Волтерс Клувер. 2007. – XXIV, 783 с.
11. Житков, А.А. К вопросу о понятии вменяемости в уголовном праве / А.А. Житков // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. – 2023. – № 3 (23). – С. 142–147. doi 10.46741/27132811.2023.23.3.01.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

Основываясь на вышеперечисленном, предлагается следующую периодизацию этапов развития понятия «вменяемость»:

1. Древний период (IX–XIV вв.).
2. Царский период (XV–XVI вв.).
3. Период становления империи (XVII – XIX вв.).
4. Ранний период советской власти (с 1900 до 1950 гг.).
5. Поздний период советской власти (с 1950 до 1991 гг.).
6. Современный период (XXI в.).

УДК 347.66

*А. А. Храмов, А. Г. Федоров***ВЗЫСКАНИЕ ДОЛГА ЗА СЧЁТ НАСЛЕДСТВА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Настоящая статья посвящена исследованию правовых проблем взыскания долга за счёт наследства. Основываясь на доктринальных основах исследуемых правоотношений, авторы анализируют практический опыт реализации правовых механизмов, направленных на удовлетворение требований кредиторов к наследникам касательно наследственной массы должника. В результате проведённого исследования, авторами формулируются выводы о том, что обременение наследственной массы долговыми обязательствами является серьёзной проблемой для гражданского оборота в силу неурегулированности ее отдельных аспектов и предлагаются пути её решения.

Ключевые слова: гражданское право; наследственное дело; выморочное имущество; долговые обязательства; добросовестное поведение; солидарные должники; кредиторская задолженность.

*A. A. Khramtsov, A. G. Fedorov***DEBT COLLECTION AT THE EXPENSE OF INHERITANCE:
THEORY AND PRACTICE**

This article is devoted to the study of legal issues of debt collection at the expense of inheritance. Based on the doctrinal foundations of the legal relations under study, the authors analyze the practical experience of implementing legal mechanisms aimed at satisfying the claims of creditors to heirs regarding the debtor's estate. As a result of the conducted research, the authors formulate conclusions that the encumbrance of the inheritance estate with debt obligations is a serious problem for civil circulation due to the unregulated nature of its individual aspects and propose ways to solve it.

Key words: civil law; inheritance case; ownerless property; debt obligations; good faith behavior; joint and several debtors; accounts payable.

Долги, не связанные с личностью умершего наследуются наряду с другим имуществом, то есть являются частью наследственной массы. Согласно статье 1175 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «Наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно» [1]. Именно так раскрывается правовое содержание юридического факта смерти наследодателя. По мнению В. И. Серебровского, долги не входят в наследство как таковое, однако по своей юридической природе обременяют наследственную массу [8, с. 32]. При этом «действующее законодательство устанавливает, что принимается все причитающееся наследнику наследство. Причём его составляющая и местонахождение значения не имеют» [9, с. 3]. Данные позиции пытаются ликвидировать конкуренцию мнений в вопросе соотношения принципа универсальности наследственного преемства и редукции долгов наследодателя, объясняя необходимость расчёта по долгам при разделе наследства. Доктринально, основная проблема взыскания долга за счёт наследства заключается в том, что со смертью физического лица прекращаются не только его права, но и его обязанности. Здесь можно

возразить, указав на то, что обязанность у умершего действительно прекратилась, но не в том смысле, что она исчезла вовсе, а в том, что наследодатель теперь ничего не должен ввиду того, что его обязанности перешли к наследникам, принявшим наследство.

Одним из практических примеров, отражающих проблематику темы, является наложение взыскания на выморочное имущество. Принимая во внимание, что «до настоящего времени неурегулированными на законодательном уровне остаются вопросы, связанные с отсутствием регламентированного порядка учёта и наследования выморочного имущества, что в свою очередь затрудняет процесс погашения обязательств наследодателя, порождающий большие проблемы на практике для кредиторов наследодателя по взысканию долгов последнего у государства» [7, с. 177]. Можно сделать вывод о том, что наследственная масса, состоящая из выморочного имущества, не сможет удовлетворить требования кредиторов. В качестве подтверждения, представляется необходимым подробно разобрать причины такого положения дел.

Так как государству не требуется получать свидетельство о праве на наследство в

отношении выморочного имущества, то это делает невозможным взыскание долгов кредиторами с государства, как с наследника особого порядка. Конечно, это не означает, что нотариат будет игнорировать оборот выморочного имущества. Наследственное дело будет заведено, но кредитор не сможет потребовать выдать государству свидетельство о праве на наследство. Следовательно, «никто долги платить не будет, так как отсутствие же свидетельства о праве на наследство при наследовании выморочного имущества не позволяет определить стоимость имущества, перешедшего в собственность Российской Федерации, субъекту РФ или муниципальному образованию, следовательно, невозможно в таких ситуациях разрешить спор о размере подлежащих взысканию долгов наследодателя» [7, с. 177]. Здесь же нельзя не затронуть вопрос «пассива» в выморочном имуществе. Подробно его уже исследовала в своей работе А.А. Гибадуллина [5, с. 32], для настоящей же статьи интерес представляет тот факт, что под «пассивом» выморочного имущества как правило понимаются долги наследодателя, а ввиду того, что отвечать по ним должно государство, то кредиторы не имеют возможности использовать конкретный административно-правовой механизм для защиты своих прав в части удовлетворения требований.

Если рассмотреть субъектный состав наследников, то можно увидеть целый спектр проблемных ситуаций, возникающих непосредственно из наложения взыскания на наследственную массу. Во-первых, из-за того, что по долгам наследодателя отвечают только наследники, то отказополучатели не являются солидарными должниками. Такая ситуация создаёт почву для недобросовестного поведения участников гражданского оборота, когда наследодатель специально делает завещательный отказ, чтобы сохранить имущество хотя бы в праве пользования. Или, например, «вызывают сомнения правовые нормы о наличии возможности внука выступать в качестве наследника, который относится к нетрудоспособному иждивенцу, имеющему отношение к наследодателю» [10, с. 4]. Во-вторых, вполне возможно, когда наследником умершего заёмщика оказывается несовершеннолетний гражданин. В данном случае дилемма ответственности наследника состоит с тем, что с одной стороны он является не дееспособным, с другой, в условиях недееспособности наследника его имуществом распоряжаются опекуны или попечители (ст. 37 ГК РФ), при этом, им всё

равно необходимо согласовать свою волю с подопечным (ст. 64 СК РФ) [2]. По мнению М.С. Жумагазиевой «наличие несовершеннолетних наследников хоть и не имеет значения для исполнения обязательств перед кредиторами, это создаёт проблемы при взыскании долга, усложняя правовую процедуру взыскания» [6, с. 48].

Одним из самых острых вопросов рассматриваемой темы является несовершенство российского законодательства, которое позволяет наследникам манипулировать имуществом наследодателя, заставляя кредиторов пропускать сроки исковой давности. Ситуация не новая, а получение выгоды достигается самой примитивной махинацией. Недобросовестный наследник сначала оформляет заявление о принятии наследства у нотариуса, после чего не обращается в регистрирующий орган и юридически не вступает в наследство, уклоняясь от получения свидетельства о праве на него. Тем самым, обязанность удовлетворить требования кредиторов замыкается на самих кредиторах, которым приходится либо постоянно следить за судьбой наследства, либо смириться с тем, что их требования останутся неудовлетворёнными, в то время как должники в полной мере пользуются имуществом наследодателя. Правда такой вариант чаще всего работает с движимым имуществом. Для того, чтобы кредиторам не попасть в подобную ситуацию, достаточно доказать перед судом факт пользования недвижимостью. В качестве него могут служить документы из управляющие компании, подтверждающие осуществления коммунальных платежей. В этом случае, истец (в лице кредитора), сможет аргументированно отстоять позицию о злоупотреблении ответчиком своими правами и восстановить срок исковой давности. Ярким примером может служить свежая судебная практика, а именно решение Гайского городского суда Оренбургской области от 30.01.2020 г по делу № 2–119/2020. В нём суд признал наследника фактически вступившим в наследство и обратил взыскание на его имущество [3].

Всё вышесказанное даёт основания полагать, что действующее гражданское законодательство РФ требует совершенствования. В наследственных делах существует множество случаев, когда один из участников гражданского оборота имеет возможность злоупотребить правом. Е.Н. Шибалева справедливо полагает, что «действия недобросовестных наследников должны рассматриваться судами как злоупотребление правом. Вместе с тем, в

целях установления единой судебной практики и защиты прав граждан законодательно должны быть установлены пресекательные нормы для данного поведения» [11, с. 68]. Поэтому, для повышения качества правосудия, поддержания законности и справедливости следует внимательнее относиться осуществлению своих субъективных прав наследниками. Также, видится возможным интеграция института администрирования в наследственных делах. Данная практика широко

распространена в странах англо-саксонской правовой семьи и позволяет минимизировать недобросовестность при наследовании имущества. Её суть заключается в том, что в случае, «когда наследственная масса обременена долгами, на данное наследственное дело назначается уполномоченное лицо, которое курирует удовлетворение требований кредиторов, после чего наследство (если оно остаётся) переходит к законным наследникам без каких-либо обременений» [4, с. 44].

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 3 // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34154/ (дата обращения: 07.01.2025).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // КонсультантПлюс: информационно-правовой портал. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 06.01.2025).
3. Решение № 2-119/2020 2-119/2020~М-1203/2019 М-1203/2019 от 30 января 2020 г. по делу № 2-119/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: [сайт]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SnpkXJ0m5yZP/> (дата обращения: 06.01.2025).
4. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018 – 656 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса). URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/412634882.pdf> (дата обращения: 07.01.2025).
5. Гибадуллина, А.А. Особенности ответственности публично-правовых образований по обязательствам наследодателей за счет выморочного имущества / А.А. Гибадуллина // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – №3. – С. 30–35.
6. Жумагазиева, М.С. Ответственность несовершеннолетних наследников по долгам наследодателя / М.С. Жумагазиева // Вестник магистратуры. – 2022. – №6-3 (129) – С. 47–48.
7. Капанин, В.К. Проблемы ответственности по долгам наследодателя при наследовании выморочного имущества / В.К. Капанин // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2020. – № 8 (48). – С. 176–180.
8. Серебровский, В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. Изд. 2-е, испр / В.И. Серебровский. – М.: Статут, 2003 – 558 с.
9. Федосеев, М.О. Принятие наследства и отказ от наследства по российскому гражданскому праву / М.О. Федосеев // Дневник науки. – 2024. – № 6 (90). – С. 1–7.
10. Цыганок, Е.В., Федоров, А.Г. Разрешение споров, связанных с наследованием по праву представления / Е.В. Цыганок, А.Г. Федоров // Дневник науки. – 2022. – № 11 (71). – С. 1–6.
11. Шibaева, Е.Н. Злоупотребление правом в условиях отказа от наследства / Е.Н. Шibaева // Современный юрист. – 2020. – № 3 (32). – С. 59–68.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Калуга, РФ

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Мария Алексеевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.05.04 Судебно-прокурорская деятельность. E-mail: AntonovaMAlk@studklg.ru

Белова Ирина Борисовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: belovaib@tksu.ru

Власов Александр Евгеньевич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Ворожун Алина Александровна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: VorozhunAA@studklg.ru

Гаврилюк Наталия Павловна – кандидат исторических наук, директор музея «Бузеон», ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура», Калуга. E-mail: gavriliuk_nata@bk.ru

Гольцов Андрей Николаевич – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. Научная специальность 5.6.2 Всеобщая история. E-mail: goltsov1@yandex.ru

Дедиу Евгений Игоревич – старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: dediu13@mail.ru

Демина Татьяна Владимировна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: Demi-naTV@studklg.ru

Дорохина Маргарита Николаевна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: dorokhinamn@studklg.ru

Дроздов Денис Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. E-mail: drozdovde@tksu.ru

Запальская Анастасия Игоревна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: nastyawatson97@bk.ru

Иванников Иван Андреевич – доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор кафедры теории, истории государства и права Сочинского филиала ВГУЮ (РПА Минюста России). E-mail: freiheit2061@gmail.com

Иевлева Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: ievleva@klg.ranepa.ru

Ильяш Алексей Владимирович – кандидат юридических наук, и. о. заведующего кафедрой юриспруденции Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: IlyashAV@tksu.ru

Кометчиков Игорь Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kometchikoviv@tksu.ru

Корнелиук Виталий Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры туризма и культурного наследия Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Кандидат исторических наук, доцент. E-mail: zrumljowa@mail.ru

Кочаловская Наталия Александровна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: KochalovskayaNA@studklg.ru

Курков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: kurkovvv@tksu.ru

Ленкова Юлия Андреевна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: LenkovaYA@studklg.ru

Лисакова Виктория Игоревна – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: MajorovaVI@studklg.ru

Майорова Наталья Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: mao956@mail.ru

Маркина Анастасия Александровна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция? E-mail: markina.nastasiaa@yandex.ru

Маркитанов Богдан Игоревич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.05.04 Судебно-прокурорская деятельность. E-mail: MarkitanovBI@studklg.ru

Маторина Юлия Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). E-mail: yulyamatorina@yandex.ru

Митина Александра Александровна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 46.03.01 История. E-mail: mitinaala@studklg.ru

Панков Артём Сергеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 41.03.06 Публичная политика и социальные науки, профиль «Социально-политические коммуникации». E-mail: pankovas@studklg.ru

Паршенков Даниил Юрьевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: ParshenkovDY@studklg.ru

Полякова Мария Александровна – доктор педагогических наук, доцент, Директор Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: maria71@rambler.ru

Сапожников Максим Викторович – аспирант кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: krasnopivzev@mail.ru

Соболева Анастасия Алексеевна – студентка факультета высшего образования Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); специальность: Правовое обеспечение национальной безопасности. E-mail: kf@rpa-mjust.ru

Соломянова Мария Игоревна – студентка Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: SolomyanovaMI@studklg.ru

Тарасова Любовь Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: tarasovalv@tksu.ru

Ульянов Иван Александрович – магистрант Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, направление подготовки 44.04.01 Педагогическое образование, магистерская программа «Историческое регионоведение». E-mail: ivanmed03@yandex.ru

Федоров Александр Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Института истории и права. E-mail: fedorovag@tksu.ru

Филимонов Никита Александрович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: filimonovnikita95@yandex.ru

Храмцов Андрей Алексеевич – студент Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского; направление подготовки 40.03.01 Юриспруденция. E-mail: khramtsovaa@studklg.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Института истории и права Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского. E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

ВЕСТНИК КАЛУЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 3. История. Политика. Право

Научный журнал

2024 №2 (5)

Дата выхода в свет 17.12.2024. Формат 60x84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. 20. Тираж 500 экз.
Максимальный объём 180 страниц формата А4
Издательство КГУ им. К.Э. Циолковского. 248023 Калуга, ул. Разина, 22/48.

Отпечатано «Наша Полиграфия». 248600 Калуга, Грабцевское шоссе, 126
Лицензия ПЛД № 42-29 от 23.12.99.

